

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВСЕРОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ЮСТИЦИИ
(РПА Минюста России)»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Материалы

V международной научно-практической конференции

Санкт-Петербург, 27 сентября 2019 г.

Том 1

Санкт-Петербург
2019

УДК 342
ББК 67.0

Редакционная коллегия:

*Д. В. Рыбин (председатель),
Е. В. Трофимов (ответственный редактор),
Д. В. Волков, А. Н. Несмиянов, Т. И. Свиридонова,
Я. А. Сексте, А. А. Сергеева, Н. Н. Штыкова*

А 43 Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: материалы V международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 27 сентября 2019 г.) : в 2-х т. / редкол.: Д. В. Рыбин (пред.), Е. В. Трофимов (отв. ред.) [и др.]. — СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. — Т. 1. — 196 с.

В настоящем сборнике представлены научные доклады по широкому спектру государствоведческих и публично-правовых вопросов, которые были обсуждены на V международной научно-практической конференции, состоявшейся в Санкт-Петербурге 27 сентября 2019 г.

Издание предназначено для научно-педагогических работников, аспирантов и студентов юридических вузов, а также всех интересующихся проблемами права.

ISBN 978-5-6042626-3-4 (т. 1)

ISBN 978-5-6042626-3-4

ISBN 978-5-6042626-2-7

ISBN 978-5-6042626-2-7

© Авторы статей, 2019
© ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019
(составление, оформление)

Содержание

<i>Андрияшко М. В.</i> Законодательство Республики Беларусь о демографической безопасности.....	5
<i>Горбатова М. А.</i> Актуальные проблемы квалификации оставления в опасности.....	9
<i>Макушин А. А.</i> Договор Бога с человеком и конституционный договор.....	13
<i>Назарова Н. А.</i> Особенности договора поставки в России.....	20
<i>Юрицин А. А.</i> Диспозитивность в регулировании государственных властных отношений.....	23
<i>Андрияшко М. В.</i> Эволюция международно-правовой регламентации права молодых граждан на участие в управлении делами общества и государства.....	34
<i>Богданова Н. В.</i> Сфера функционирования современных англоязычных терминов права и специфика их перевода.....	43
<i>Зорин А. В.</i> Система противодействия коррупции в профессиональном развитии государственных служащих Российской Федерации.....	49
<i>Матвеева Н. П.</i> К вопросу о балансе публичных и частных интересов в корпоративных отношениях.....	55
<i>Питулько К. В.</i> Проблемы квалификации мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа.....	61
<i>Ибрагимов С. И., Марифхонов Р. Н.</i> Административный процесс: дискуссионные подходы к пониманию и их значение в формировании национального административно-процессуального права Республики Таджикистан.....	65
<i>Джалилов С. А.</i> Толерантность как важный аспект формирования личности студентов юридических вузов.....	73
<i>Воскобойник И. О.</i> Уголовно-процессуальный статус потерпевшего и его реализация в отсутствие данного участника в ходе дознания.....	81
<i>Баталин А. В., Меланьина К. Р.</i> Некоторые вопросы установления административной ответственности при реализации права на охрану жизни и здоровья людей в Российской Федерации.....	89
<i>Бельская Е. И.</i> Соглашение НАФТА и соглашение между США, Мексикой и Канадой от 30 ноября 2018 года: сравнительный анализ.....	93
<i>Алексенко А. А., Москалева К. А., Трофимова Н. П., Штыкова Н. Н.</i> Значение заключений экспертов при рассмотрении уголовных дел главы 25 УК РФ.....	98

<i>Ежова Е. В., Терезулова А. И.</i> К вопросу о рационализации стадии предварительного расследования в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых.....	101
<i>Волкова М. А., Ситдикова Л. Б.</i> Характеристика отдельных способов защиты авторских прав в сети «Интернет»	107
<i>Сопраньков Г. А.</i> Соотношение функций прокурорского надзора: уголовного преследования, надзора и обвинения	112
<i>Соколова М. А.</i> К вопросу о взаимодействии региональной и муниципальной власти (на примере Нижегородской области)	115
<i>Порохов М. Ю.</i> Особенности реализации принципа равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессах при принятии искового заявления	127
<i>Осипов В. А.</i> Развитие независимых научно-исследовательских центров как одно из эффективных направлений предупреждения преступности экстремистской направленности в Российской Федерации (на примере опыта Соединенных Штатов Америки)	131
<i>Онищук И. И.</i> Способы усовершенствования право-регулятивных свойств нормативных правовых актов в целях обеспечения верховенства права	136
<i>Несмиянов А. Н.</i> Правовое государство: проблемы самоограничения власти.....	150
<i>Муццинина Л. Н.</i> Суд в римской комедии.....	155
<i>Егорова О. А.</i> К вопросу о предмете доказывания по спору о взыскании страхового возмещения по договору ОСАГО в денежной форме в случае нарушения страховщиком срока выдачи направления на восстановительный ремонт	160
<i>Ксендзов Ю. Ю.</i> Некоторые аспекты обеспечения прав подозреваемого при задержании	168
<i>Чимаров Н. С.</i> Историко-правовой обзор типологии коррупционных проявлений в государстве.....	178
<i>Штыкова Н. Н.</i> О законности требований, предъявляемых при внесении изменений в учредительные документы некоммерческих организаций	182
<i>Шунк В. Э.</i> Знание поведенческих признаков обмана — условие эффективности опроса (допроса) и экономии бюджетных средств при раскрытии и расследовании преступлений	186
<i>Смирнова О. Г.</i> Интернет как угроза информационно-психологической безопасности личности в информационном обществе	192

Андрияшко Марина Васильевна,

кандидат юридических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет»,
старший научный сотрудник кафедры
«Гражданское право и гражданское судопроизводство»,
Россия, г. Челябинск,
andryiashkomv@mail.ru

Законодательство Республики Беларусь о демографической безопасности

Отношения по обеспечению в Республике Беларусь демографической безопасности регулируются широким кругом нормативных правовых актов различной юридической силы: от законодательных, к которым в силу п. 5 ст. 1 закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах» отнесены Конституция Республики Беларусь, законы, декреты и указы Президента Республики Беларусь (далее: закон «О нпа»), до актов более низкой юридической силы, к которым, согласно абз. 6–9 п. 2 ст. 3 закона «О нпа», отнесены:

- 1) постановления Совета Министров Республики Беларусь;
- 2) постановления обеих палат Национального собрания Республики Беларусь; акты Верховного Суда Республики Беларусь и Генеральной прокуратуры, а также нормотворческих органов, подотчетных Президенту Республики Беларусь;
- 3) нормативные правовые акты министерств и иных республиканских органов государственного управления;
- 4) решения, принятые местными референдумами, решения местных советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов.

Такой охват нормативных правовых актов, с одной стороны, свидетельствует о заинтересованности государства в организации работы по обеспечению устойчивого состояния демографической безопасности в стране, с другой — создает предпосылки для правовой неопределенности, под которой, согласно п. 14 ст. 1 закона «О нпа», понимается «отсутствие ясности, точности и логической согласованности норм права, в том числе вызванное наличием пробелов в законодательстве (правовом регулировании) и коллизий нормативных правовых актов, что порождает возможность неоднозначного понимания норм права и их неединообразного применения».

Наличие правовой неопределенности при организации правового регулирования отношений по обеспечению демографической безопас-

ности, в свою очередь, усугубляется в связи с обращением к понятию и видам демографических угроз.

Так, понятие «демографическая угроза» дефинировано в абз. 3 ст. 1 закона Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» (далее: закон «О демографической безопасности»): «...демографические угрозы — демографические явления и тенденции, социально-экономические последствия которых оказывают отрицательное воздействие на устойчивое развитие Республики Беларусь». Собственно перечень демографических угроз является закрытым. Согласно ч. 1 ст. 3 закона «О демографической безопасности», к таковым отнесены: депопуляция; старение населения; нерегулируемые миграционные процессы; деградация института семьи.

Насколько обыденны статистический учет и социологическое обоснование ретроспективных данных о включенных в перечень явлениях и процессах, представляющих собой демографические угрозы, настолько сложно прогнозируем даже на краткосрочную перспективу порядок обеспечения нивелирования этих явлений и процессов посредством норм права.

Кроме того, внутрисемейная сфера, например, помимо норм права урегулирована нормами морали и национальными традициями, что следует из содержания Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее: КоБС). В частности:

1) согласно абз. 2 ст. 1 КоБС, одной из задач брачно-семейного законодательства является укрепление семьи на принципах *общечеловеческой морали*;

2) согласно ч. 1 ст. 59 КоБС, под семьей понимается объединение лиц, связанных между собой помимо прочего *моральной* общностью и поддержкой;

3) согласно ч. 2 ст. 69 КоБС, орган загс не вправе отказать в присвоении ребенку выбранного родителями собственного имени, если оно не противоречит нормам *общественной морали и национальным традициям*;

4) согласно ч. 1 ст. 189 КоБС, каждый ребенок имеет право на защиту своей личности от любых видов эксплуатации и насилия, в том числе *моральных*;

5) порицается *аморальное*, не соответствующее устоявшемуся представлению о морали, поведение субъектов семейных правоотношений:

5.1 согласно ч. 3 ст. 67 КоБС, под социально опасным положением понимается обстановка, при которой лица, принимающие участие в воспитании и содержании ребенка, ведут *аморальный* образ жизни;

5.2. согласно ч. 1 ст. 80 КоБС, родители могут быть лишены родительских прав, если ведут *аморальный* образ жизни, оказывающий вредное воздействие на ребенка [4];

5.3. согласно ч. 1 ст. 80¹ КоБС, если установлено, что родители ведут *аморальный* образ жизни в совокупности с другими асоциальными проявлениями, то по решению комиссии по делам несовершеннолетних следует отобрание ребенка;

5.4. согласно ч. 1 ст. 138 КоБС, усыновление ребенка отменяется, если усыновители ведут *аморальный* образ жизни, оказывающий вредное воздействие на усыновленного ребенка.

Таким образом, нормативный правовой акт не единственный источник регулирования внутрисемейных отношений. Эта сфера регулируется также нормами морали и «национальными традициями» (ст. 69 КоБС). Из положений КоБС следует, что мораль может быть «общечеловеческой» (ст. 1 КоБС) и «общественной» (ст. 69 КоБС).

Указания на то, что именно понимать под общечеловеческой моралью и общественной моралью, на соотношение этих понятий, а также на то, какие национальные традиции имеются в виду, в нормах КоБС отсутствуют. Представляется излишним, порождающим возможность неоднозначного понимания, неединообразного применения в связи с затруднительным для толкования содержанием упоминание в КоБС в одном и том же контексте терминов «общечеловеческая мораль» и «общественная мораль», являющихся как минимум разными по объему понятиями. Учитывая указанное, в целях обеспечения регулирования отношений на принципах прозрачности представляется целесообразным исключить из абз. 2 ст. 1 КоБС слово «общечеловеческой», а также исключить из ч. 2 ст. 69 КоБС слово «общественной».

Преимущественно за рамками правового регулирования находятся также деструктивные отношения в семье: факты домашнего насилия. Вне зависимости от факта совместного проживания и ведения совместного хозяйства деструкция домашнего насилия распространяется на следующие группы лиц: 1) родители, дети; 2) усыновители, усыновленные; 3) родные братья и сестры; 4) дед, бабушка, внуки; 5) супруги; 6) бывшие супруги; 7) граждане, имеющие общего ребенка; 8) совместно проживающие граждане, не состоящие между собой в браке. Такой перечень может быть дополнен с учетом различных критериев, например возрастного (лица трудоспособного возраста и лица старше трудоспособного возраста), критерия здоровья (трудоспособные граждане и нетрудоспособные граждане либо граждане с особенностями психофизического развития) и др.

По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь (МВД), «количество административных правонарушений, связанных с насилием в семье, ежегодно составляет около 50 тысяч <...> То есть к нам поступает около 120 тысяч сообщений о фактах насилия, в итоге только 50 тысяч нарушителей привлекаются к ответственности» [2].

Среди наиболее распространенных составов административных правонарушений в семейно-бытовой сфере, предусмотренных

Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) [3], следует выделить: умышленное причинение телесного повреждения (ст. 9.1 КоАП); оскорбление (ст. 9.3 КоАП); мелкое хулиганство (ст. 17.1 КоАП). Как правило, прямой связи с фактом именно домашнего (семейного) насилия в настоящее время законодатель не требует. Исключение представляет ч. 2 ст. 9.1 КоАП, согласно которой установлена ответственность «за нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершенные в отношении близкого родственника либо члена семьи, если в этих действиях нет состава преступления, а также за нарушение защитного предписания». Вместе с тем административная ответственность за насилие не распространяется на деяния, совершенные, например, бывшими членами семьи.

По фактам домашнего насилия применяется не только административно-деликтное законодательство. Как отмечают представители МВД, «за семь месяцев этого года (2019. — М. А.) в семейных конфликтах погибли 55 человек, тогда как в прошлом году за аналогичный период погибли 48 человек» [1].

Представляется, что деградация института семьи как демографическая угроза, определяемая лишь показателями брачности и разводимости, не позволяет сформировать достаточно полное и достоверное и представление об актуальном состоянии семьи как социального института, нормальное функционирование которого способствует обеспечению демографической безопасности.

Список литературы

1. Закона о противодействии домашнему насилию в Беларуси пока не будет [Электронный ресурс] // Sputnik, 2019. — URL: <https://sputnik.by/society/20190807/1042339326/Zakona-o-protivodeystvii-domashnemu-nasiliyu-v-Belarusi-poka-ne-budet.html> (дата обращения: 01.09.2019).

2. Каждое третье тяжкое преступление в Беларуси совершают близкие люди [Электронный ресурс] // Sputnik, 2019. — URL: https://sputnik.by/press_center/20190125/1039758230/Kazhdoe-trete-tyazhkoe-prestuplenie-v-Belarusi-sovershayut-blizkie-lyudi.html (дата обращения: 01.09.2019).

Горбатова Марина Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Россия, г. Санкт-Петербург,
gorbatovam@mail.ru

Актуальные проблемы квалификации оставления в опасности

Согласно ст. 125 УК РФ, оставлением в опасности признается «заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни или здоровья состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности, в случаях если виновный имел возможность оказать помощь этому лицу и был обязан иметь о нем заботу либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние».

Изучение теории и судебной практики по делам о преступлениях рассматриваемой категории показывает, что применение ст. 125 УК РФ вызывает ряд трудностей, связанных с пониманием конструктивных признаков состава данного преступления.

1. В правоприменительной практике нередко возникают вопросы по поводу квалификации оставления без помощи потерпевшего, чья смерть неизбежна. Чаще всего такие ситуации имеют место по делам о дорожно-транспортных происшествиях, когда участник аварии скрывается с места происшествия, осознавая, что пострадавший жив. Есть мнение, что для привлечения к уголовной ответственности достаточно факта уклонения от оказания помощи [1, с. 101], наказуемо уже само оставление без помощи независимо от того, могло ли ее оказание предотвратить наступление последствий [2, с. 291].

Вместе с тем в диспозиции ст. 125 содержится указание не только на обязанность действовать, но и на наличие возможности у виновного оказать помощь потерпевшему. Поэтому решение вопроса об уголовной ответственности за оставление в опасности зависит от того, мог ли виновный в сложившейся ситуации спасти потерпевшего. Подтверждение данной позиции находим в материалах судебной практики. Например, Саткинский городской суд Челябинской области признал С. виновным помимо прочего в оставлении в опасности. В судебном заседании было установлено, что С. совершил наезд на пешехода и скрыл-

ся с места совершения преступления. При этом он имел реальную возможность оказать первую помощь пострадавшему, но никаких мер не принял. Пешеход от полученных травм скончался на месте происшествия в течение нескольких минут после полученных повреждений.

2. В качестве одного из альтернативных объективных оснований привлечения к уголовной ответственности за оставление потерпевшего без помощи законодатель называет обязанность виновного иметь о нем заботу. Однако представляется, что забота и оказание помощи — понятия отнюдь не совпадающие. О заботе чаще всего речь идет в семейных отношениях: между родителями и детьми. Статья 38 Конституции РФ устанавливает, что забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей (ч. 2), трудоспособные дети, достигшие 18 лет, должны заботиться о нетрудоспособных родителях (ч. 3). Семейный кодекс РФ развивает данные положения: согласно ст. 63, «родители обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей», а в соответствии со ст. 87 «трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей и заботиться о них».

В связи с этим полагаем, что возложить, например, на спасателя, который по роду службы обязан оказывать помощь терпящим бедствие, еще и обязанность заботиться о них в полном смысле этого слова было бы излишним. Поэтому в диспозиции ст. 125 следует указать на обязанность виновного оказывать помощь потерпевшему, находящемуся в опасном для жизни или здоровья состоянии.

3. Из предыдущей проблемы вытекает вопрос о юридической оценке оставления в опасности потерпевшего его родственниками, которых нельзя отнести к близким (братья, сестры, тети, дяди и т. п.). Представляется, что при оставлении таким лицом потерпевшего без необходимой помощи привлечь данное лицо к уголовной ответственности по ст. 125 УК РФ можно только в том случае, если будет установлена его юридическая обязанность заботиться о потерпевшем, а значит, и оказывать ему помощь (например, опекунство). В остальных случаях не оказание помощи будет лишь невыполнением моральной обязанности помогать ближнему, что не может влечь уголовную ответственность, как бы жестоко ни выглядело данное бездействие.

4. Следующая проблема связана с правовой природой поставления потерпевшего в опасное состояние, которое является вторым альтернативным основанием привлечения к уголовной ответственности за бездействие («...либо сам поставил его в опасное для жизни или здоровья состояние»). Поскольку законодатель не уточнил вину в отношении поставления в опасность, в науке уголовного права она определяется совершенно по-разному: некоторыми учеными допускается невиновное поставление в опасность, другие указывают на осознанность поставления, третьи полагают, что оно обязательно должно быть виновным.

Не лучше обстоят дела и в правоприменительной практике. С одной стороны, в своих решениях по делам о преступлениях, связанных с оставлением в опасности, суды неоднократно указывали, что по смыслу закона потерпевший должен быть поставлен в опасное состояние в результате неосторожных действий виновного. Если же поставление в опасность представляет собой умышленное насильственное действие (причинение вреда здоровью, разбой, изнасилование и т. п.), то в случае последующего оставления потерпевшего без помощи ст. 125 УК РФ применяться не должна, ответственность наступает только за насильственное преступление.

С другой стороны, суды регулярно применяют ст. 125 УК РФ по делам о дорожно-транспортных происшествиях, когда водитель, причастный к ДТП, не оказал помощь пострадавшему, но при этом его вина в нарушении Правил дорожного движения не установлена, т. е. поставление в опасность является невиновным.

Таким образом, вопрос о юридической оценке оставления без помощи лица, которое было поставлено виновным в опасное состояние, остается открытым: ни закон, ни теория, ни практика не предлагают его четкого и однозначного решения.

5. Проблемы возникают и при установлении субъективной стороны оставления в опасности, особенно в тех случаях, когда его предвляло поставление потерпевшего в опасное для его жизни или здоровья состояние.

Переоценить значение этого вопроса невозможно, ибо точное установление содержания вины позволяет отграничить данное преступление от покушения на убийство или причинения вреда здоровью. Поскольку законодатель в диспозиции указал на заведомость оставления потерпевшего без помощи, в теории получила распространение позиция, согласно которой оставление в опасности может быть совершено с косвенным умыслом и даже по легкомыслию. При обосновании такого решения интеллектуальный момент вины обычно раскрывается по отношению к возможным последствиям оставления в опасности, а не к самому акту бездействия, что в корне неверно.

Очевидно, что состав оставления в опасности является формальным, поэтому вина может быть выражена только в виде прямого умысла. Содержание вины в этом случае достаточно сложно и, во-первых, включает в себя осознание виновным, что:

- потерпевший находится в опасном для жизни или здоровья состоянии;
- потерпевший лишен возможности самосохранения вследствие малолетства, старости, болезни или своей беспомощности;
- виновный обязан оказать помощь потерпевшему;
- виновный может оказать помощь потерпевшему.

Во-вторых, виновный предвидит неизбежность или возможность оставления потерпевшего в опасном для жизни или здоровья состоянии. В-третьих, он стремится уклониться от выполнения обязанности оказать помощь.

Если же виновный, имея прямой умысел на лишение жизни или причинение вреда здоровью потерпевшего, сам поставил его в опасное состояние и затем оставил без помощи, ответственность должна наступать не по ст. 125 УК РФ, а за покушение на задуманное преступление.

Перечисленные отдельные проблемы, возникающие при применении ст. 125 «Оставление в опасности» на практике, порождают новый круг вопросов, связанных с ограничением оставления в опасности от смежных составов, с квалификацией этого преступления по совокупности с другими посягательствами и юридической оценкой наступивших в результате оставления в опасности последствий. Отсутствие однозначного решения этих вопросов квалификации приводит к тому, что судебную практику по делам об оставлении в опасности признать единообразной невозможно: в похожих ситуациях суды в одном случае усматривают лишь оставление в опасности, в другом — причинение смерти по неосторожности, а в третьем — и то и другое одновременно.

Представляется, что в сложившейся ситуации возникла острая необходимость либо в уточнении признаков состава преступления непосредственно в уголовном законе, либо в издании высшей судебной инстанцией рекомендаций по квалификации оставления в опасности. Это, несомненно, будет способствовать дальнейшему совершенствованию законодательства и повышению эффективности правоприменительной деятельности в сфере обеспечения безопасности жизни и здоровья граждан.

Список литературы

1. Даянова А. Р. Актуальные вопросы применения нормы, устанавливающей уголовную ответственность за оставление в опасности // Вестн. Уфимск. юр. ин-та МВД России. — 2016. — № 2. — С. 100–102.
2. Коробеев А. И. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека: моногр. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 320 с.

Макушин Александр Александрович,

кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
доцент кафедры конституционного и международного права,
Россия, г. Санкт-Петербург,
mak-n@list.ru

Договор Бога с человеком и конституционный договор

Правоведы могут удивиться, если мы скажем, что Священное Писание не только указало на главную идею в развитии человечества — идею эволюционного преобразования человека, но и определило процессуальную форму ее реализации. Этой формой является завет, что на современном языке означает «договор». Собственно содержание Библии и образуется книгами Ветхого и Нового Заветов, т. е. Ветхого и Нового договоров, а в целом — договором Бога с человеком.

Идея эволюции человека и договор Бога с человеком — главная смысловая и повествовательная линия Библии. Соотносятся они как содержание и форма: идея имеет материальное значение, определяет то, что должно быть, договор является процессуальной формой реализации идеи. Первое и второе здесь находится в неразрывном единстве: стоит убрать одно — и смысл целого утрачивается.

В иных древних источниках также можно найти сведения о договоре. Например, важное понятие в римском праве «*Lex*» («закон») первоначально означало «*всякое правило, которое римский гражданин устанавливает для себя или вместе с другими (завещание, договор)*» <...> (Гай I, 2)» [1, с. 178–179]. И все же договор, который содержит Библия, имеет особую природу.

В чем же его особенности?

1. Предмет договора в римском праве составляли материальные и связанные с ними нематериальные отношения, где сторонами выступают люди и различного рода их объединения. Предметом Ветхого и Нового Заветов являются отношения исключительно духовного характера, где на одной стороне Творец, а на другой — Его творение: человек в различных его ипостасях. Сначала Бог заключает договор с человеком как индивидуумом (завет с Адамом), далее — с праведником (завет с Ноем), другом и отцом народов (завет с Авраамом и его потомками), после — с народом (завет с пророком Моисеем и царем Давидом) и наконец — со всем человечеством (Новый Завет). В этих договорах, по мысли Ф. Фаррара, заключается «*основное понятие взаимности между*

Богом и человеком» [5, с. 12–13]. Обобщенно этот вид нематериальных отношений можно назвать *отношениями, связанными с развитием человека и реализацией его права на свободное прогрессивное развитие*. Они-то, судя по всему, и определяют предмет Божьего договора.

2. Договор Бога с человеком можно считать договором милости. В основе любого договора лежат взаимный интерес, добрая воля, доверие и согласие. Божий договор также содержит эти элементы. Но, опять же, обнаруживают они себя по-особенному. Как следует из текста Библии, во всех своих составляющих договор всегда заключался по инициативе Творца. Бог обещает человеку благополучие в его земной жизни, а после прохождения земного пути еще и жизнь вечную. Взамен же просит совсем немного: всего лишь соблюдать Его законы. *«Исполняйте постановления Мои, и храните законы Мои, и исполняйте их, и будете жить спокойно на земле»* (Лев. 25: 18), — говорит Он множество раз израильтянам. И добавляет: *«...ибо вам открыт рай, насаждено древо жизни, предназначено будущее время, готово изобилие, построен город, приготовлен покой, совершенная благодать и совершенная премудрость»* (3 Ездр. 8: 52). Согласимся, то, что предлагает Бог человеку, и то, что от него просит взамен, вещи несопоставимые.

3. Творец совсем не принуждает творение к исполнению договора. Он *«не совершает насилия над человеческой природой»* [2, с. 287], не заставляет человека быть счастливым, а всего лишь желает этого, предоставляя ему полную свободу воли. Заметим, когда израильтянам через Моисея были даны первые законы, государства у них еще не было, а когда Иисус Христос преподавал Заповеди блаженства, оно уже было. Однако ни во время правления судей, ни во время правления царей исполнять Божьи законы людей никто не понуждал. Попечение о своем благополучии в настоящем и будущем веке Бог отдал самому человеку. Выходит, силой, обеспечивающей исполнение Божьего договора (гарантией его реализации), является добрая воля человека.

4. Важной особенностью Божьего договора является его динамичный характер. Этот договор находится в постоянном развитии, причем во всех трех традиционных для правового регулирования направлениях: во времени, в пространстве и по кругу лиц.

Во времени происходит обогащение содержания договора: от сотворения мира до Рождества Христова действует Ветхий Завет, после Рождества Христова к Ветхому Завету добавляется Новый Завет, далее развитие договора происходит за счет конституционного творчества народов, соотносящих положения своих конституций с Божьими законами, что, как мы предположили, является проявлением благодати Святого Духа.

В пространстве расширяется география действия договора: изначально Эдемский сад, далее — земля Ханаанская, страна Палестина, вся Ойкумена.

По кругу лиц растет число людей, участвующих в исполнении договора: Бог и человек (праведник, друг Божий, отец народов), далее — Бог и народ, Бог и все человечество.

5. Договор Бога лишен абстрактности и не содержит пустых обещаний. Все, о чем Творец договаривается со своим творением, должно быть исполнено: «*благословение на обладание землей и владычество над всеми животными*» (Быт. 1: 28), «*не будет потопа*» (Быт. 9: 11), «*потомство Авраама будет верующим, многочисленным, овладеет Палестиной*» (Быт. 17: 5–8), «*спасение из Египта и поселение в Палестине*» (Исх. 6: 6–8), «*мессия из дома Давида*» (2 Цар.7: 16), «*жизнь вечная*» (Ин. 12: 50; 1 Ин. 2: 25). Конечно, люди вправе сомневаться — это было, есть и будет. Проверить в земной жизни, есть жизнь вечная или нет, вряд ли и нам удастся. Отметим лишь одно: Бог договаривается с человеком исключительно с расчетом на результат.

Однако что же нам дает исследование договора Бога с человеком и какое отношение он имеет к конституции народа? Думается, самое что ни на есть прямое. Один и другой находятся в непосредственной взаимосвязи, а исследование этой взаимосвязи позволяет лучше познать природу конституции народа, что важно при ее создании и дальнейшем совершенствовании. Приведем некоторые важные, на наш взгляд, аналогии.

Во-первых, договор Бога с человеком подвигает нас к пониманию того, что конституция народа представляет собой не просто односторонний акт, а договор, исходящий от народа, который, так же как и договор Бога с человеком, является процессуальной формой реализации идеи эволюции человека, идеи его свободного прогрессивного развития. Сторонами в этом *конституционном договоре* являются народ как создатель и носитель своей конституции, человек, ради которого создается конституция, а также государство и другие национальные субстанциональные социальные институты, смысл существования которых состоит в создании благоприятных условий для свободного прогрессивного развития человека. В конституционном договоре многонационального народа, образуемого множеством народов и (или) региональными общностями, сторонами договора выступают также народы и (или) региональные общности, образующие многонациональный народ.

Во-вторых, договор Бога с человеком и конституционный договор имеют общий предмет правового регулирования: *отношения, связанные с развитием человека и реализацией его права на свободное прогрессивное развитие*. Кроме того, конституционный договор имеет свои особые группы объектов, на которые он оказывает регулирующее воздействие. В их числе отношения, связанные с организацией процесса развития народа и реализацией им своих прав, с развитием национальных субстанциональных и акцидентных институтов и реализацией

ими своего естественного предназначения, отношения между национальными субстанциональными институтами, между национальными субстанциональными институтами и человеком, между народами и (или) региональными общностями, образующими многонациональный народ, отношения между субъектами федерального государства и любые другие, которые народ сочтет требующими регулирования. Таким образом, расширяя сферу правового воздействия на процесс развития человека, конституционный договор представляет собой естественное продолжение договора Бога с человеком.

В-третьих, естественный характер конституционного договора определяет особый правовой статус субъектов конституционного права. Среди них выделяются две отдельные группы: *стороны конституционного договора* и *участники конституционного договора*.

Статус сторон определяется их естественным предназначением: народ организует процесс своего развития, человек реализует право на свободное прогрессивное развитие, национальные социальные институты создают условия для свободного прогрессивного развития народа и человека. По своей сути они являются субъектами конституционного развития.

Участниками конституционного договора являются конкретные лица, обладающие способностью осуществлять права, исполнять обязанности и нести ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей. К их числу относятся: а) органы, представляющие народ во взаимоотношениях с другими участниками договора; б) люди, которые считают себя представителями данного народа; в) органы, представляющие национальные субстанциональные социальные институты.

В-четвертых, ответственность в конституционном договоре носит позитивный характер. Она не предусматривает мер внешнего принуждения и тем более возмездия за неисполнение или ненадлежащее исполнение его положений, что свойственно юридической ответственности. И прежде всего потому, что такие меры невозможно применить ни к сторонам, ни к участникам конституционного договора. Невозможно заставить народ установить дружеские отношения с другими народами, стать сувереном, совершенствовать свою конституцию и государство. Невозможно заставить человека быть свободным, счастливым и совершенным, жить с другими людьми в мире, любви и согласии. Невозможно принудить национальные социальные институты служить человеку, надлежащим образом осуществлять свое естественное предназначение. И тем более здесь нет смысла говорить о каком-либо возмездии.

Участники конституционного договора также не могут быть названы в юридическом смысле этого слова. Меры конституционной ответственности здесь носят превентивный, сдерживающий и огра-

ничительный характер. Это такие специфические меры, как конституционное порицание, неизбрание на выборах, отказ в доверии, отзыв, роспуск, отставка, публичное отрешение от должности и т. п. Причем применяться они могут не только в сфере деятельности государства, но и в сферах деятельности иных национальных социальных институтов.

В-пятых, конституционный договор находится в постоянном развитии. На примере конституционного творчества отдельных народов можно выделить три этапа в развитии конституционного договора, исходя из степени приближения его к более совершенному состоянию.

На начальном этапе конституционный договор представляет собой «договор правителей с управляемыми» [6, с. 13]. В роли правителей в нем выступает государство как суверен (обладатель верховной власти), в роли управляемых — народ, который признан государством в качестве субъекта правоотношений и уже находится на пути к тому, чтобы стать обладателем верховной власти (сувереном), приняв ее от государства. По этому договору народ вверяет государству попечение о себе и человеке, для чего конституция наделяется свойством главного национального закона, которому должны следовать все законы, исходящие от государства, а также международные соглашения, ратифицируемые государством, и все прочие правовые акты, принятие которых санкционируется государством. Конституцию, в основе которой лежит такой договор, вполне можно считать *основным законом государства*. Основными законами государства были и остаются все социалистические конституции, конституции народов стран СНГ и множество других.

Второй этап в развитии конституционного договора связан с переходом народа на новый уровень конституционного развития, становлением его как суверена. Инициатива в договоре теперь на стороне народа: как носитель верховной власти он договаривается с государством о том, каким образом оно будет осуществлять свои функции и данную ему народом власть. Обобщенно этот вид договора можно назвать «договором управляемых с правителями». Конституция с такой моделью конституционного регулирования является *основным законом для государства*. Ее заложили в свои конституции американский, немецкий, польский и некоторые другие народы.

Третий этап в развитии конституционного договора можно охарактеризовать как этап мобилизации творческой энергии человека, государства и общества в целом на обеспечение эволюционного (свободно-прогрессивного) развития народа, что является первейшим условием свободного прогрессивного развития человека. В этом договоре уже нет ни правителей, ни управляемых. Обобщенно его можно назвать «договором между человеком, обществом и государством» — субъектами, составляющими конституционную основу развития народа. Здесь, правда, надо видеть разницу между понятиями «общество» и «народ» и не смешивать их. Общество — субъект истории развития народа, его

представитель во времени. В процессе развития народа на смену одному обществу приходит другое. Народ — субъект истории развития человечества, носитель идеи, прав и обязанностей, непосредственно данных ему Богом. И если одно общество ответственно перед другим обществом (новое перед старым, а старое перед новым), то народ ответствен перед Богом и другими народами. Конституцию с таким механизмом конституционного регулирования вполне можно считать *основным законом народа* — законом, который народ обращает к самому себе. В качестве примера, можно привести Конституцию швейцарцев, которые «*во имя Всемогущего Бога <...> дают себе <...> Конституцию*» [4, т. 1, с. 531].

Наконец, самое важное. Договор Бога с человеком рассчитан исключительно на исполнение Его установлений, т. е. на возникновение закономерностей. Конституционный договор также призван быть исполняемым во всех своих положениях, в результате чего должны возникать *конституционные закономерности*. Если на основе конституционных положений закономерности не возникают, то конституция оказывается непригодной для осуществления правового регулирования, является законом мертворожденным. Чтобы конституция народа не оказалась в таком положении, конституционный договор должен быть свободным от абстрактности и ничтожных идей, заключаться между сторонами и не содержать неисполняемых положений.

Примером абстрактного договора может служить так называемый общественный договор, являющийся проводником идеи, согласно которой люди отказом от своих суверенных прав в пользу государства (и при посредстве его) обеспечивают свои интересы. Между тем нельзя не заметить, что идея этого договора не столько служит интересам человека, сколько оправдывает узурпацию власти государством, предлагая людям «*религию*», которая учит, «*что служить Государству — это значит служить Богу-покровителю*» [3, с. 210]. Человек и государство здесь оказались поменянными местами; не человек должен служить государству, а государство — человеку.

Ничтожной идеей следует признать попытку П. Прудона противопоставить договор и государство, что совершенно недопустимо [7, с. 74–76]. Ведь в данном случае происходит смешивание разнопорядковых явлений: процессуальная форма (реализация идеи, прав, интересов, обязательств) противопоставляется субстанциональной форме, призванной осуществлять свое социальное предназначение. Это все равно что материальной норме противопоставлять процессуальную, определяющую порядок ее реализации, или же субстанциональной норме, содержащей правило, противопоставлять темпоральную, определяющую время действия этого правила.

Иногда под конституционным договором понимаются договоры между органами государственной власти, например между президен-

том и парламентом. Такой договор с лишь большой долей условности можно признать конституционным, поскольку и парламент и президент являются представителями одной стороны — государства. Конституционный же договор призван связать интересы разных сторон. Намного ближе к нему соглашения между органами государственной власти и той политической оппозицией, которая в своем противопоставлении политике государства пытается выражать мнение общества и берет на себя роль защитника его интересов.

Что касается отдельных заведомо неисполнимых положений, то они могут проявлять себя в большом многообразии. Это могут быть: нормы-цели, содержащие не совсем понятные народу императивы развития; нормы-декларации, провозглашающие права и свободы человека, суверенитет народа и правовое государство в отсутствие средств и условий их реализации; нормы-гарантии, содержащие обещания, неясно от кого исходящие и кому адресованные (мнимые гарантии); нормы-принципы, заимствованные у народов, развивающихся в ином цивилизационном пространстве; конфликтующие между собой коллизионные нормы, а также те, которые не отражают интересы народа и сторон договора.

Как видим, конституционный договор представляет собой уникальное явление, имеющее глубокую сущностную основу. Он является процессуальной формой реализации конституционных идей и организации процесса развития народа, у него особый, бинарный, субъектный, состав и особые, не предусматривающие принуждения средства обеспечения исполнения своих положений, он обладает способностью к развитию и служит правовой основой возникновения конституционных закономерностей.

Список литературы

1. *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения / пер. с чешск. — М.: Юрид. лит., 1989. — 448 с.
2. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. — 640 с.
3. *Котляревский С.* Гражданская религия у Руссо // Вопросы философии и психологии. — 1910. — Кн. 11 (102), март-апр. — С. 210.
4. Союзная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апр. 1999 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. — М.: НОРМА, 2001. — Т. 1 / под общей ред. и со вступ. ст. Л. А. Окунькова. — С. 531.
5. *Фаррар Ф. В.* Голос с Синая: Вечное основание нравственного закона. — Киев: Пролог, 2007. — 268 с.
6. *Чиркин В. Е.* Конституция: российская модель. — М.: Юрист, 2002. — 158 с.
7. *Эльцбахер П.* Анархизм. Суть анархизма / пер. с нем. Б. Яковенко. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 351 с.

Назарова Надежда Александровна,

кандидат юридических наук,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского» (ННГУ),
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Россия, г. Нижний Новгород,
naznadya_52@mail.ru

Особенности договора поставки в России

Договор поставки в настоящее время весьма актуален, считается наиболее распространенным предпринимательским договором, регулярно заключающимся между организациями, цель деятельности которых направлена на получение прибыли. Как правило, по договору поставки стоимость поставляемого товара значительна.

Договор поставки в течение долгого времени реформировался. Само понимание поставки было различным. К. П. Победоносцев сравнивал поставку с подрядом или объединял с понятием «доставка». Д. И. Мейер полагал, что поставка это купля-продажа — договор, по которому товар будет передан покупателю через определенное время. В советское время поставка была определена более правильно: субъектами могли быть социалистические организации.

В пореформенный период договор поставки вытекал из договорных отношений подряда. Как писал К. П. Победоносцев, «в подряде или поставке, по определению закона (1737), одна из сторон принимает на себя обязательство исполнить своим иждивением предприятие или поставить известного рода вещь, а другая — учинить за то денежный платеж» [3, с. 391]. Предметом такого договора были строительные, ремонтные работы, поставка строительных и других материалов, перевозка людей и грузов.

Строгие правила применялись и к форме договора: «...договор подряда и поставки должен быть письменный и явлен нотариальным порядком» [3, с. 392]. Помимо письменной формы сделки требовалось ее нотариальное удостоверение.

Договор поставки больше походил на доставку товара, когда не покупатель самостоятельно забирал товар у продавца, а поставщик через определенное время доставлял покупателю товар. «Непоставка, когда в договоре сказано, что такой-то купил шерсть и обязан сам принять ее на хуторе у продавца (Касс. 1874 г. № 859)» [3, с. 394], т. е. подрядчик перевозил тяжелый груз, например лес, на лошадях. Такой договор по его юридической конструкции можно соотнести с договором перевозки груза.

Д. И. Мейер определял договор поставки, как «договор, по которому одна сторона обязывается доставить другой какую-либо вещь за известную цену к известному сроку» [2, с. 590], и полагал, что поставка очень близка к купле-продаже и единственное их различие состоит во временных рамках передачи товара продавцу. Ни о каких субъектах предпринимательской деятельности речь не идет.

По мнению Д. И. Мейера, сходство поставки и купли-продажи заключается в передаче товара покупателю. По договору купли-продажи исполнение договора может не совпадать со сроком его заключения, товар передается продавцу не сразу, а может быть доставлен через определенное время. При этом трудно определить, является ли данный договор договором поставки или договором купли-продажи.

Единственное различие данных договоров заключается в том, что в условии договора поставки всегда есть промежуток времени между заключением и исполнением договора, а в договоре купли-продажи может не быть такого промежутка времени либо он «незначителен».

Поставка, таким образом, пополняет договор купли-продажи и служит договором торговых отношений. На практике эти договоры не отличали друг от друга и чаще использовали классический договор купли-продажи. Договор поставки невыгоден сторонам, поскольку товар нужно ждать длительное время и у сторон появляется риск нести убытки, ибо цена на покупаемый товар может измениться, стать больше или меньше. И если стоимость возросла, следует уплатить разность. Такие сделки имели широкое распространение в больших торговых городах и назывались «сделки на разность». Чаще предметом договора являлись государственные облигации и акции промышленных компаний, которые были предметом сделок на европейских биржах. По такому договору поставки, лицо обязывалось поставить заказчику в какое-то время определенное количество, например, государственных бумаг по определенной цене. Учитывалась при этом стоимость ценной бумаги. Лицо должно было уплатить разность: если стоимость ценной бумаги оказывалась ниже, чем предусматривалась по договору, разность выплачивалась поставщику, а если выше, разность выплачивалась контрагенту. Разность цены выплачивалась и по договору поставки других товаров (хлеба, сахара и т. д.). Поэтому было сложно определить, это договор «на разность» или договор поставки имущества. Сделки «на разность» в отличие от договора поставки заставляли человека рисковать, как в азартных играх и лотереях. Сделки «на разность» способствовали искусственному увеличению цены товара: если повышался спрос, возрастала и цена на товар. Во многих странах существовал законодательный запрет на сделки «на разность».

В советское время договор поставки был определен правильно, участниками такого договора являлись всегда социалистические организации. Граждане и организации были субъектами только договора

купли-продажи. Одна из сторон договора поставки (поставщик) принимала на себя обязательство поставлять продукцию, а другая сторона (покупатель) — принимать и оплачивать ее. Предметом договора поставки служили родовые вещи в отличие от договора купли-продажи, по которому предметом являлись как родовые, так и индивидуально определенные вещи. Особенность договора поставки состояла в длительности исполнения договора: периодически, через определенные промежутки времени.

Понятие поставки дал О. С. Иоффе: «Поставка — это такой плановый или не совпадающий по времени совершения и исполнения неплановый договор, в силу которого организация-поставщик обязуется поставлять продукцию с передачей ее в собственность или в оперативное управление организации-покупателя, обязанной, со своей стороны, принимать эту продукцию и оплачивать ее» [1, с. 120].

Форма договора была законодательно определена как письменная. В большинстве случаев договор поставки имел годичный срок. Не исключался также краткосрочный период, сезонный, и выделялась разовая поставка. Порядок заключения договоров определялся в соответствии с тем, будет ли заключаемый договор плановым или неплановым и в силу каких оснований заключались плановые договоры. Элементами договора поставки О. С. Иоффе называл: субъекты, объект, права и обязанности сторон, количество подлежащих поставке предметов, ассортимент отдельных разновидностей продукции, сроки, которые делились на начальные, конечные и промежуточные, транспортировку поставляемых предметов, качество поставляемой продукции, гарантийные сроки, комплектность, маркировку, тару и упаковку, цену и порядок расчетов, количественную и качественную приемку поставленных продукции и товаров.

Рассмотрение исторического аспекта договора поставки важно для дальнейшего развития законодательства. Уже в пореформенный период договор поставки выделяли в качестве самостоятельного договора. Изучив историю развития договора поставки, его эволюцию в гражданском праве России, можно осмыслить, каким образом и в каких направлениях осуществлялась реформа и происходило развитие данного вида договора. А это, несомненно, способствует более детальному исследованию договора поставки.

Список литературы

1. *Иоффе О. С.* Обязательственное право. — М.: Юрид. лит., 1975. — 880 с.
2. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право: в 2 ч. — По испр. и доп. 8-му изд., 1902. — 2-е изд., испр. — М.: Статут, 2000. — 831 с.
3. *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права: в 3 т. — М.: Зеркало, 2003. — Т. 3 / под ред. В. А. Томсинова. — 608 с.

Юрицин Александр Андреевич,
ФГБОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского»,
аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Россия, г. Омск,
JurAlexandr@yandex.ru

Диспозитивность в регулировании государственных властных отношений

Нередко можно встретить суждения, что диспозитивный метод регулирования выступает прерогативой частного права, следовательно он не свойствен ни публичным, ни тем более властным отношениям, ибо компетенция данных субъектов позволяет им действовать исключительно в рамках прямо предписанных моделей поведения [3, с. 18]. Действительно, императивный метод регулирования публичных отношений является аксиомой. В то же время государственная власть и порождаемые ею отношения в известном смысле являются всеобщими, поскольку обеспечивают действие и реализацию норм всех без исключения отраслей права. По общему правилу властное полномочие императивно, если иное прямо не предусмотрено правом. Однако если бы властные полномочия не обладали достаточной степенью эластичности (диспозитивности), то они крайне неэффективно регулировали бы общественные отношения, порождая многочисленные конфликты из-за формального соблюдения законности и устаревания правового регулирования.

Как отмечает Р. Г. Валиев, на сегодняшний день нет ни одного общетеоретического исследования, посвященного проблематике дискреционных норм и их месту в механизме правового регулирования [4, с. 8–9]. Стоит ли говорить об отсутствии каких-либо исследований проблематики диспозитивности государственных властных отношений, по своему содержанию превосходящих одни лишь дискреционные нормы. Поэтому при всеобщей распространенности диспозитивности в рамках властных отношений ее значение для правовой системы остается неизученным, особенно в части разграничения права, а также произвола при осуществлении диспозитивных полномочий, что актуально, например, при неверном истолковании норм права или ошибках юридической техники правотворчества. Полагаем, что проблематика диспозитивности во властеотношениях может быть рассмотрена в русле двух направлений. Первое относится к понятию властных законных интересов, второе — к дискреционным властным полномочиям.

Первая составляющая восходит к понятию законных интересов как дозволений, отраженных в позитивном праве или вытекающих из его толкования, связанных с использованием определенных благ, которые при определенных обстоятельствах могут получить государственную правовую защиту [23, с. 42]. Законный интерес характеризуется доказательной формой реализации, отсутствием противоречий с существующими нормами права и общегосударственным интересом [21, с. 15–22]. Собственно понятие властных законных интересов на сегодняшний день в науке не представлено. Редкие ученые в лучшем случае обозначают некие публичные законные интересы, порождаемые конфликтом между императивным методом публичного права и дозволениями, прямо не предусмотренными правом, однако вытекающими из общих дозволений и принципов права [11, с. 114–115; 23, с. 52–53]. Таким образом, речь идет о правомерном выходе за пределы полномочий, установленных позитивной правовой формой и требующих последующей юрисдикционной легализации. В то же время, следуя законам логики, можно заключить, что если власть и властеотношения составляют основу, смысловое ядро публичного права и публичных отношений, то законные интересы могут непосредственно касаться и властных полномочий, и властеотношений. Однако явление властных, равно как и публичных, законных интересов не получило освещения в научных кругах.

В. В. Субочев и А. В. Малько, отмечая неспособность позитивного правового регулирования в полной мере реализовать потенциал субъектов права в рамках их субъективных прав и обязанностей из-за невозможности окончательно и исчерпывающе регламентировать все вопросы правового статуса, что приводит к выходу их правового поведения за границы предмета правового регулирования [21, с. 15], ставят существование законных интересов в зависимости только от субъективных прав [12, с. 22; 19, с. 11–12; 21, с. 16–19; 22, с. 90; 23, с. 39–55]. Однако в иных работах они указывают на наличие законных интересов в рамках избирательного [18, с. 23] и административного [18, с. 23–25, 29–30] права, т. е. в составе отношений, производных от публичных и даже властных полномочий. Далее В. В. Субочев пишет, что правовая норма вне зависимости от своей отраслевой принадлежности, императивного или диспозитивного метода регулирования порождает законные интересы, воплощая в них существование того или иного принципа права, позволяющего решать пробелы и коллизии в праве [18, с. 23; 20, с. 30]. В этом мы видим подтверждение суждений о существовании властных и публичных законных интересов, наличие которых связывается с необходимостью преодоления коллизий и пробелов в праве во исполнение полномочий в интересах общества.

В Конституции РФ понятие законных интересов встречается дважды, и оба раза речь идет о возможности ограничения прав человека,

если они противоречат правам, свободам и законным интересам других лиц (п. 2 ст. 36; п. 3 ст. 35). Учитывая, что органы государственной власти также являются субъектами права, каждый из которых вправе претендовать на ограничение свободы другого на основании нарушаемого законного интереса, Конституция РФ предусматривает возможность расширения полномочий властных субъектов не только на основании федерального закона, но и посредством системного толкования норм, закрепляющих властные полномочия в случае появления коллизий, пробелов в праве и необходимости защиты публичного интереса [18, с. 21, 23].

По большому счету концепции императивного метода и общезапретительного (дозволительно-обязывающего) типа правового регулирования — понятия теории государства и права, в силу своей идеальности, как правило, не находящие отражения в актах, регламентирующих государственные властные полномочия, содержание которых имеет процедурный, характер. При этом количество имеющихся в них обязанностей явно не соответствует общему числу запретов, содержащихся в актах административного и уголовного законодательства. Поэтому для реализации государственного интереса органы власти зачастую вынуждены отходить от формальных полномочий для осуществления возложенных на них функций. В то же время само существование и реализация (признание правомерности) законного интереса — два разных фактора, не всегда прямо коррелирующие друг с другом из-за вероятностного характера результатов доказывания и политических факторов. Поэтому количество возможных законных интересов будет всегда больше признанных (легализованных в юрисдикционном порядке).

Причина существования властных и публичных законных интересов связана с тем, что правовой статус органов власти формируется актами различной юридической силы: от конституции до многочисленных ведомственных подзаконных актов. При этом количество и детальность полномочий обратно пропорциональны юридической силе данных актов. Как указывает М. А. Нагорная, современное понимание принципа законности расширяет его содержание за счет многочисленных подзаконных нормативных правовых актов, необходимость исполнения которых формирует неправовую правоприменительную практику, связанную с нарушением требований актов высшей юридической силы в угоду исполнению подзаконных норм. При этом, несмотря на очевидность правил решения обозначенных коллизий, практика неправового правотворчества и применения права является следствием политической конъюнктуры [13, с. 83]. Однако бывают случаи, когда формальная реализация властных процедур противоречит общественным интересам и функциям (предназначению) органов власти. Поэтому не удивительно, что в стремлении исполнить компетенцию, установленную актом более высокой юридической силы, властные субъекты

вынуждены отступать от императивов, предусмотренных иными правовыми актами.

Приведем примеры легализации публичных и властных законных интересов в правоприменительной практике. При анализе охранительных отношений в сфере закупок для удовлетворения публичных нужд мы установили, что законодательство о закупках не регламентирует властные полномочия органа власти в части оснований признания контракта недействительным из-за отсутствия в нем обязательных условий. Также закон не содержал оснований включения контрагентов в реестр недобросовестных поставщиков. Обозначенные компетентностные пробелы были устранены по итогам оспаривания многочисленных решений антимонопольных органов, полномочия которых были уточнены и расширены посредством легализации судебными инстанциями соответствующих правоприменительных обычаев [27, с. 90–128]. В обзоре судебной практики от 28 июня 2017 г. Верховный Суд РФ отметил, что, несмотря на запрет, установленный федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», совершать закупки в обход легальных процедур под страхом невозможности взыскания вознаграждения как неосновательного обогащения, судебные инстанции на основании толкования общих положений и гарантий, установленных законодательством в области здравоохранения, социальной защиты населения, предупреждения чрезвычайных ситуаций, сформулировали правила, допускающие исключения из, казалось бы, категоричного и однозначного запрета.

В другом случае применительно к ст. 139 УК РФ Верховный Суд РФ в постановлении от 28 декабря 2018 г. № 46 легализовал применение уголовного наказания за незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, без наличия на то законных оснований как непосредственно, так и без фактического вхождения в него, т. е. при помощи технических средств, используемых в целях нарушения неприкосновенности жилища и нарушения тайны частной жизни. При этом второй способ непосредственно и очевидно не вытекает из толкования объективной стороны состава преступления, закрепленной в уголовном законе.

Касательно ст. 138.1 УК РФ, которая предусматривает ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, Верховный Суд РФ, напротив, дал ограничительное толкование: само по себе участие лица в незаконном обороте специальных технических средств не свидетельствует о его виновности в совершении данного преступления, поскольку лицо могло как добросовестно заблуждаться относительно фактического предназначения рекламируемого устройства, так и приобретать его в целях личной, семейной безопасности, обеспечения

сохранности имущества, в том числе животных. Подобные расширительные и ограничительные толкования полномочий органов власти повсеместно встречаются в многочисленных обзорах судебной практики и постановлениях высших судебных инстанций, а также в партикулярных решениях. Поэтому благовидная общественная цель органов власти и необходимость исполнения конкурирующих полномочий не всегда оправдывают правомерность их действий при легализации законного интереса.

Если ученые справедливо говорят о доказательной форме существования законных интересов [11, с. 216; 12, с. 22; 19, с. 11–12; 21, с. 16–17, 19; 22, с. 90; 23, с. 39–40, 45, 54–55], предполагающей комплекс материальных и процессуальных отношений, завершающийся их оценкой в рамках юрисдикционной процедуры, то каковы критерии признания обоснованности, целесообразности и правомерности властных законных интересов? Полагаем, что властные отношения с правовой природой, выходящие за рамки предмета позитивного правового регулирования, однако выражающие властный законный интерес, могут быть признаны правомерными при одновременном наличии трех критериев:

— во-первых, соответствующей отрасли позитивного права однозначно не запрещено нарушение императивного метода реализации отдельных властных полномочий;

— во-вторых, их применение должно в полной мере соответствовать необходимости исполнения иных абстрактных функций и компетенции органов власти (коллизия полномочий), отражать публичный интерес, правовую и социальную целесообразность расширения полномочий;

— в-третьих, их правовой (правомерный или неправомерный) характер должен быть признан в юрисдикционном порядке.

Актуальность обозначения данных критериев связана с тем, что признание публичных и властных законных интересов неизбежно влияет на правовой статус всех субъектов права, на объем властных полномочий органов власти. Увы, партикулярный характер данной реализации, а также несвоевременное правотворчество не всегда должным образом информируют субъектов права об изменениях их правового статуса.

И все же основной вклад властных законных интересов заключается в развитии правовой системы, ибо юридическое право с момента своего появления и по сей день следует основной закономерности: нормативные положения, абстрактные нормы позитивного права появляются не на пустом месте, а формируются в результате деятельности органов исполнительной власти, обобщение казуальной практики которых позволяет создать абстрактные нормы, в максимальной степени отражающие общественные потребности и, следовательно,

предопределяющие эффективность правового регулирования. Поскольку позитивное право отражает лишь ретроспективные типичные модели отношений, т. е. объективно отстает от динамичных и диалектических социальных процессов, властные законные интересы являются первичным источником определения коллизий, новых потребностей общества и пробелов в позитивном праве, отталкиваясь от которых, правотворческие органы впоследствии избирают оптимальные пути устранения выявленных недостатков. Без этого трансмиссионного диспозитивного механизма право было бы схоластично и оторвано от общественных отношений и потребностей, т. е. утратило бы свое социальное предназначение.

Исходя из сказанного, считаем возможным скорректировать традиционную область существования законных интересов мерами не только возможного, но и должного поведения, связанными с исполнением полномочий. Собственно публичные и властные законные интересы являются дозволениями, производными от необходимости надлежащего исполнения коллизии полномочий не в ущерб общесоциальным целям правового регулирования.

Второй составляющей проблемы диспозитивности во властных отношениях является широкое распространение дискреционных полномочий. Если законный интерес есть основанное на нормах права дозволение, вытекающее из мер возможного и должного поведения, нуждающееся в легализации, то дискреционное полномочие (усмотрение) изначально является мотивированной мерой возможного поведения властного лица, прямо предусмотренной нормами права (следовательно, она не нуждается в легализации) в качестве права, через которое властвующий по своему усмотрению может инициировать, изменять и прекращать властотношение, либо альтернативным исполнением обязанностей [1, с. 12–15; 6, с. 43–46; 7, с. 6–7]. В то же время грань между властным законным интересом и дискреционным властным полномочием может быть крайне зыбкой, поскольку доказательная природа первого всецело зависит от самостоятельного юрисдикционного властного отношения, в котором оценивается обоснованность и законность применения властного законного интереса.

Как и в случае с властными законными интересами, основной проблемой применения дискреционных властных полномочий является, с одной стороны, указание Конституции РФ на то, что права и свободы субъектов права могут быть ограничены только федеральным законом, с другой — наличие делегированного и подзаконного правотворчества, расширяющего усмотрение правоприменителей [9, с. 25]. Поэтому правомерность применения дискреционных властных полномочий должна опосредоваться правовым основанием (непосредственным дозволением) их реализации, их соответствием предмету ведения и компетенции властвующего, соблюдением пределов предоставленного усмотрения,

обоснованностью публичных интересов, правовой целесообразности и учетом конкретных условий применения права [7, с. 8–10; 17, с. 104–106, 109–112; 25, с. 138; 28, с. 131]. Исходя из этого, дискреционное полномочие едва ли можно определять через то, о чем закон умолчал [26, с. 167–168], ибо в этом случае отсутствует дозволение и нарушается императивный метод реализации властных полномочий.

Однако каковы действительный объем и роль дискреционных полномочий в составе государственных властеотношений, если общепризнанным постулатом является императивный метод реализации властных полномочий? Как правило, дискреционные полномочия негативно оцениваются правоведами в связи с проявлениями девиантного и коррупциогенного поведения служащих органов власти, что означает отказ от многих гуманистических и демократических принципов, появление не свойственной праву хаотичности и субъективной дифференциации [10, с. 143–145; 24, с. 395–397].

С точки зрения эволюции правовой формы особенности реализации государственной власти во многом связываются с развитием экономических отношений и процессом ограничения государственной власти, поскольку большая часть истории государственно организованного человеческого общества как раз приходится на периоды абсолютной власти монарха, которой свойственна максимальная дискреционность, не соответствующая закономерностям развития рыночных отношений [26, с. 166]. Поэтому обострение проблематики диспозитивности и превышения властных полномочий имеет давние корни, уходящие в неограниченность государственной власти, примеры которой в лице тоталитарных и авторитарных политических режимов встречаются и поныне. Существующая концепция императивного метода правового регулирования властных полномочий по сути является таким же теоретическим идеалом, охватившим массовое сознание со времен массовых буржуазно-демократических революций, как гражданское общество и правовое государство. Поэтому неограниченность государственной власти ныне является такой же аномалией, как и строгая правовая форма в условиях всеобщего абсолютизма.

На деле дискреционные полномочия составляют едва ли не основу, кульминацию развития правовой формы властных отношений, ибо абстрактный характер норм права далеко не всегда позволяет исчерпывающим образом определить алгоритм принятия решений властвующим лицом, от усмотрения которого в конечном счете зависит возникновение, изменение и прекращение властных отношений [1, с. 47–61]. Всеобщность дискреционных полномочий проявляет себя во всех, даже наиболее императивных, отраслях права. Так, например, властные участники уголовных и уголовно-процессуальных отношений во многом по своему усмотрению предопределяют их исход, начиная от действий следователя по разработке версий преступления, поиску,

изучению и оценке доказательств, составлению обвинительного заключения и заканчивая усмотрением суда в части оценки допустимости представленных доказательств, уровня содействия подсудимого следствию, учета смягчающих и отягчающих обстоятельств, характеристики вины, вида и строгости назначаемого наказания. Еще большее число дискреционных полномочий, вытекающих как из оценочных понятий, так и из необходимости судебной оценки координационного саморегулирования, возникает при квалификации частноправовых отношений. Многие нормы публичного права, регулирующие властные полномочия органов исполнительной власти (например, в области защиты конкуренции, правового регулирования рекламы), содержат большое число оценочных понятий, в зависимости от содержания которых уполномоченный орган исполнительной власти принимает решение о возникновении властных отношений. В истории есть примеры необычайно широкого использования дискреционных полномочий, например при обращении правоприменителей к революционному правосознанию в переходный период после свержения государства и права [15, с. 215; 16, с. 14] и применении уголовного закона по аналогии согласно УК РСФСР 1926 г.

Ни один юрисдикционный (судебный и административный) процесс так или иначе не обходится без усмотрения не только при толковании норм права, но и при оценке фактических обстоятельств дела. Не случайно квалификация одного и того же правоотношения в различных инстанциях нередко радикально различна, что говорит скорее о творческом, чем о механическом характере применения права судьями [14, с. 66–68, 70].

Правотворческие властные отношения также можно назвать дискреционными, ибо правотворческие органы хотя и действуют в рамках правотворческого процесса, но ориентируются на мнение населения и вынуждены соблюдать единство системы позитивного права, однако по своему усмотрению формируют содержание нормативных актов. Полагаем, что правотворческие отношения концентрируют в себе наибольшее усмотрение, связанное с избранием форм, методов, способов и интенсивности правового регулирования, ограниченное лишь общими запретами. Правотворческая компетенция органов государственной власти а priori является главным дискреционным властным полномочием, а также составляет основу диспозитивности государственной власти, поскольку устанавливает предмет правового регулирования и определяет механизм развития правоотношений. Не меньшим значением обладают юрисдикционные государственные властные отношения, в результате которых уточняются полномочия, установленные в правотворческом порядке.

Кризисы либеральных, демократических и гуманитарных идеологий в XX — начале XXI в., не позволяющие при помощи одних лишь

правовых деклараций и жестких ограничений властных полномочий урегулировать внутригосударственные и международные отношения, показали миру объективную необходимость повышения роли главы государства в деле оперативного решения возникающих проблем и обеспечения единства работы всех органов власти. Решение данной задачи невозможно без наделения его широкими усмотренческими полномочиями в области правотворчества и правоприменения. Хотя подобные допущения неоднократно оборачивались узурпацией и злоупотреблениями со стороны исполнительной ветви власти, дискреционные полномочия главы государства во многом призваны бороться с подобными формами антиправового поведения как внутри государства, так и на международной арене. Поэтому не случайно многие современные конституции лишь в общих чертах регулируют правовой статус главы государства, с личностью которого население связывает высокие моральные качества. В данном случае конституции закрепляют за главой государства ключевые дискреционные полномочия в области правотворчества, формирования и роспуска органов власти, назначения высших должностных лиц, определения направлений внешней политики.

Стоит согласиться, что повышение дозволистского характера дискреционного полномочия происходит по мере повышения нравственной и правовой культуры властвующего [8, с. 113; 14, с. 68] по мере увеличения его социальной значимости и признания, что возможно лишь с уменьшением общего числа подобных лиц. Поэтому усмотренческие полномочия судьи будут всегда выше, чем у рядовых работников органов исполнительной власти. Наибольшую свободу действий имеют лица, обладающие политическим значением, занимающие государственные должности, лица, чья деятельность связана с решением основных направлений развития общества, перспективно урегулировать которую при помощи одной лишь ретроспективной правовой формы практически невозможно. Не случайно все попытки регламентировать правовой статус Президента РФ самостоятельным законом не были доведены до конца [2, с. 45–50].

Из сказанного следует, что дискреционные полномочия охватывают как правотворческие, так и правоприменительные властные отношения. Концентрация дискреционных полномочий прямо пропорциональна роли, которую властный субъект играет в правовой системе, и обратно пропорциональна численности данных лиц. Тезисы о том, что дискреционные полномочия есть превышение полномочий, негативное и крайне ограниченное по своей распространенности явление, а также что это прерогатива процессуального права, не соответствуют действительности [5, с. 30], поскольку они встречаются в деятельности всех органов государственной власти различной отраслевой принадлежности.

Обозначенные аспекты диспозитивности властных отношений играют первостепенную роль как в допустимой персонализации

нормативных правовых предписаний, так и в развитии позитивного права, приобретающего с их помощью эластичность, необходимую для своевременного узаконения типичных моделей общественных отношений, соответствующих потребностям времени. Видеть в диспозитивности властных отношений лишь отрицательные черты значит отрицать социальную ориентированность, гибкость и эффективность права.

Список литературы

1. Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ. — М.: НОРМА, 1999. — 376 с.
2. Бондарец Е. Законодательная систематизация полномочий Президента Российской Федерации // Право и управление. XXI век. — 2014. — № 1. — С. 45–53.
3. Брюхов Р. Б. Диспозитивность в гражданском праве России: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Екатеринбург, 2006. — 25 с.
4. Валиев Р. Г. К вопросу о дискреционных нормах российского права // Учен. зап. Казанск. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». — 2012. — Т. 154, кн. 4. — С. 7–15.
5. Гамбарян А. Судейское усмотрение как сфера судебной политики // Вектор науки ТГУ. — 2011. — № 2. — С. 25–33.
6. Демин А. В. Дискреция в налоговом праве // Вестн. Пермск. ун-та. Юридические науки. — 2017. — Вып. 35. — С. 42–55.
7. Демин А. В. К вопросу о дискреционных полномочиях как проявлении диспозитивности в праве // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: мат. XIV междунар. научн.-практ. конф. — Тольятти, 2017. — С. 5–11.
8. Жевлаков Э., Звечаровский И., Минская В. [и др.]. Усмотрение в уголовном праве и уголовном процессе // Уголовное право. — 2010. — № 1. — С. 108–113.
9. Зырянов С. М. Пределы усмотрения в правоприменительной деятельности органов исполнительной власти // Актуальные проблемы административного права и процесса. — 2017. — № 4. — С. 27–27.
10. Касаева Т. В. Дискреционные полномочия государственного служащего в аспекте противодействия коррупции // Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество: сб. научн. ст. — Саратов, 2015. — С. 143–145.
11. Лупарев Е. Б., Добробаба М. Б., Мокина Т. В. Общая теория публичных правоотношений: моногр. — М.: Юрлитинформ, 2011. — 280 с.
12. Малько А. В., Субочев В. В. Законный интерес и юридическая обязанность: аспекты соотношения // Юридический мир. — 2007. — № 3. — С. 21–28.
13. Нагорная М. А. Роль права в осуществлении властных полномочий // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2003. — Вып. 2. — С. 80–87.

14. *Панько Н. К.* Статутные и дискреционные начала формирования судейского убеждения // Вестн. ВГУ. Сер. «Право». — 2010. — № 2. — С. 66–75.

15. *Рыбаков В. А.* Преемственность в развитии права (теоретико-исторический аспект): моногр. — Омск: Наука, 2007. — 345 с.

16. *Рыбаков В. А.* Советское право: преемственный аспект // Современное право. — 2010. — № 9. — С. 13–17.

17. *Соловей Ю. П.* Стандарты судебной оценки дискреционных актов органов (должностных лиц) публичной администрации по законодательству Российской Федерации об административном судопроизводстве // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина. — 2015. — № 8. — С. 99–113.

18. *Субочев В. В.* Законные интересы в механизме материально-правового регулирования // Российский юридический журнал. — 2006. — № 4. — С. 20–29.

19. *Субочев В. В.* Законные интересы и их роль в правовой жизни российского общества // Право и управление. XXI век. — 2012. — № 1. — С. 10–17.

20. *Субочев В. В.* Законные интересы и принципы права: аспекты взаимосвязи // Философия права. — 2007. — № 2. — С. 27–31.

21. *Субочев В. В.* Законные интересы: основы теории // Государство и право. — 2009. — № 5. — С. 15–22.

22. *Субочев В. В.* Механизм трансформации законных интересов в субъективные права и субъективных прав в законные интересы // Современное право. — 2007. — № 3. — С. 89–96.

23. *Субочев В. В.* Суцность законных интересов // Ленинградский юридический журнал. — 2007. — № 2. — С. 35–55.

24. *Трухачев В. В.* Судейское усмотрение в уголовном процессе // Вестник ВГУ. Сер. «Право». — 2013. — № 2. — С. 389–397.

25. *Францифоров Ю. В., Пронин К. В.* Процессуальные аспекты формирования и реализации дискреционных полномочий суда // Публичное и частное право. — 2015. — № 1. — С. 129–142.

26. *Чугаев В. В.* Дискреционные полномочия в механизме реализации властных полномочий главой государства в Великобритании в XVIII веке // Современное право. — 2012. — № 1. — С. 166–168.

27. *Юрицин А. А.* Особенности механизма правового регулирования организационных отношений в рамках контрактной системы закупок для удовлетворения государственных и муниципальных нужд: моногр. — М.: Юстицинформ, 2017. — 150 с.

28. *Яценко О. В.* Применение судейского усмотрения в процессе осуществления судопроизводства: отдельные вопросы теории // Вісн. Маріупольськ. держ. ун-ту. Сер. «Право». — 2014. — № 7. — С. 129–137.

Андрияшко Марина Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Учреждение образования
«Барановичский государственный университет»,
доцент кафедры общеправовых дисциплин
и государственного управления,
Республика Беларусь, г. Барановичи,
andryiashkomv@mail.ru

Эволюция международно-правовой регламентации права молодых граждан на участие в управлении делами общества и государства

Право на участие в управлении делами общества и государства относится к категории политических прав гражданина.

Справедливыми представляются слова Н. А. Щеголевой, отметившей, что «это богатое по нормативному содержанию конституционное право <...> включает несколько субъективных возможностей, которые, в свою очередь, можно рассматривать как самостоятельные политические права граждан...» [4, с. 115].

Политические права и свободы граждан принадлежат в основном гражданам государства и дают им возможность участвовать в общественной и политической жизни страны [2, с. 105].

В целом политические права и свободы представляют собой группу основных конституционных прав и свобод граждан наряду с личными, социальными, экономическими правами, обеспечивающих гражданам возможность участвовать в общественной и политической жизни страны. Обладание политическими правами и свободами связывается с принадлежностью к гражданству государства.

Политические права и свободы — комплексная группа прав, включающая в себя право на свободу мнений, убеждений и их свободное выражение, право на получение, хранение и распространение информации, право на свободу собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, право на свободу объединений, право на участие в решении государственных дел как непосредственно, так и через своих представителей, право свободно избирать и быть избранным в государственные органы, право на равный доступ к государственной службе, право на обращение в государственные органы.

От других конституционных прав политические права и свободы отличаются тем, что они предназначены для участия граждан в управлении делами общества и государства; могут быть реализованы как ин-

дивидуально (право на индивидуальное обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, право избираться в органы государственной власти), так и коллективно, через объединения с другими гражданами; не относятся к числу абсолютных прав.

В соответствии со ст. 21 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г., провозглашен ряд политических прав и процедур их реализации в аспекте участия граждан в управлении делами общества и государства:

1) каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей;

2) каждый человек имеет право на равный доступ к государственной службе в своей стране;

3) воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, проводимых при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования.

Впоследствии в отношении политических прав были достигнуты соглашения, которые отражены в ст. 25 Международного пакта о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.), ратифицированного указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 5 октября 1973 г. «О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах» [3]. В соответствии с этими соглашениями гражданин без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений должен иметь право и возможность:

а) принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей;

б) голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей;

в) допускаться на общих условиях равенства к государственной службе в своей стране.

При этом представляется важным, что в ч. 1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.) предусматривается недискриминация «в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства».

Ни Всеобщая декларация прав человека (1948), ни Международный пакт о гражданских и политических правах (1966) не делают акцента

на ребенке, несовершеннолетнем или молодом гражданине как носителе политических прав и свобод. Международное законодательство оперирует терминами «каждый» и «никто».

Тем не менее первые международно-правовые акты в сфере прав несовершеннолетних не акцентировали внимание на комплексе политических прав. Так, Женевская декларация прав ребенка от 26 ноября 1924 г., принятая Пятой Ассамблеей Лиги Наций в Женеве, состояла из 5 статей, в которых декларировались положения о защите ребенка, об оказании помощи ребенку, об обеспечении физических потребностей ребенка.

Впоследствии упоминание несовершеннолетних в политическом контексте фрагментарно встречается в Декларации прав ребенка, принятой резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. В частности, преамбула Декларации прав ребенка (1959) призывает родителей, мужчин и женщин как отдельных лиц, а также добровольные организации, местные власти и национальные правительства к тому, чтобы они признали и старались соблюдать предусмотренные Декларацией права путем законодательных и других мер, постепенно принимаемых в соответствии, в частности, с Принципом 1 — о недискриминации, согласно которому права должны признаваться за всеми детьми без исключений и без различия или дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства, касающегося самого ребенка или его семьи.

В ч. 1 ст. 2 Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. (далее: Конвенция ООН о правах ребенка), провозглашается, что государства-участники уважают и обеспечивают все права, предусмотренные Конвенцией, за каждым ребенком, находящимся в пределах их юрисдикции, без какой-либо дискриминации, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального, этнического или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения ребенка, его родителей или законных опекунов или каких-либо иных обстоятельств.

Существенными отличиями содержания Конвенции ООН о правах ребенка (1989) от ранее принятых и упомянутых международных правовых актов в контексте исследования являются:

1) определение понятия «ребенок», под которым предложено понимать каждое человеческое существо до достижения им 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее;

2) прямое указание в ч. 1 ст. 15 Конвенции о правах ребенка положения о том, что государства-участники признают право ребенка на свободу ассоциации и свободу мирных собраний.

Таким образом, эволюция международных правовых актов в области прав детей прошла длительный путь от Женевской декларации прав ребенка (1924 г.) и Декларации прав ребенка (20 ноября 1959 г.) до наших дней. В настоящий момент Конвенцию о правах ребенка ратифицировали 193 страны мира (кроме США, Южного Судана и Сомали) [10]. Кроме того, эволюционировало и содержание международных правовых актов в области прав детей. Если в Женевской декларации прав ребенка (1924 г.) декларировались в общем виде положения о защите ребенка, то в Конвенции ООН о правах ребенка (1989) ребенок наделяется целым комплексом прав, в том числе политических.

Статья 12 Конвенции ООН о правах ребенка (1989) прямо гарантирует ребенку, способному сформулировать собственные взгляды, право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с его возрастом и зрелостью (ч. 1).

В Замечании общего порядка № 12 (2009; далее: Замечание № 12) [1] Комитет ООН по правам ребенка разъясняет особенности понимания права ребенка быть заслушанным. В п. 20 Замечания № 12 указано, что слова «способному сформулировать свои собственные взгляды» следует рассматривать не как ограничение, а скорее как обязанность государств-участников оценивать способность ребенка в максимально возможной степени самостоятельно формулировать мнения. Таким образом, государства-участники не могут исходить из того, что ребенок не способен формулировать собственные взгляды. Комитет подчеркивает (п. 21 Замечания № 12), что ст. 12 не устанавливает какого-либо возрастного ограничения в отношении права ребенка выражать свои взгляды и не поощряет государства-участники к введению в законодательстве или на практике возрастных ограничений, которые ущемляли бы право ребенка быть заслушанным по всем затрагивающим его вопросам [1]. Исследования свидетельствуют, что ребенок с самого раннего возраста способен формулировать свои взгляды, даже если он не может выразить их вербально. Соответственно, полное осуществление ст. 12 предполагает признание и уважение невербальных форм коммуникации, включая игры, жесты, мимику, а также рисунки и картины, через посредство которых дети в раннем возрасте выражают понимание, выбор или предпочтения [1].

Пунктами 29–30 Замечания № 12 определяется, что сам по себе возраст служит недостаточным критерием для определения весомости взглядов ребенка. Когнитивные способности детей напрямую не определяются их биологическим возрастом. Согласно проведенным исследованиям, выработка у ребенка способности к формулированию взглядов зависит от информации, опыта, среды, социальных и культурных ожиданий, а также от уровня поддержки. Зрелость означает способность понимать и оценивать последствия того или иного конкретного

вопроса и как таковая должна учитываться при определении индивидуальных способностей ребенка. Понятие зрелости с трудом поддается определению. В контексте ст. 12 это способность ребенка внятно и самостоятельно выражать свои взгляды по тем или иным вопросам. При этом необходимо учитывать последствия данного вопроса для ребенка. Чем сильнее влияние результата на жизнь ребенка, тем более необходима должная оценка зрелости этого ребенка [1].

Дополнительной гарантией реализации права ребенка, предусмотренного ст. 12 Конвенции ООН о правах ребенка (1989), являются правила, установленные ст. 13 этой Конвенции, согласно которым ребенок имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу искать, получать и передавать информацию и идеи любого рода независимо от границ в устной, письменной или печатной форме, в форме произведений искусства или с помощью других средств по выбору ребенка (ч. 1). Осуществление этого права может подвергаться некоторым ограничениям, однако этими ограничениями могут быть только те, которые предусмотрены законом и необходимы (ч. 2): а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности или общественного порядка (*ordre public*), или здоровья, или нравственности населения. Согласно п. 26 Замечания № 12, государства-участники должны обеспечивать ребенку возможность выражать свои взгляды по всем касающимся его вопросам. В этом состоит второе условие осуществления данного права: ребенок должен быть заслушан, если его затрагивает обсуждаемый вопрос. Это фундаментальное условие должно соблюдаться и толковаться расширительно [1].

Нормы о правах и основных свободах человека отражены также в документах международных межправительственных организаций, членом которых является Республика Беларусь. В частности, согласно ст. 2 Устава Содружества Независимых Государств (СНГ; 1994), одной из целей создания этой международной межправительственной организации является осуществление сотрудничества в политической, экономической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях.

В большей степени детализированы политические права рассматриваемой международной межправительственной организации в Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека (1995; далее: Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека), преамбула которой закрепляет принцип недискриминации и подчеркивает, что углублению демократических преобразований, экономическому и социальному росту, укреплению законности и правопорядка содействуют соблюдение международных стандартов в области прав человека всеми государствами — участниками СНГ, развитие и поощрение уважения к правам человека и основным свободам для всех — без различия расы, пола, языка, политических убеждений, религии и социального происхождения.

В соответствии с ч. 1 ст. 12 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и на свободу ассоциаций с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов. Согласно ст. 29, каждый человек в соответствии с национальным законодательством имеет право и возможность в государстве, гражданином которого он является:

а) принимать участие в управлении и ведении государственных дел как непосредственно, так и через свободно избранных представителей;

б) голосовать и быть избранным на выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей;

в) быть допущенным к государственной службе в своей стране на общих условиях равенства.

Согласно преамбуле модельного закона СНГ «Об основных гарантиях прав ребенка в государстве», утвержденного постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 3 декабря 2009 г. № 33-11, указанный закон устанавливает основные гарантии прав и законных интересов ребенка, определяет правовой статус ребенка как самостоятельного субъекта и направлен на обеспечение его физического, нравственного и духовного здоровья, создание условий для формирования его личностного самознания.

Согласно абз. 5 ч. 2 ст. 5 закона СНГ «Об основных гарантиях прав ребенка в государстве», государственная политика в интересах детей является приоритетной областью деятельности органов государственной власти и основана среди прочих на принципе поддержки органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций, осуществляющих деятельность по защите прав и законных интересов ребенка.

Согласно ч. 1 ст. 8 закона СНГ «Об основных гарантиях прав ребенка в государстве», органы государственной власти, органы государственной власти административно-территориальных образований государства, органы местного самоуправления, должностные лица указанных органов в соответствии со своей компетенцией содействуют ребенку в реализации и защите его прав и законных интересов с учетом возраста ребенка и в пределах установленного законодательством государства объема дееспособности ребенка посредством принятия соответствующих нормативных правовых актов, проведения методической, информационной и иной работы с ребенком по разъяснению его прав и обязанностей, порядка защиты прав, установленных законодательством государства, а также посредством поощрения исполнения ребенком его обязанностей, поддержки практики правоприменения в области защиты прав и законных интересов ребенка.

Согласно абз. 1 ч. 3 и абз. 3 ч. 4 ст. 11 закона СНГ «Об основных гарантиях прав ребенка в государстве», в соответствии с принципами государственной политики в интересах детей администрация образовательных учреждений не вправе препятствовать созданию по инициативе обучающихся, воспитанников в возрасте старше восьми лет общественных объединений (организаций) обучающихся, воспитанников, за исключением детских общественных объединений (организаций), учреждаемых либо создаваемых политическими партиями, детских религиозных организаций. Обучающиеся, воспитанники указанных образовательных учреждений могут проводить во внеучебное время собрания и митинги по вопросам защиты своих нарушенных прав. Администрация образовательного учреждения не вправе препятствовать проведению таких собраний и митингов, в том числе на территории и в помещении образовательного учреждения, если выборными представителями обучающихся, воспитанников выполнены условия проведения указанных собраний и митингов, установленные уставом образовательного учреждения. Такие собрания и митинги не могут проводиться в нарушение установленных законодательством государства требований соблюдения общественного порядка и не должны препятствовать образовательному и воспитательному процессам.

В целях формирования общих подходов к законодательному обеспечению защиты прав и интересов молодых людей, чьи высокая политическая и социальная мобильность, инициативность и профессионализм играют существенную роль в создании инновационной экономики и дальнейшем развитии демократического общества в государствах СНГ, постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ от 14 мая 2009 г. № 32-5 «О формировании законодательных основ современной молодежной политики в государствах — участниках СНГ» утвержден ряд важных актов:

- 1) модельный закон СНГ «О воспитании детей и молодежи»;
- 2) Декларация Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О приоритетных направлениях современной молодежной политики в государствах — участниках СНГ».

Перечисленные акты подчеркивают значимость комплекса политических прав и свобод молодежи, под которой, согласно абз. 6 ст. 1 модельного закона СНГ «О воспитании детей и молодежи», понимаются лица от 18 до 29 лет, если в соответствии с национальным законодательством не установлено иное.

Содержание Декларации Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О приоритетных направлениях современной молодежной политики в государствах — участниках СНГ» представляется важным в контексте исследуемой проблематики ввиду закрепления положений о том, что государства — участники СНГ:

1) учитывают влияние политических, социально-экономических и духовно-идеологических преобразований конца XX в., вызвавших изменение ценностных ориентаций различных социальных групп, в первую очередь молодежи;

2) сознают, что молодежную политику необходимо выстраивать совместно с молодежью, опираясь на ее общественную, творческую, политическую и профессиональную активность;

3) обращают внимание на то, что главной задачей государства в отношении молодежи становится создание условий для более активного включения молодежи в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь общества.

В рамках европейского пространства обеспечение непосредственного участия молодежи в процессе принятия решений, затрагивающих их интересы, предусмотрено в Европейской хартии об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований (далее: Хартия об участии молодежи). Так, в п. 35 Хартии об участии молодежи определено, что «институты участия „воплощаются” в структурах, могущих принимать различные формы в городском квартале, в городе или в деревне, а также на региональном уровне; эти структуры должны дать возможность молодежи и ее представителям стать подлинными партнерами в проведении политики, затрагивающей молодежь».

В частности, согласно п. 7 Рекомендации 128 о пересмотренной Европейской хартии об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне, «если молодые люди не имеют работы или живут в нищете, у них вряд ли будут желание, ресурсы и социальная поддержка для того, чтобы стать активными гражданами, участвующими в жизни общества на местном и региональном уровне. Безработные молодые люди скорее окажутся среди отверженных обществом, и поэтому местным и региональным властям следует разрабатывать стратегии и инициативы, направленные на снижение безработицы среди молодежи». С учетом указанного, пп. 1 и 2 п. 8 Рекомендации 128 предусмотрено, что местным и региональным властям следует:

1) совместно с представителями молодежи (включая тех, кто не имеет работы или может ее потерять), местными работодателями, профсоюзами, органами образования, профессиональной подготовки и службами занятости, а также с молодежными организациями разработать стратегии и программы, направленные на устранение причин безработицы среди молодежи и расширение возможностей трудоустройства молодых людей;

2) создать местные центры занятости для оказания специализированной помощи и поддержки молодым безработным в поиске интересной и стабильной работы; молодые безработные должны иметь право участвовать в управлении этими центрами, если они того пожелают.

Такого рода руководящие положения и рекомендации следовало бы не только предусмотреть на уровне соглашений (конвенций, договоров) среди стран СНГ с целью повышения значимости участия молодежи в управлении делами общества и государства, но и способствовать их повсеместной реализации.

Таким образом, провозглашенные в основополагающих международных правовых актах положения о политических правах и свободах граждан, в том числе несовершеннолетних и молодежи, развиваются в законодательстве международных межправительственных организаций и формируют фундамент для закрепления этой комплексной группы прав на уровне национального законодательства.

Список литературы

1. Замечание общего порядка № 12 (2009) «Право ребенка быть заслушанным» // Комитет ООН по правам ребенка. — https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal (дата обращения: 16.08.2019).

2. *Кодавблович В. А., Круглов В. А.* Конституционное право Республики Беларусь. — Минск: Амалфея, 2007. — 528 с.

3. Сегодня 25 лет со дня принятия Конвенции о правах ребенка [Электронный ресурс] // Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 1998–2019. — <http://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2014/november/11680/> (дата обращения: 18.08.2019).

4. *Щеголева Н. А.* Право на участие в управлении делами государства: понятие и ограничения // Среднерусский вестник общественных наук. — 2011. — № 3. — С. 114–116.

Богданова Наталия Владиславовна,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
старший преподаватель кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Россия, г. Санкт-Петербург,
NV56@list.ru

Сфера функционирования современных англоязычных терминов права и специфика их перевода

Лексическая система языка состоит из множества частных систем или подсистем, связанных общностью определенных признаков. В их числе: словообразовательная система, система частей речи, различные семантические поля, терминологические системы различных областей знания и т. д. Все эти подсистемы в разной степени связаны между собой и по-разному взаимодействуют. Большое и важное место в них занимают терминологии различных сфер профессиональной деятельности человека.

Терминология права является одной из наиболее важных и существенных отраслевых терминосистем, поскольку юридическая лексика неразрывно связана с правовой сферой жизни общества. Как и любая специальная область знания, юриспруденция оперирует сложными и многомерными понятиями, выражаемыми соответствующей терминологией, замена или изменение терминов которой может привести к искажению мысли законодателя. Как отмечает В. Ю. Туранин, «юридическая терминология формирует „атмосферу“ закона, являясь ключевым звеном, наиболее информативным компонентом законодательного текста. Ее использование всегда было и остается самым эффективным способом донесения информации, заложенной в правовых нормах, до каждого конкретного адресата. Поэтому терминологическая развитость и понятность российского законодательства является основой для долговременного действия и эффективного применения правовых норм» [5, с. 3]. Об особом статусе юридической терминологии пишут и многие видные представители английской и американской юрислингвистики [8].

Целью данной статьи является рассмотрение функционального аспекта современных англоязычных терминов права и специфики их перевода. В работе рассматриваются лексические единицы, которые не вошли в 10-е (последнее) издание Юридического словаря Блэка (Black's Law Dictionary), традиционно считающегося самым авторитетным

юридическим словарем в области права в США, но встречаются в различных жанрах юридического дискурса. Юридический дискурс здесь понимается как «вид институционального дискурса, функцией которого является регулирование правовых отношений между субъектами социума. Юридический дискурс включает в себя как институциональные, так и не институциональные формы общения, в которых субъект, адресат и (или) ситуация общения относятся к сфере юриспруденции» [3, с. 8].

Материалом для исследования послужили термины, отобранные из следующих видов источников: списки языковых новообразований, вошедшие в состав онлайн версий толкового словаря «Oxford Dictionary» (Updates to the OED и Recent updates to the OED), официальный сайт правительства Великобритании, на котором размещаются новые законы и новые нормы уже существующих законов (www.legislation.gov.uk), британский еженедельный юридический Интернет-журнал «The Law Society Gazette», ежемесячный журнал «ABAjournal» — сетевое издание американской коллегии адвокатов, глоссарий новых юридических терминов К. Бресслера, размещенный на сайте www.clearwriting.com, материалы которого освещают проблемы юрислингвистики в США, юридический блог «Above the Law» и материалы веб-сайтов Find.Law.com и www.legal.report.

Терминология любой специальной области знания имеет разные сферы существования: сферу фиксации и сферу функционирования. Сферой фиксации специальной лексики являются нормативные словарные материалы, включающие термины, которые уже прошли процесс социализации (принятия в обществе) и лексикализации (закрепления в языковой системе). К сфере функционирования термина (в нашем случае юридического) относятся различные типы юридического дискурса: тексты законодательных актов, тексты профессиональных информационных изданий и специализированные типы медийного дискурса. В настоящее время бесспорным является утверждение В. М. Лейчика о первичности сферы функционирования термина по отношению к сфере фиксации [4, с. 148]. На важность рассмотрения функционального аспекта терминологии указывают многие лингвисты. В. П. Даниленко, например, отмечает, что «функциональный аспект в изучении терминологии имеет большое и самостоятельное исследовательское значение, поскольку все истинные свойства и качества термина проявляются только при функционировании его в специальных текстах или в устных формах профессионального общения» [1, с. 21].

Характерной чертой настоящего времени является функционирование терминов в медийном и компьютерно опосредованном дискурсах (computer-mediated discourse), важным компонентом которых выступает юридическая терминология, функционирующая в текстах юридической тематики (судебные отчеты, проблемные статьи и информационные сообщения). Некоторые новые английские юридические термины,

получившие широкое распространение в медийном дискурсе, представляют определенную сложность при переводе на русский язык, особенно в тех случаях, когда терминируемое понятие отсутствует в национальной правовой системе принимающего языка. Рассмотрим специфику перевода терминологических новообразований на примере лексической единицы «to unrecuse / an unrecusal», которая относительно недавно появилась в американском английском языке права. Термин «unrecuse» был впервые использован в материалах одного из судебных дел, которое в 1993 г. рассматривалось федеральным окружным судом Южного округа Нью-Йорка (*Keeton v. American Telephone and Telegraph Co.*, 836 F. Supp. 171, 181 (S.D. N.Y. 1993)): «...mandamus a district judge to unrecuse himself». Однако широкое распространение этот неологизм получил в последнее время благодаря публикациям американской прессы об отставке генерального прокурора США Джеффа Сешнса, выполнявшего также функции министра юстиции. Трамп неоднократно просил Сешнса «отозвать» («unrecuse») самоотвод и начать осуществлять надзор за расследованием спецпрокурора Роберта Мюллера. Так, в мае 2018 г. в газете «The New York Times» появилось сообщение о том, что «Trump had asked Sessions to unrecuse himself and take control of special counsel Robert Mueller's investigation». Аналогичные публикации, в которых употребляется этот термин, появились и в других изданиях, в частности во влиятельном американском еженедельнике «The New Yorker»: «the President threw a fit and then spent the next several months trying to get Sessions to unrecuse himself» (*The New Yorker*, Feb. 19, 2019). Глагол «to unrecuse» неоднократно встречается в докладе спецпрокурора Мюллера по итогам «российского расследования» [10, с. 107–112]. Об интенсивности распространения термина «unrecuse» свидетельствует обсуждение терминируемого понятия в материалах Интернет-ресурсов, посвященных правовым вопросам, а именно вопросам судебной этики. Обсуждаемая проблема связана с самоотводом судей Верховного суда США по причине конфликта интересов. Речь идет о самоотводах председателя Верховного суда Джона Робертса и члена суда Сэмюэля Алита, которые заявляли самоотвод по причине того, что имели материальный интерес в рассматриваемых делах в связи с их долями в активах участников предстоящих процессов. После продажи соответствующих активов судьи отзывали (unrecused) свои самоотводы [7].

Лексическая единица «unrecuse» представляет собой префиксально-производный термин, образованный путем присоединения отрицательного префикса un- к производящей основе. Глагол «to recuse» означает «заявлять самоотвод». Соответственно, производное с префиксом un-, используемым для образования глаголов, обозначающих действия, противоположные действию, выраженному основой, имеет значение «отменить или отозвать самоотвод». Кроме того, наряду с

глаголом «to unrecuse», в медийном дискурсе очень часто употребляется сочетание существительного «recusal» (самоотвод) с глаголами «to reverse», «to rescind», «to undo» и «to withdraw», содержащими общую сему «отмена». Однако, поскольку решение о заявлении самоотвода и, соответственно, об отмене самоотвода принимается самим судьей (в нашем случае генеральным прокурором, председателем Верховного суда США и членом Верховного суда), более точным переводом термина «unrecuse» будет терминологическое словосочетание «отказаться от самоотвода». Следует отметить, что в нормативные американские юридические словари этот терминологический неологизм еще не включен, а в русском языке дефиниция для данного понятия пока не существует.

Среди терминов, не вошедших в толковый словарь «Black's law dictionary», преобладают двухкомпонентные термины-словосочетания: «zombie title», «ghost gun», «door lawyer», «loadstar method», «diversity rider», «bathroom bill», «sanctuary jurisdiction», «nationwide injunction». Как видно из приведенных выше примеров, в этой группе достаточно широко представлены термины, основанные на метафоре. Особый интерес представляет метафорический перенос по аналогии со сверхъестественной природой. Термины «zombie title» и «ghost gun» относятся к разряду безэквивалентной лексики. По мнению А. О. Иванова, эта лексика включает не только специфические реалии и явления, характерные для определенной культуры или правовой системы, но и любые единицы языка оригинала, в том числе термины, которые не обладают устойчивыми соответствиями в языке перевода [2, с. 80]. Поскольку оба термина не имеют эквивалентов в русском языке, они допускают лишь описательный перевод: «zombie title» — право собственности на недвижимость, которое осталось у ее владельца после того, как ипотечный кредитор начал процесс выкупа, но затем отменил его; «ghost gun» — огнестрельное оружие без серийных номеров, которое невозможно отследить. Для сравнения приведем примеры употребления существительных «zombie» и «ghost» в словосочетаниях аналогичного типа в банковской и компьютерной терминологиях, где в обоих случаях эти существительные используются атрибутивно и образуют метафорические конструкции на основе ассоциативного переноса: «zombie bank» — банк с отрицательным значением собственного капитала, продолжающий функционировать за счет государственной поддержки; «ghost image» — «призрачное изображение», ложный сигнал системы.

Еще одним примером безэквивалентной терминологической лексики является терминологическое словосочетание «fundamental dishonesty», которое вошло в юридический обиход в 2015 г., когда в новую норму закона об уголовном производстве и судах Великобритании (Criminal Justice and Courts Act) был введен критерий «существенной нечестности». Статья 57 новой нормы закона регламентирует страховые компенсации по искам о возмещении ущерба при несчастном

случае. Словосочетание «существенная нечестность» представляет собой кальку — пословный перевод составных частей термина-словосочетания. Поскольку перевод методом калькирования не дает полного представления о сути данного критерия, а четкой дефиниции понятия «fundamental dishonesty» нет ни в английских толковых юридических словарях, ни в соответствующей статье закона (s. 57 Personal injury claims: cases of fundamental dishonesty), ни в правилах гражданского судопроизводства (CPR — Civil Procedure Rules), возникла необходимость прибегнуть к описательному переводу, опираясь на контекст законодательного акта и определения этого понятия в компьютерно опосредованном судебном дискурсе. Таким образом, в контексте статьи закона (s. 57 CJA 2015) понятие критерия «fundamental dishonesty» было дефинировано следующим образом: «Исходя из критерия существенной нечестности, суд имеет право полностью прекратить производство по делу, если иск основан на недостоверных по своей сути данных либо в нем присутствует хотя бы один ложный факт».

Наряду с двухкомпонентными терминами в исследуемом материале встречаются также трехкомпонентные термины-словосочетания. В состав трехкомпонентного термина-словосочетания «cat's paw liability» входит образное идиоматическое выражение «cat's paw», в семантической структуре которого доминирует коннотативное значение с негативной окраской «послушное орудие в чьих-либо руках». Выражение «cat's paw» пришло из известной басни Лафонтена об обезьяне, которая, чтобы уберечь собственные лапы, сумела убедить кошку разгрести угли и вытащить каштаны, и употребляется по отношению к человеку, который сам того не осознавая, выполняет чужую, зачастую неблагоприятную, работу. Терминологическое словосочетание «cat's paw liability» употребляется в американском трудовом праве и относится к разряду безэквивалентной лексики, требующей описательного перевода: юридическая ответственность работодателя, которая возлагается на него в случаях, когда один из руководящих сотрудников его компании увольняет работника, исходя из предвзятой или ложной информации, предоставленной другим работником. О переходе словосочетания «cat's paw liability» из разряда окказионализмов в разряд терминов свидетельствуют его употребление в судебном дискурсе трудового права [6] и появление других терминосокращений с идиоматическим выражением «cat's paw» (cat's paw claim / case / doctrine). Следует отметить, что, приобретая терминологическое значение, выражение «cat's paw» не утрачивает коннотативный компонент, т. е. в семантической структуре значения терминологического сочетания сохраняется оценочный элемент, а затемненная мотивировка этого выражения часто поясняется информацией об истории происхождения термина [9].

При рассмотрении особенностей перевода современных англоязычных терминов права, не включенных в нормативные словарные

материалы и функционирующих в различных типах юридического медийного и компьютерно опосредованного дискурсов, следует учитывать тесную связь юридической терминологии с национальной правовой системой. Наличие терминов, отражающих американскую правовую специфику, не имеющую аналогов в других правовых системах, приводит к образованию безэквивалентной лексики. Для эквивалентного и адекватного перевода терминов, номинирующих понятия одной правовой системы, на язык другой правовой системы необходимо использовать лексические переводческие трансформации, к которым и относится описательный перевод, используемый в данной работе.

Список литературы

1. Даниленко В. П. Актуальные проблемы лингвистического исследования русской терминологии // Современные проблемы русской терминологии / под ред. В. П. Даниленко. — М., 1986. — С. 5–23.
2. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. — 200 с.
3. Косоногова О. В. Статус онимического термина в лингвистике: моногр. — Одесса: Куприенко С. В., 2016. — 117 с.
4. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. — 4-е изд. — М.: Либроком, 2009. — 256 с.
5. Туранин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. <...> д-ра юр. наук. — Белгород, 2017. — 45 с.
6. *Bochenek Abby*. The Cat's Revenge: Individual Liability Under the Cat's Paw Doctrine [Электронный ресурс] // 8 SEVENTH CIRCUIT REV. — 2012. — 120. — URL: <http://www.kentlaw.iit.edu/Documents/AcademicPrograms/7CR/v8-1/bochenek.pdf> (дата обращения: 11.07.2019)
7. Alito Unrecuses From Aereo and Pom Wonderful; Unrecusal Tax Break [Электронный ресурс] // FindLaw. — 2017. — URL: https://blogs.findlaw.com/supreme_court/2014/04/alito-unrecuses-from-aereo-and-pom-wonderful-unrecusal-tax-break.html (дата обращения: 12.08.2019)
8. *Berman Harold J.* Law and Language: Effective Symbols of Community / ed by John Witte, Jr. — Cambridge University Press, 2013. — 218 p.
9. *Becia Ivo J.* More than just a fable — Why the «Cat's paw» matters for employers [Электронный ресурс] // HRLegalist. — 2015. — URL: <https://www.hrlegalist.com/2015/04/more-than-just-a-fable-why-the-cats-paw-matters-for-employers> (дата обращения: 22.08.2019)
10. *Mueller R.* Report on the investigation into Russian interference in the 2016 presidential election [Электронный ресурс] // Washington, D.C., 2019. — Vol. 2. — 321 p. — URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/04/18/us/politics/mueller-report-document.html#g-page-321?smid=tw-share> (дата обращения: 22.08.2019).

Зорин Алексей Вячеславович,

кандидат юридических наук,

Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
доцент кафедры уголовного права и процесса,

Россия, г. Санкт-Петербург,

a.zorin_cof@mail.ru

Система противодействия коррупции в профессиональном развитии государственных служащих Российской Федерации

Одной из сложнейших и актуальнейших на сегодняшний день научных проблем является определение совокупности коррупционной направленности. Поскольку федеральный закон «О противодействии коррупции» принят более десяти лет назад и не учитывает целый ряд последовавших с того времени нововведений в части криминализации отдельных способов коррупционного поведения, требуется выработка единого правового, в первую очередь криминологического, подхода, учитывающего все виды коррупционной активности.

Существующая на данный момент отечественная практика свидетельствует о том, что в большинстве случаев любые злоупотребления властью, совершаемые носителями публичных функций (не только должностными лицами, но и муниципальными служащими, государственными гражданскими служащими, лицами, замещающими государственные должности), вызваны корыстной мотивацией. И лишь незначительная часть из общего количества осуществляемых злоупотреблений совершается по отличным от корысти мотивам. Указанное обстоятельство способствует приоритетному доктринальному осмыслению именно проблем, связанных с корыстными должностными злоупотреблениями. С учетом того, что до 25% зарегистрированных преступлений коррупционной направленности приходится на мелкое взяточничество (дача / получение взятки в сумме, не превышающей 10 тыс. руб.), следует констатировать необходимость применения мер антикоррупционной профилактики на всех уровнях исполнения публичных функций.

Феномен коррупции — сложное социальное явление, сопровождающее историю человечества с древних времен до наших дней. В качестве примера может служить наказание за взяточничество (подкуп), предусматривавшееся в законах Хаммурапи или устанавливав-

шееся египетскими фараонами [4, с. 11]. И в наши дни, по мнению проф. Я. И. Гилинского, коррупция выступает ключевой проблемой в Российской Федерации [2, с. 316]. Существует множество определений этого социально-правового явления, например следующее: под коррупцией подразумеваются злоупотребления публичной властью в целях извлечения частной выгоды [5, с. 481]. Эти дефиниции пригодны в криминологических целях, но не в уголовно-правовых, поскольку являются слишком широкими и обладающими оценочными признаками.

Аналогичные дефиниции содержатся и в документах ООН. В частности, в документах XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1979 г. под коррупцией понимается выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме в интересах дающего такое вознаграждение, совершенные как с нарушением должностных инструкций, так и без их нарушения. Согласно современному отечественному уголовному законодательству, преступления коррупционной направленности напрямую или косвенно включают в себя большинство деяний, перечисленных в гл. 23 и 30 УК РФ.

Традиционно наиболее часто регистрируемым и простейшим актом коррупции на современном этапе в Российской Федерации выступает получение взятки (ст. 290 УК РФ). Различные способы совершения преступлений коррупционной направленности традиционно используются должностными лицами в целях незаконного достижения своих целей, направленных, в частности, на замещение более высокой должности в рамках системы государственного управления. Из этого следует, что преступление в виде дачи взятки так же опасно, как и получение взятки, поскольку способно выступать в качестве уголовно наказуемого способа приобретения или удержания власти. Получение взятки, в свою очередь, становится незаконным способом перераспределения власти (политическая коррупция).

Дача и получение взятки детерминируют прочие должностные преступления и правонарушения, включая различные формы и виды злоупотреблений должностными полномочиями и предусмотренные уголовным законом преступления в форме служебного подлога, фальсификации итогов референдума, результатов выборов различного уровня, а также итогов выборов руководителей общественного политического объединения (партии) или результатов конкурсного замещения вакантных должностей государственной или муниципальной службы.

О коррупции в целом как о части корыстной преступности, а также о мерах по противодействию ей написано множество книг и статей, в том числе и об особенностях политической коррупции как составляющей части политической преступности [3, с. 247–273]. Однако вопрос о специальном и целенаправленном развитии антикоррупционного просвещения госслужащих как специальных субъектов данного вида пре-

ступлений большинство специалистов не рассматривают либо уделяют этой теме незначительное внимание. Между тем изучение коррупционных рисков представляется эффективной профилактической мерой, способной воздействовать на формирование антикоррупционного сознания.

В системе мер по противодействию коррупции в системе государственного управления ведущие позиции занимает контроль над финансовой деятельностью представителей государственной власти (должностных лиц, государственных служащих и лиц, замещающих государственные должности) и претендентов на эти должности (лиц, состоящих в кадровом резерве). Согласно существующему законодательству, такой контроль в первую очередь заключается в постоянном декларировании доходов и расходов должностных лиц. Сегодня обязательное декларирование доходов и расходов для отдельных категорий должностных лиц и претендентов на государственные и муниципальные должности требуется как федеральным законодательством, так и законодательством отдельных субъектов Российской Федерации. Однако необходимо отметить, что, например, контроль над уровнем благосостояния совершеннолетних членов семьи или родственников должностных лиц, не проживающих совместно с ними, носит выборочный характер. Иными словами, простейшая схема легализации незаконного обогащения — имитация успешной предпринимательской деятельности взрослыми детьми должностного лица — из сферы контроля выпадает. Аналогичный вывод можно сделать относительно практики заключения должностным лицом договоров аренды жилья с дальними родственниками.

Из вышеизложенного следует, что для эффективного противодействия коррупции указанные меры, равно как и отдельные уголовно-правовые средства, недостаточны. Необходимо максимальное снижение коррупционных рисков путем планомерной кадровой, просветительской и научно-образовательной работы с госслужащими в целях дальнейшего развития системы государственной гражданской службы Российской Федерации в соответствии с направлениями, определенными указом Президента РФ. Особое место среди предложенных Президентом РФ мер занимает создание условий для самостоятельного профессионального развития государственных гражданских служащих и дальнейшего совершенствования вырабатываемой в последние годы системы профессионального развития. Именно для достижения этих целей предполагается постепенно внедрять новейшие способы и формы профессионального развития, направленные на обеспечение повышения эффективности их профессиональной служебной деятельности, а также дополнительные механизмы финансирования и материального стимулирования их профессионального развития. Особо оговаривается и необходимость изучения госслужащими приемов и методов

противодействия коррупции, а также необходимость получения ими практических рекомендаций: как проводить профилактику коррупционных правонарушений, выявлять коррупционно опасное поведение и т. д. Следовательно, задача противодействия коррупции, представляющей угрозу общественной безопасности государства, продолжает оставаться одной из первостепенных задач внутренней политики Российской Федерации.

Последние дополнения в федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 275-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» внесли серьезные изменения в сложившуюся ранее систему дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих в Российской Федерации. Собственно термин «дополнительное профессиональное образование» в ряде случаев заменен в новой редакции закона термином «профессиональное развитие».

Базовой идеей таких изменений послужило то, что действующая до сих пор традиционная концепция дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих федерального и регионального уровней утратила свою актуальность и нуждается в замене на новую для Российской Федерации систему непрерывного получения образования и регулярного обновления знаний, в том числе по антикоррупционному направлению. Для этого дополнительное профессиональное образование государственных гражданских служащих расширяется путем добавления иных мероприятий, носящих образовательный характер (семинары, тренинги, мероприятия по обмену опытом и др.).

Результатом этого стала отмена действовавшей много лет нормы, согласно которой повышение квалификации госслужащих происходит по мере необходимости, но не реже одного раза в три года. В соответствии с действующим законодательством направление госслужащих на мероприятия по профессиональному развитию будет происходить по двум основным группам оснований: по решению представителя нанимателя (руководителя) или после наступления перечисленных в законе обстоятельств.

Наиболее важным направлением в ходе реализации указанных направлений развития государственной гражданской службы представляется антикоррупционная компонента профессионального развития госслужащих.

Так, в рамках реализуемых в Санкт-Петербурге образовательных программ по данному направлению госслужащие не только знакомятся с законодательством Российской Федерации в области противодействия коррупции и основными направлениями государственной политики в указанной области, но и имеют возможность оттачивать приобретенные знания и навыки в результате использования различных

форм обучения, в частности за счет проведения тренингов, в ходе которых отрабатываются ситуации провокации взятки, склонения к коррупционному поведению, сокрытию правонарушений. Следовательно, в процессе обучения не только осваиваются теоретико-правовые основы антикоррупционной деятельности и профилактики коррупционных правонарушений, но и рассматриваются типичные условия, при которых возможен риск вовлечения в коррупционную деятельность.

В качестве преподавателей таких курсов выступают как академические педагоги, так и эксперты-практики в данной области (сотрудники профильного комитета Санкт-Петербурга, прокуратуры, следователи и т. д.). Это позволяет достичь максимальной степени эффективности процесса обучения, в ходе которого госслужащие должны детально изучить все алгоритмы законных действий в коррупционно опасных ситуациях, например в случае конфликта интересов, рассмотреть существующие в Российской Федерации технологии профилактики и противодействия коррупции, антикоррупционные мероприятия и основополагающие принципы антикоррупционного поведения.

Действующее законодательство предусматривает внедрение указанного способа повышения квалификации государственных гражданских служащих на основании государственного образовательного сертификата. Для осуществления этой задачи законодатель планирует выделять необходимые бюджетные ассигнования каждому федеральному органу государственной власти. Возможность получения таких сертификатов будет предусмотрена государственным контрактом на заранее спланированные мероприятия в рамках профессионального развития госслужащих. Соответственно, контракт должен включить в себя не только оказание услуг в сфере дополнительного профессионального образования, но и проведение иных мероприятий в рамках системы профессионального развития госслужащих.

Важно отметить, что в соответствии с законом дополнительное профессиональное образование гражданского служащего должно проходить на базе организаций, имеющих право на осуществление образовательной деятельности по направлениям, предусмотренным дополнительными профессиональными программами.

Помимо образовательной составляющей настоятельно необходимо и поэтапное очищение всей системы публичной службы от лиц, которые своими незаконными действиями ее дискредитируют. Без этого невозможно будет повысить результативность и эффективность работы всей системы государственной службы [1, с. 200–201]. Предотвратить рост уровня коррупции, основываясь исключительно на мерах, предпринимаемых системой правоохранительных органов государства, нереально. Создание комплексной системы предотвращения и профилактики коррупции, включая прежде всего образовательную составляющую, развитие системы независимых СМИ, рост благосостояния гражд-

дан и дальнейшее формирование гражданского общества в Российской Федерации, в перспективе может стать надежной основой для снижения уровня коррупции в стране.

В рамках такой системы представляется важным законодательно закрепить приоритет реализации антикоррупционного направления в ходе мероприятий по профессиональному развитию госслужащих за специализированными вузами, в первую очередь ведомственными, ибо сам порядок предоставления сертификата, его форма, а также правила подачи заявления о выдаче сертификата и правила его выдачи должны быть установлены правительством РФ.

Список литературы

1. *Аглямова Г. М.* Коррупционная преступность в сфере местного самоуправления в Российской Федерации: моногр. — М.: Юрлитинформ, 2017. — 208 с.

2. *Гилинский Я. И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Алеф, 2009. — 420 с.

3. *Кабанов П. А.* Политическая преступность как политико-криминологическая категория // Юридические исследования. — 2013. — № 2. — С. 247–273.

4. *Kugel Y., Gruenberg, G.* International Payoffs. — NY: Lexington Books, 1997. — 520 p.

5. *Wewer G.* Politische Korruption // Politic-Lexicon. — Munchen; Wein: Oldenbourg Verlag, 1994. — 481 p.

Матвеева Наталья Павловна,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина»,
аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Россия, г. Тамбов,
matveeva826@mail.ru

К вопросу о балансе публичных и частных интересов в корпоративных отношениях

Вопрос столкновения публичных и частных интересов в корпоративных отношениях не утрачивает своей актуальности, как и проблематика соотношения и баланса публичных и частных интересов, которая давно интересует ученых — как отечественных, так и зарубежных.

Вопросам соотношения публичных и частных интересов в праве посвятили свои труды многие дореволюционные российские теоретики права: Ю. С. Гамбаров, И. В. Гессель, М. В. Духовской, Н. М. Коркунов, А. Н. Куницын, А. А. Рождественский, Н. Н. Розин, В. А. Слущевский, Г. Ф. Шершеневич.

В числе современных отечественных ученых, занимающихся исследованием теоретических проблем соотношения публичных и частных интересов в праве, С. С. Алексеев, С. Н. Братусь, Л. В. Воеводин, Г. А. Гаджиев, Г. В. Мальцев, А. В. Малько, Н. И. Матузов, В. С. Нерсисянц, Ю. А. Тихомиров, Д. Ю. Шапсугов и др.

Научный интерес к данной проблеме обусловлен прежде всего тем, что ее анализ и разрешение способствуют установлению качественного законодательства, отражающего интересы различных субъектов права, а также развитию правоприменительной практики с учетом необходимости удовлетворения как публичных, так и частных корпоративных интересов при наличии конфликтов.

По мнению А. И. Кузьмина, любой «интерес в правоотношении можно подразделить по принципу принадлежности: публичный, корпоративный и частный. Данное соотношение имеет практическое значение при определении соотношения приоритета в регулировании тех или иных правоотношений» [5, с. 51]. Д. В. Ломакин, исследуя специфику корпоративных правоотношений, высказывает мысль, что «у каждого участника (члена) корпорации может быть множество разных интересов, среди которых есть такие, которые являются общими для всех участников (членов) корпорации. Именно для реализации этих интересов отдельные субъекты и создают корпорацию, чтобы посредством института юридического лица удовлетворить свои имущественные и не имущественные потребности» [7, с. 142], что вполне оправданно и объективно.

В корпоративных отношениях важно и необходимо учитывать и согласовывать различные интересы взаимодействующих сторон, прямо пропорциональные потребностям участников отношений. Корпоративные потребности это присущие и корпорации, и отдельному человеку нужда в чем-либо необходимом или его недостаток для поддержания жизнедеятельности организма, его окружения, состава участвующих лиц и обеспечения безопасности внутри и вне компании. Вследствие удовлетворения потребности руководящими органами, исполнительными структурами и рабочим персоналом достигаются поставленные цели и реализуются выполняемые в компании задачи.

В юридической науке сложилась позиция отрицания наличия в рамках корпорации общего интереса ее участников, поскольку суть корпоративных отношений и есть компромисс общего и частного. Каждый вольно или невольно отстаивает свой интерес. Соответственно, конфликт есть результат различия в видении конечной цели и удовлетворении интереса субъекта корпоративных отношений.

И действительно, именно общий интерес является центром и смыслом любого корпоративного объединения. Так, С. Ю. Филиппова полагает, что «общность интересов как признак корпорации представляется выделять неверно, поскольку каждый участник корпорации имеет собственные интересы, почти никогда не совпадающие с интересами других участников и, уж во всяком случае, в корне отличающиеся от интересов иных субъектов корпоративных отношений: управляющих и самой корпорации» [9, с. 17].

«Наличие в обществе контролирующего акционера и миноритарных акционеров само по себе не предполагает возникновения конфликтов интересов между ними, поскольку и те и другие в результате объединения капиталов объединены и общим интересом», — отмечает Д. И. Дедов [2, с. 117].

Одно из самых значимых обстоятельств, на основании которых возникают конфликты, это вопрос заработной платы. На пресс-конференции 18 декабря 2014 г. В. В. Путину был задан вопрос о годовой заработанной плате главы АО «Роснефть» Игоря Сечина. Президент ответил, что руководители крупных корпораций получают прилично. По его мнению, «в работе крупных корпораций, в том числе государственных, необходимо соблюдать элементы социальной справедливости, которые могут проявиться и в так называемых золотых парашютах» [8].

Так, в деле о «золотом парашюте» Ашуркова, Савченко и агентства «Росимущество» против ОАО «Ростелеком» акционеры обратились с иском к ОАО «Ростелеком» о признании недействительным решения совета директоров общества о выплате единоличному исполнительному органу «золотого парашюта» в размере 200 880 000 руб. Верховный Суд в своем определении от 30 марта 2015 г. № 307-ЭС14-8853 иск

удовлетворил и указал, что в процессе установления «золотого парашюта» сталкиваются интересы менеджмента и акционеров, поэтому, определяя компенсацию, совет директоров не мог действовать произвольно, а должен был исходить из предназначения компенсации как адекватной гарантии защиты бывшего руководителя от негативных последствий, наступивших в результате потери работы. При этом на совете директоров лежала обязанность по соблюдению баланса интересов с одной стороны упомянутого руководителя, расторжение трудового договора с которым не было связано с его противоправным поведением, с другой — акционеров, чьи инвестиционные интересы нарушаются выплатой явно завышенной и необоснованной компенсации.

Другой вопрос, приводящий к конфликту интересов в компании, — процесс занятия руководящих должностей. Его неправильная организация может навредить как компании в целом, так и подчиненным лицам и повлечь конфликт интересов.

В литературе высказывается мысль о том, что «интересы, возникающие в сфере корпоративных правоотношений, подлежат судебной защите даже тогда, когда не состоялось правонарушение» [6, с. 34]. И здесь, как видится, важную роль играет установление баланса различных интересов при помощи публичного субъекта — государства, прежде всего в лице его судебных органов. Но необходимо учитывать и то, что регулирование проблем корпоративных интересов в рамках только судопроизводства не может быть эффективно в связи с тем, что нет факта правонарушения, есть лишь ущемление интересов отдельных субъектов. В этой связи С. Ю. Филиппова весьма разумно полагает, что «судебный механизм разрешения корпоративных конфликтов не срабатывает, потому что отсутствует правонарушение, а наличествуют лишь ущемленные интересы» [9, с. 158].

О. Ю. Кравченко высказывает мысль о том, что существует «диалектическая связь публичных и частных интересов в отношениях личности, общества, государства» [4, с. 8] и это проявляется в ряде положений.

«Конфликт интересов особенно остро проявляется в правоприменительной практике. Поэтому интерес может рассматриваться как фактор отклонения от применения нормы. В результате право становится формальным, что недопустимо при делении права на виды и появляется еще теневое право „Можно все, что не запрещено“. Использование данного принципа приводит к последствиям дисбаланса публичных и частных интересов, деформации правосознания и т. д.

Частный интерес может преобразоваться в публичный, публичный интерес — в частный универсального характера, где универсальный интерес это объединение частного и публичного. Это объединение и составляет термин „общее благо“. Общее благо предполагает, что, ограничивая интерес одного лица, достигается благо для неограниченного числа лиц, в том числе и для лица, чье право ограничено. При ограничении

права и свобод отдельных лиц необходимо учитывать все интересы, как закрепленные в законодательстве, так и не закрепленные.

И для достижения публичной цели возможны некоторые ограничения частных интересов в интересах общества. Учитывая нормы правового государства, интересы должны регулироваться с соблюдением конституционных принципов» [4, с. 8–9].

По мнению выдающегося русского правоведа И. А. Ильина, публичный интерес «должен быть не только присущ каждому человеку в отдельности, но всем сразу сообща, так, чтобы удовлетворение его было бы возможно только через объединение всех. Таким интересом является, как уже ясно из предшествующего, усовершенствование совместной жизни посредством установления и поддержания справедливого порядка. Этот основной интерес действительно един и общ для всех членов сразу, хотя он и не исчерпывает собою задач и целей государства» [3, с. 67].

На основе этого мы можем сделать вывод: интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, охраны окружающей их среды, охрана безопасности территории внутри государства и вне границ государства, где субъекты правоотношений свободно осуществляют свои права и исполняют обязательства, возложенные законом, являются публичным интересом. Но, принимая во внимание положение лиц, обладающих большим процентом акций и голосов в компании, оказывающих на нее значительное влияние и имеющих возможность принимать важные «управленческие и правовые решения, в том числе находясь под влиянием других корпораций и даже отдельных государств, государство должно иметь эффективные средства противодействия. Это информационные, политические, экономические, правовые, коррупционные и другие механизмы» [10, с. 19].

Существенную роль в конфликте играют интерес отдельных субъектов корпоративных правоотношений и их стремление к господству, «сведение личных счетов», желание поглотить компанию конкурента на рынке и осуществлять вид деятельности в единственном составе участников рынка, косвенные иски, одобрение либо заключение экономически нецелесообразных договоров, отказ от предоставления информации о деятельности корпорации и т. п.

В Российской Федерации такие отношения регулирует федеральный закон «О концессионных соглашениях». Отметим, что данный нормативный акт имеет пробелы в правовом регулировании деятельности субъектов правоотношений: после заключения сторонами договора концессии в случае выявления обстоятельств, которые сторонами не оглашены и не прописаны в концессионном соглашении, возникают конфликты интересов. Здесь затрагиваются публичные интересы: интересы государства и муниципальных образований и интересы частные, акционерного общества и акционеров.

Учитывая основополагающие принципы российского законодательства, считаем возможным и справедливым внести изменения в ст. 17 гл. 1 закона «О концессионных соглашениях», регламентирующую обязательство лиц, обладающих большим капиталом, обращаться к субъекту правоотношений с меньшим капиталом и урегулировать конфликт путем проведения переговоров, фиксируя факт корпоративного конфликта в протоколе. При наличии неурегулированного конфликта следует в течение 10 дней передать протокол на рассмотрение спора в судебном порядке.

Данное предложение связано с тем, что на ранней стадии развития конфликтов выявить причины и найти методы их урегулирования сложно. Факты и обстоятельства конфликта возникают при нормальном стечении обстоятельств, и предложения любой стороны о возможном конфликте будут расценены другой стороной как недоверительные, ущемляющие интересы партнера, что недопустимо при дальнейшем взаимном сотрудничестве. Соответственно, при урегулировании баланса публичных и частных интересов внесение изменений в нормы федерального закона «О концессионных соглашениях» могло бы снизить остроту конфликтов, т. е. сократить число банкротств и судебных разбирательств, уменьшить убытки сторон корпоративных правоотношений.

Совпадение интересов при достижении баланса публичных и частных интересов в корпоративных правоотношениях при наличии противоречий может стать постулатом и общей целью. Обозначенные цели способны двигать стороны к компромиссам и сближать интересы при помощи диспозитивного метода правового регулирования, который способен выйти на решение, удовлетворяющее потребности и интересы, исходя из добросовестного, взаимовыгодного взаимодействия в отношениях сторон. Согласимся с мнением М. М. Бахитова о том, что одной из «задач правового государства является защита частных и публичных интересов. Государство должно быть справедливым регулятором в случае конфликта между „частным и частным“ и „частным и публичным“ интересами. Для восстановления справедливости и нормального функционирования обществу необходимо понимать, что государственные и публичные» [1, с. 198] интересы не являются идентичными понятиями. Собственным интересом государство не обладает, а проявляет его через интерес публики. А именно ради нее и строится справедливое правовое государство, в котором комфортно и безопасно проживает и реализует свои возможности неопределенный круг лиц.

Проблема соотношения баланса публичных и частных интересов не может быть разрешена раз и навсегда, ибо интерес есть динамичное явление, связанное с экономическими, политическими, идеологическими факторами. Анализ ситуаций, связанный с выявлением корпоративных конфликтов, показывает, что наличие конфликта интересов часто выявляется в ходе судебного разбирательства, когда суд должен принять решение в целях восстановления справедливости в корпоративных

отношениях при достижении «общего блага» участников, а это не регламентируется законом. Примером может служить вынесенные решения судами с формулировкой «отказ в удовлетворении исковых требований». Это связано с тем, что отказ предполагает возможность другой стороне действовать по принципу «все, что не запрещено, разрешено» и не учитывать факт наступления неблагоприятных последствий для другой стороны при действии или бездействии субъекта, обладающего частным интересом и извлекающего выгоду в сложившейся конкретной ситуации. Следовательно, порядок действий субъектов при возникновении обстоятельств, не прописанных законом, может быть определен судом с учетом конкретной ситуации и обстоятельств конфликта. И здесь интерес рассматривается как фактор для интерпретации применяемой правоприменительным органом нормы в целях достижения справедливого разрешения конфликта интересов. С учетом публичных интересов государства и интересов частных необходимо поддерживать их баланс во внешних и внутренних взаимосвязях участников корпоративных отношений.

Список литературы

1. *Бахитов М. М.* Некоторые особенности участия публично-правовых субъектов в частноправовых отношениях // *Бизнес в законе.* — 2008. — № 1. — С. 198–199.
2. *Дедов Д. И.* Конфликт интересов. — М.: Волтерс Клувер, 2004. — 288 с.
3. *Ильин И. А.* Теория права и государства /под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М.: Зерцало, 2003. — 400 с.
4. *Кравченко О. Ю.* Публичные и частные интересы в праве: политико-правовое исследование: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Казань, 2004. — 27 с.
5. *Кузьмин А. И.* Возникновение, изменение и прекращение права участия в хозяйственных обществах на основании актов корпорации и ее участников: дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2014. — 209 с.
6. *Кузьмин А. И.* Соотношение корпоративного и частного интереса // *Юрист.* — 2014. — № 7. — С. 32–36.
7. *Ломакин Д. В.* Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. — М.: Статут, 2008. — 509 с.
8. Путин призвал «вычищать» золотые парашюты // <http://meta.kz/novosti/business/946891-putin-prizval-vychischat-zolotye-parashyuty.html> (дата обращения: 12. 08. 2019).
9. *Филиппова С. Ю.* Корпоративный конфликт: возможности правового воздействия: моногр. — М.: Рос. акад. правосудия, 2009. — 308 с.
10. *Хабибуллин А. Г., Чернобель Т. Т.* Интересы государства и его охранно-защитная функция // *Журнал российского права.* — 2008. — № 5. — С. 18–27.

Питулько Ксения Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Россия, г. Санкт-Петербург,
lokhi@rambler.ru

Проблемы квалификации мошенничества, совершенного с использованием электронных средств платежа

Уголовная ответственность за мошенничество, совершенное с использованием электронных средств платежа, установлена в российском законодательстве относительно недавно, с 2012 г. Несмотря на то что положения ст. 159.3 УК РФ длительное время находились в стадии практической апробации, в 2018 г. законодатель внес существенные изменения в их содержание, приняв меры к разграничению кражи и мошенничества, сопряженных с незаконным доступом к банковским картам, денежным средствам, находящимся на балансе электронных платежных систем, технологиям осуществления безналичных расчетов. При этом он руководствовался правовыми позициями Пленума Верховного Суда РФ, разъяснившего в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48, что хищение денежных средств, находящихся на балансе платежной карты, сопряженное с незаконным доступом к идентифицирующей информации (PIN, CVC-коды и др.), надлежит квалифицировать как тайное, хотя бы эта информация и была получена обманным путем.

Следует отметить, что изначально, когда была установлена ответственность за мошенничество с использованием платежных карт, правоприменителям было намного проще осуществлять квалификацию соответствующих противоправных посягательств. Об этом свидетельствуют следующие данные: в 2013–2014 гг. за совершение данного преступления были осуждены 510 человек, в 2015–2017 гг. — 317, в 2018 г. — 239 [5]. Некоторое изменение динамики применения рассматриваемой нормы в 2018 г. отчасти объяснимо тем, что преступные действия, направленные на завладение денежными средствами, размещенными в безналичной форме, квалифицируются чаще по ст. 159.3 УК РФ, нежели по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, в соответствии с которым наступает ответственность за тайное хищение в отношении электрон-

ных денежных средств или с банковского счета. Дело в том, что законодатель сделал в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ оговорку: «...при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего Кодекса», оставив на усмотрение суда толкование наличия или отсутствия таковых. Поскольку ч. 3 ст. 158 УК РФ устанавливает ответственность за тяжкое преступление, а ст. 159.3 УК РФ на практике применяется в большинстве случаев по ч. 1 или ч. 2, в которых описываются преступления небольшой или средней тяжести, позиция нижестоящих судов выглядит вполне понятной. При среднем размере похищенных денежных средств (от 3 до 28 тыс. руб.) [2, с. 22–42] квалификация содеянного как тяжкого преступления выглядит избыточно строгой.

Количество мошеннических транзакций, фиксируемых Центробанком России, остается значительным: только в 2018 г. их было выявлено свыше 417 тыс. [4, с. 10]. При этом раскрываемость преступлений, направленных на хищение электронных средств платежа, не превышает 10–15% [3, с. 88–89]. Следовательно, можно заключить, что эффективность правоприменительной деятельности в этой части следует признать низкой. Для этого есть объективное объяснение: до возбуждения уголовного дела доступ к банковской и иной информации об использовании электронных средств платежа ограничен; деятельность по раскрытию таких преступлений носит выраженный ретроспективный характер; собственник денежных средств зачастую проявляет грубую неосторожность при хранении информации, облегчающей преступникам доступ к денежным средствам в безналичной форме. Вместе с тем широко обсуждаемое предложение о предоставлении банковским операторам права блокировать проведение «подозрительных» платежей или даже сами платежные карты, выступающие адресатами таких платежей, представляется излишним. При активном использовании такого права неизбежны случайные блокировки карт, принадлежащих добросовестным держателям, что едва ли компенсируется мифическим заслугом для киберпреступников.

Следует отметить наиболее популярные способы противоправных действий, совершаемых с незаконным доступом к электронным средствам платежа.

Во-первых, это так называемые дистанционные хищения, для совершения которых преступник вступает в вербальный контакт с владельцем платежной карты и обманным путем получает от него информацию, необходимую для последующего перевода и обналичивания денежных средств.

Во-вторых, это различного рода вмешательство в нормальную работу банковского оборудования, предназначенного для обналичивания денежных средств (установка специальных считывателей информации, фиксация секретных кодов при их введении держателем карты на клавиатуре устройства).

В-третьих, это осуществление под видом дистанционной торговли мнимой продажи товаров, при расчете за которые потребитель использует электронные средства платежа.

Естественно, среди преступлений, направленных на завладение электронными средствами платежа, можно упомянуть и обычное хищение банковских карт (например, при совершении карманной кражи в распоряжении преступника оказывается портмоне, в котором кроме наличных денег имеется и платежная карта), и распространение вредоносного программного обеспечения, позволяющего проникнуть в работу онлайн-банкинговых приложений для смартфонов, и незаконное использование найденной, но не заблокированной карты, сопряженное с выдачей преступником себя за ее законного владельца.

Как видим, перечень видов криминальной активности отличается существенной вариативностью. При этом не все описанные способы хищения получили в правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ характеристику как совершенные путем обмана или злоупотребления доверием.

Перечисленные обстоятельства существенно затрудняют квалификацию общественно опасных посягательств, совершаемых с использованием электронных средств платежа. В этой связи оптимизация противодействия преступлениям данного вида может быть достигнута посредством комбинированного использования двух способов.

Первым из них можно назвать широкое оповещение граждан о наиболее распространенных посягательствах, связанных с незаконным доступом к электронным средствам платежа. Такая работа уже ведется органами внутренних дел: публикация тематических материалов и наглядных пособий виктимологического содержания, распространение информации о появлении новых способов хищения, подготовка прессконференций об изобличении конкретных лиц в совершении таких преступлений [1, с. 8–12].

В качестве второго способа можно предложить обновление разъяснений по вопросам разграничения кражи и мошенничества, направленных на завладение электронными денежными средствами. Пленум Верховного Суда РФ может внести изменения в постановление от 30 ноября 2017 г. № 48, раскрыв в нем конкретные отличия этих преступлений и четко закрепив, что использование любых обманных приемов должно квалифицироваться как мошенничество независимо от того, в какой момент состоялось фактическое завладение денежными средствами и был ли об этом незамедлительно оповещен их собственник.

Предложенные способы противодействия мошенническим действиям, связанным с незаконным доступом к электронным средствам платежа, позволят усилить безопасность безналичных и иных расчетов, сыграют положительную роль в дальнейшем развитии рынка

электронных денежных средств, обеспечат своевременную правовую реакцию на совершенные противоправные действия.

Список литературы

1. *Горовой А. И.* Расследование технологий обмана // Полиция России. — 2017. — № 10. — С. 8–12.
2. *Имаева Ю. Б.* Особенности расследования хищений, совершенных с использованием кредитных и расчетных карт: дис. <...> канд. юр. наук. — Уфа, 2015. — 233 с.
3. *Коломинов В. В.* Расследование мошенничества в сфере компьютерной информации: научно-теоретическая основа и прикладные аспекты первоначального этапа: дис. <...> канд. юр. наук. — Иркутск, 2017. — 211 с.
4. Обзор несанкционированных переводов денежных средств за 2018 год. — М.: Банк России, 2019. — 31 с.
5. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. — URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 26.08.2019).

Ибрагимов Солеҳджон Иброхимович,

доктор юридических наук, профессор,
Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова
Академии наук Республики Таджикистан,
заведующий отделом государственного права,
Республика Таджикистан, г. Душанбе,
soleh_52@mail.ru

Марифхонов Расулжон Нурматович,

кандидат юридических наук, доцент,
Таджикский национальный университет,
докторант кафедры конституционного права,
Республика Таджикистан, г. Душанбе,
marifhonov_r@mail.ru

**Административный процесс: дискуссионные подходы
к пониманию и их значение в формировании национального
административно-процессуального права
Республики Таджикистан**

Научное познание об административном процессе в Республике Таджикистан (далее: РТ) можно отнести к началу 60-х гг. XX в., когда в юридической литературе появились дискуссионные мнения о положении административного процесса в правовой науке союзного государства. Научной основой для дискуссии по проблемам административного процесса стала докторская диссертация И. И. Евтихиева на тему «Виды и формы административной деятельности», защищенная еще в 1948 г., в которой автором было дано определение широкого и узкого понимания административного процесса. Так, согласно научной концепции И. И. Евтихиева, административный процесс в широком смысле нужно понимать как общий порядок деятельности органов управления, а в узком — как порядок рассмотрения жалоб, споров и наложения административных санкций [3, с. 172]. Концепция И. И. Евтихиева была поддержана С. С. Студеникиным, который, указывая на существование административного процесса, отмечал, что административный процесс представляет собой совокупность процессуальных правил, на основе которых осуществляется исполнительно-распорядительная деятельность органов государственной власти [25, с. 44].

В 60-е гг. прошлого столетия проблемами административного процесса занимались такие видные ученые своего времени, как А. Е. Лунев, Г. И. Петров, А. П. Коренев, Н. Г. Салищева, В. И. Попова и др.

[15, с. 169–170; 11, с. 128–131; 21, с. 297–300]. В этот же период в научных учреждениях возникают первые научные дискуссии по вопросам административного процесса. Так, в 1963 г. в Институте государства и права Академии наук СССР в ходе обсуждения научного доклада Н. Г. Салищевой по проблемам административного процесса были четко обозначены узкий и широкий подходы к пониманию сущности и содержания административного процесса. Сторонниками узкого, или юрисдикционного, подхода выступили Н. Г. Салищева и М. И. Писко-тин. Другие ученые, например А. А. Мельников и В. С. Тадевосян, рассматривали административный процесс как деятельность органов государственного управления по разрешению административных споров и применению мер административного принуждения, прежде всего административной ответственности.

А. Е. Лунев и Ц. А. Ямпольская поддерживали широкий подход, который сводился к тому, что административный процесс это деятельность органов государственного управления по разрешению всех категорий индивидуальных юридических дел, возникающих в области исполнительной и распорядительной деятельности, а не только споров и дел об административном принуждении [23, с. 130–131]. Состоявшаяся научная дискуссия способствовала более глубокому изучению и осмыслению проблем административного процесса и в административно-правовой науке стала первоосновой систематизации знаний по этим вопросам.

Наиболее крупной научной работой, в которой обосновывалась юрисдикционная концепция административного процесса, явилась монография Н. Г. Салищевой «Административный процесс в СССР», изданная в 1964 г. Н. Г. Салищева указала, что административный процесс рассматривается как юрисдикционный по аналогии с такими давно существующими юридическими процессами, как гражданский и уголовный. По мнению Н. Г. Салищевой, административный процесс представляет собой «регламентированную законом деятельность по разрешению споров, возникающих между сторонами административного правоотношения, не находящимися между собой в отношениях служебного подчинения, а также по применению мер административного принуждения» [25, с. 16]. Вместе с тем автор полагала, что административный процесс не может быть подобен гражданскому процессу, если нет спора между сторонами административного правоотношения. Исходя из реалий советского времени, когда административно-правовые споры составляли незначительное число от общего количества рассматриваемых и разрешаемых органами управления дел, автор разделила административное производство как порядок разрешения индивидуальных дел в рамках внутриорганизационной деятельности аппарата управления и административный процесс как реализацию их внешней компетенции, т. е. это внешняя властно-организующая функция соот-

ветствующего органа, заключающаяся в разрешении в принудительном порядке спора либо применении мер государственного принуждения в отношении граждан и организаций [21, с. 12–13].

Что касается отношения национальной правовой науки Таджикистана к административному процессу, следует констатировать тот факт, что оно полностью соответствовало советской правовой действительности и научные исследования проводились в русле имеющих авторитетных правовых доктрин. Так, впервые в Таджикистане в 1965 г. преподаватель кафедры советского государственного права и советского строительства юридического факультета Таджикского госуниверситета им. В. И. Ленина А. А. Исмаилов защитил кандидатскую диссертацию на тему «Участие трудящихся масс в государственном управлении (по материалам Таджикской ССР)» [8]. Опираясь на вышеприведенные научные исследования, автор обосновал концепцию о том, что одной из форм участия общественности в государственном управлении является обращение граждан в органы государственного управления, рассмотрение и разрешение которых является административным процессом. В работе рассмотрены различные обращения граждан (жалобы, заявления, сведения, информация и т. п.) [7]. К сожалению, впоследствии указанный автор исследованием проблем административного процесса (процедуры) не занимался. Тем не менее справедливо отметить, что идеи данной работы были заложены в ст. 46 и 47 Конституции Таджикской ССР (1978 г.): граждане имеют право участвовать в управлении государственными и общественными делами (ст. 46); каждый имеет право на внесение предложений и на критику (ст. 47). Другие правоведы Таджикистана, занимающиеся научными изысканиями, вплоть до 2008 г. не уделяли внимания вопросам административного процесса. Таким образом, административный процесс как комплексный институт административного права не подвергался в Таджикистане исследованию на протяжении почти 45 лет. Возможно, объяснением может служить тот факт, что вплоть до 1991 г. республика находилась в составе СССР и необходимость в разработке национальной концепции административного процесса отсутствовала.

Однако на союзном уровне в 1970-х гг. А. П. Ключниченко и А. В. Самойленко обосновали юрисдикционный подход к пониманию административного процесса. Так, А. П. Ключниченко полагал, что к административному процессу следует относить лишь деятельность по применению мер административного принуждения, прежде всего административных взысканий за совершенные административные проступки, а также рассмотрение жалоб в сфере государственного управления. Все иные виды деятельности в области государственного управления, по его мнению, регулируются нормами материального, а не процессуального административного права и не образуют административного процесса [13, с. 30].

Концепция узкого понимания административного процесса как деятельности по рассмотрению административных споров и применению мер административного принуждения стала предметом исследования ученых в более поздний период [19, с. 11–14; 16, с. 119–120; 2, с. 10–11].

Следует отметить, что теоретической основой для формирования и развития юрисдикционной концепции административного процесса считалось существовавшее в общей теории права советского периода представление о юридическом процессе как деятельности исключительно правоохранительной, осуществляемой в рамках судопроизводства, т. е. гражданского и уголовного процессов. При этом в теории права не учитывалось то обстоятельство, что помимо судопроизводства, осуществляемого в форме гражданского и уголовного процессов, существует еще и государственное управление, реализация которого также требует необходимых процессуальных форм, существенно отличающихся от судебных [8]. В частности, развивая эту концепцию, В. И. Попова, еще в 1962 г. указывала, что «нельзя сводить административный процесс только к нормам, регулирующим порядок привлечения к административной ответственности. Административный процесс — более широкое и многообразное явление, охватывающее все процессуальные формы жизни административно-правовых норм. И если нормы материального административного права регулируют содержание исполнительской и распорядительской деятельности, то нормы административно-процессуального права закрепляют процессуальные формы, порядок, способы и методы осуществления этой деятельности» [18, с. 297]. Несмотря на это, в науке административного права не существовало стройной, аргументированной теории административного процесса в широком его понимании. Такая теория впервые была разработана в монографии В. Д. Сорокина «Проблемы административного процесса» (1968 г.). В соответствии с этой концепцией государственное управление как вид государственной деятельности осуществляется посредством административного процесса. Административный процесс является правовой формой реализации материальных норм административного и некоторых других отраслей права, осуществляемой посредством деятельности исполнительно-распорядительных органов. По своей сути административный процесс представляет собой урегулированный правом порядок (процедуру) разрешения индивидуально-конкретных дел, возникающих в сфере государственного управления, и одновременно деятельность исполнительно-распорядительных, а в предусмотренных законом случаях и иных компетентных органов, в том числе судов, по разрешению таких дел, в ходе которой возникают административно-процессуальные отношения. Административный процесс в целом состоит из отдельных видов административных производств, которые выделяются в зависимости от характера индивиду-

ально-конкретных дел, разрешаемых компетентными органами в сфере государственного управления [22]. Таким образом, в качестве административного процесса рассматривается не только внешневластная правоприменительная деятельность органов государственного управления, но и внутриаппаратная организационная и нормотворческая деятельность этих органов. Административный процесс это деятельность, которая регулируется специальными административно-процессуальными нормами [24, с. 64, 71–72].

Предложенная В. Д. Сорокиным концепция широкого понимания административного процесса была поддержана многими известными учеными- юристами, занимавшимися проблемами юридического, в том числе административного, процесса, в частности такими, как В. М. Горшенев, А. П. Коренев, Ю. М. Козлов, Е. В. Додин, В. А. Юсупов, Б. М. Лазарев, Д. Н. Бахрах, О. К. Застрожная, В. А. Лория, И. В. Панова [27, с. 135–142; 12, с. 212–213; 28, с. 18–35; 26, с. 9–30; 1, с. 153–156; 4, с. 32–36; 14, с. 5–10; 17, с. 115].

Следует отметить, что изменения в экономической, политической и социально-культурной сферах общественной жизни, произошедшие после приобретения Республикой Таджикистан независимости, а также развитие национального законодательства неизбежно повлияли на правовую систему страны, что обусловило вектор дальнейшего развития административного процесса.

В законодательном массиве Республики Таджикистан действует комплекс процессуальных норм, регулирующих осуществление административно-процедурного, административно-юрисдикционного производства и административного судопроизводства. Однако представляется, что дальнейшего самостоятельного развития требуют административная процедура и административное судопроизводство как объективная реальность и сложившаяся социально-правовая среда.

Потребность в административном судопроизводстве обусловлена тем, что с ее помощью можно осуществить цивилизованное разрешение административных споров в судебном порядке, полноценную защиту субъективных публичных прав и обеспечить функционирование административной юстиции как гаранта этих прав и законности в правовом государстве, в чем остро нуждается Республика Таджикистан [5, с. 50]. Для такого понимания в Республике Таджикистан существует нормативно-правовая база функционирования административного судопроизводства (нормы соответствующих глав Гражданско-процессуального кодекса РТ, Экономического процессуального кодекса РТ и Кодекса об административных процедурах РТ). Следовательно, данная форма реализации судебной власти, как это предусмотрено в ст. 2 Конституционного закона РТ от 26 июля 2014 г. № 1084 «О судах Республики Таджикистан» [9], должна функционировать самостоятельно наряду с гражданским, экономическим и уголовным

судопроизводствами. Однако до сих пор в республике она не только не введена унифицированным нормативным правовым актом, но и остается предметом недопонимания как политической элитой страны, так и работниками судебного корпуса [20, с. 17]. Исходя из этого, все публично-правовые дела все еще рассматриваются в общем порядке, причем рассмотрение споров административно-правового характера осуществляется на основании норм ГПК РТ и ЭПК РТ. Здесь нельзя не обратить внимание на существенное противоречие. ГПК РТ и ЭПК РТ в этом случае регулируют правоотношения, обладающие не частноправовой, а публично-правовой природой, а правила судопроизводства применяются практически одни и те же. Это едва ли допустимо, поскольку в частноправовых отношениях субъекты равны между собой, а в административно-правовых отношениях, равенство, как правило, отсутствует. Поэтому регулировать судебные процессы по спорам различной юридической природы при помощи одного и того же кодекса представляется ошибочным. С учетом этих оснований еще в 2011 г. в Концепции прогнозного развития законодательства РТ была заложена идея об обособлении административно-процессуального законодательства от ГПК РТ и ЭПК РТ [10, п. 48], которая осталась не реализованной до сегодняшнего дня.

В республике до сих пор нет классических специализированных административных судов, рассматривающих публично-правовые споры, отсутствует и концептуальное административно-процессуальное законодательство. А действующие нормы, содержащиеся в Кодексе об административных процедурах РТ, Процессуальном кодексе об административных правонарушениях РТ, Гражданско-процессуальном кодексе РТ и Экономическом процессуальном кодексе РТ, требуют консолидации. Несмотря на то что в Таджикистане существуют нормы административно-процессуального законодательства, оно очень слабо развито и по причинам разбросанности, несовершенства и дублирования остается в тени норм, регулирующих процедуры рассмотрения административных дел о правонарушениях. Поэтому необходимо принять Административно-процессуальный кодекс, который позволит регулировать широкий круг вопросов одним законодательным актом, что устранил бесполезные отсылочные нормы и возникающие на этой основе коллизии и упростит процесс реализации административных процедур [6, с. 320].

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что для дальнейшего развития административного процесса необходимо на законодательном уровне определить основные направления развития законодательной базы, систематизировать нормы, регламентирующие административно-процессуальную деятельность, и достичь четкой направленности на защиту и реализацию прав и свобод человека и гражданина. Наличие такого характера административного процесса будет способствовать

развитию социально-правового содержания административно-процессуального права как самостоятельной отрасли.

Таким образом, сегодня в Республике Таджикистан объективно сложились все предпосылки для формирования административного процессуального права в качестве самостоятельной отрасли права. Поэтому основная задача современной науки состоит в полной разработке научной основы административного процессуального права.

Список литературы

1. *Бахрах Д. Н.* Административное право: учебник. — М.: Бек, 1996. — 368 с.
2. *Демин А. А.* Понятие административного процесса и кодификация административно-процессуального законодательства // Государство и право. — 2000. — № 11.
3. *Евтихиев И. И.* Виды и формы административной деятельности: дис. <...> д-ра юр. наук. — М., 1948. — 493 с.
4. *Застрожная О. К.* Советский административный процесс. — Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1985. — 207 с.
5. *Зеленцов А. Б., Ястребов О. А.* Судебное административное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». — М., 2017. — 768 с.
6. *Ибрагимов С. И.* Проблемы и перспективы разработки и принятия общего Административно-процессуального кодекса Республики Таджикистан // Ежегодник публичного права. 2014: «Административное право: сравнительно-правовые подходы». — М.: Инфотропик Медиа, 2014. — 480 с.
7. *Исмаилов А. А.* Участие трудящихся масс в государственном управлении: по мат. Таджикской ССР: автореф. дис. <...> канд. юр. наук / Таджикск. гос. ун-т им. В. И. Ленина. — Душанбе, 1965. — 17 с.
8. *Кононов П. И.* Административно-процессуальное законодательство и проблемы его кодификации: дис. <...> д-ра юр. наук. — М., 2001. — 385 с.
9. Конституционный закон РТ от 26 июля 2014 г. №1084 «О судах Республики Таджикистан». — АМО РТ. — 2014. — № 7, ч.1. — № 380.
10. Указ Президента Республики Таджикистан от 19 февр. 2011 г. № 1021 «Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан» // ЦБПИ «ADLIA». — V.7.0.
11. *Корнев А. П.* Вопросы административного процесса в деятельности органов милиции // Советское государство и право. — 1963. — № 12.
12. *Корнев А. П.* Административное право России: учебник: в 3 ч. / МЮИ МВД России. — М.: Щит-М, 1999. — Ч. 1. — 280 с.
13. *Клюшниченко А. П.* Производство по делам о мелком хулиганстве. — Киев, 1970. — 150 с.

14. *Лория В. А.* Проблемы кодификации советского административно-процессуального права: автореф. дис. <...> д-ра юр. наук. — Киев, 1976. — 55 с.
15. *Лунев А. Е.* Административная ответственность за правонарушения. — М., 1961. — 186 с.
16. *Овсянко Д. М.* Административное право. — М.: Юрист, 2000. — 468 с.
17. *Панова И. В.* Административный процесс в России: понятие, принципы, виды // Правоведение. — 2000. — № 2.
18. *Попова В. И.* Теоретические вопросы систематизации советского административного законодательства // Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. — М., 1962. — 575 с.
19. *Петухов П. А.* Административный процесс в юрисдикционной деятельности органов советского государственного управления: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Л., 1981. — 24 с.
20. *Рахматова З. М.* Административное судопроизводство в Республике Таджикистан: дис. <...> канд. юр. наук. — М., 2016. — С. 17.
21. *Салищева Н. Г.* Административный процесс в СССР. — М.: Юрид. лит., 1964. — 158 с.
22. *Сандалов Л. В.* Административные производства в деятельности государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России: Проблемы правового регулирования: дис. <...> канд. юр. наук. — Омск, 2004. — 170 с.
23. Советское государство и право. — 1963. — № 1.
24. *Сорокин В. Д.* Проблемы административного процесса. — М.: Юрид. лит., 1968. — 142 с.
25. *Студеникин С. С.* Социалистическая система государственного управления и вопрос о предмете советского административного права // Вопросы советского административного права. — М.; Л., 1949. — 210 с.
26. Управленческие процедуры / под ред. Б. М. Лазарева. — М.: Наука, 1988. — 246 с.
27. Юридическая процессуальная форма: теория и практика. — М., 1976. — 280 с.
28. *Юсупов В. А.* Правоприменительная деятельность органов управления. — М.: Юрид. лит., 1979. — 136 с.

Джалилов Сослан Асланович,

кандидат педагогических наук,

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,

Россия, г. Санкт-Петербург,

sos-1975@mail.ru

Толерантность как важный аспект формирования личности студентов юридических вузов

Необходимым условием общения людей разных культур, этнических и межконфессиональных групп является толерантность, закрепленная в ноябре 1995 г. в Декларации принципов толерантности 185 государствами — членами ЮНЕСКО, включая Россию. В документе указано, что «толерантность означает уважение, принятие и правильное понимание всего многообразия культур, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности». Развитие гуманного общества невозможно без развития и повышения уровня толерантного сознания, толерантного поведения.

Толерантность является объектом изучения многих наук: политологии (А. С. Бушуев, В. А. Васильев, М. М. Лебедева, и др.), философии (В. С. Библер, Р. Р. Валитова, В. А. Лекторский и др.), социологии (М. М. Акулич, Е. В. Швачко и др.), психологии (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. Н. Мясищев и др.), педагогики в сфере формирования у обучающихся толерантности (Н. А. Астахова, П. В. Степанов, Е. В. Рыбак, Н. В. Кукушкин и др.). Основные принципы регулирования таких общественных отношений, как толерантность, плюрализм, свободы и права человека, формировались и развивались (от Аристотеля до М. Монтеня, Вольтера, Дж. Локка, а также философов, социологов, психологов настоящего времени).

Идея толерантности появилась еще в глубокой античности как одно из решений проблемы отношения к религиозным меньшинствам. Значительный вклад в разработку правового оформления внес Дж. Локк («Опыт о веротерпимости»). Он одним из первых дал теоретическое обоснование понятию «толерантность». Локк описывал толерантность как непосредственную ценность, которая является фундаментом взаимоотношений индивидов, принадлежащих к различным религиозным и культурным традициям.

Кроме того, он отмечал, что «каждый человек имеет полную и ограниченную свободу мнений и вероисповедания при одном условии, что делает это чистосердечно и по совести перед Богом, сколько дозволяют его знания и убеждения» [3, с. 70].

Д. Милль в работе «О свободе» объясняет толерантность как ключевое положение для существования индивидуальности, а также как фактор существования свободы. Существуют различные подходы к определению термина «толерантность». В сущности, понятия «толерантность» и «терпимость» являются синонимами.

В подавляющем большинстве современных словарей понятие «толерантность» трактуется как снисходительность к кому-либо или чему-либо, а также как терпимость к чужим мнениям, традициям, верованиям. В Словаре В. И. Даля терпимость объясняется как способность кого-либо терпеть «только по милосердию, снисхождению».

Новая философская энциклопедия дает следующее определение толерантности: «...качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равной и достойной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом другое. Толерантность предполагает настроенность на понимание и диалог с другим человеком, признание и уважение его права на отличие» [4].

Декларация принципов терпимости, утвержденная резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г., дает такое определение толерантности: «Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Терпимость — это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая, правовая потребность. Терпимость — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира». В этике, как и во многих других предметах, понятия «толерантность» и «терпимость» отождествляются. Терпимость определяется как моральное качество, которое характеризует отношение человека к интересам, традициям, верованиям, принципам и убеждениям других людей. В психологии толерантность рассматривают как исчезновение или ослабление реагирования на поведенческом или эмоциональном этапе на какой-либо неблагоприятный фактор в результате снижения чувствительности к его воздействию. В педагогике толерантность означает терпимость к собственным детям, учащимся, способность понять и принять их несовершенство.

Согласно Словарю-справочнику для родителей, имеющих детей с ограниченными возможностями, толерантность это «терпеливость, вы-

носливость, психическая устойчивость при наличии фрустраторов (от *лат.* *frustratio* — обман, расстройство, разрушение планов) и стрессоров, сформировавшиеся в результате снижения чувствительности к их повторяющемуся воздействию» [5, с. 98].

Проблемой терпимости занимался Н. К. Рерих. В его понимании нетерпимый человек «не милосерден, не великодушен и не знает доверия». Воспитывая в себе терпение, человек тем самым воспитывает терпимость. Рерих считает, что обуздание раздражительности, избавление от собственных страхов и эгоизма являются основным шагом в воспитании терпимости в себе. «Если учитель не проявит терпения к первым шагам ученика, он не будет учителем. Терпение есть камень „Венца“» [2, с. 240].

Таким образом, можно согласиться с мнением известных философов, психологов, педагогов, утверждающих, что толерантность является одним из главных условий для нахождения компромисса и преодоления конфликтов.

Во всех приведенных выше определениях толерантности заключена главная идея: быть терпимым и доброжелательно относиться к любым проявлениям свободы и индивидуальности как отдельного человека, так и целых государств, народов, наций и рас. Перед мировым сообществом встает задача, заключающаяся в формировании толерантного сознания, в которое входит воспитание толерантного человека, основанное на уважении и принятии чужого как своего, соблюдение прав и свобод человека независимо от его принадлежности к той или иной стране, религии, полу, возрасту и т. д.

В настоящее время в образовательной среде преобладает понятие гуманизации как научного направления. Гуманизация образования — одно из направлений в учебном процессе, которое предполагает развитие личности, а также формирование таких качеств, как самовоспитание и самообучение.

Отношения внутри вуза служат связующим элементом в жизни студентов, которых объединяют профессиональные знания и интересы. Студенчество — социальная группа, направленная на формирование будущих профессиональных отношений. В юридических вузах особенно важен факт межличностных отношений, поскольку это является основой будущей профессии юриста. Толерантность выступает в качестве базы данных отношений, а также будет влиять на социализацию студента как будущего профессионала.

Проводником и помощником в процессе формирования толерантности в юридических вузах является преподаватель. Именно он формирует мировоззрение студентов, развивает процесс осознания ими себя носителями общественных ценностей. Следовательно, преподавателю необходимо усиливать диалог в обучении, в учебной воспитательной работе обеспечивать студентам возможность отстаивать свое мнение,

взгляды и жизненные позиции. Именно в этом возрасте наиболее целесообразно воспитывать в развивающейся личности компоненты толерантности, такие как активность, осознанность, уважение, принятие значимого иного, самообладание.

Терпимость проявляется как открытость и свободное мышление. Исходя из этого, можно утверждать, что в основе понимания терпимости лежит осознание того, что вся социальная среда многомерна, взгляды различны и не могут быть единообразны.

В юридических вузах толерантность можно рассматривать как уважение равенства, отказ от насилия, признание норм поведения. Все эти понятия формируются еще на ранней ступени получения профессии, а значит, входят в образовательные цели учреждения.

В юридических вузах понятие толерантности актуально в контексте стратегической задачи воспитания будущего специалиста. В изучении и формировании толерантности сформулированы следующие положения:

- толерантность как цель воспитания в профессиональной сфере;
- толерантность личности проявляется в формах поведения, таких как открытость, невраждебность, солидарность, внимание к окружающим, готовность выслушать точку зрения другого, терпимость;
- педагогический аспект является главным средством в процессе формирования и воспитания студента.

Обращаясь к нормативным правовым актам, которые относятся к проблеме толерантности, стоит упомянуть о докладе ООН.

Верховный комиссар по правам человека в докладе на 58-й сессии ООН по правам человека 7 февраля 2002 г. выделил целый раздел, посвященный роли образования в области несовместимости демократии и расизма. Огромную роль в деле предупреждения ненависти к другому человеку, предотвращения нетерпимости и последствий, которые они могут за собой повлечь, играет образование.

В частности, в ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах прямо говорится: «...образование должно быть направлено на полное развитие человеческой личности и осознание ее достоинства и должно укреплять уважение к правам человека и основным свободам. Оно должно дать возможность всем быть полезными участниками свободного общества и способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами».

Таким образом, толерантность и образование — связанные между собой понятия, помогающие студентам в получении профессиональных знаний. Обучаясь в вузе, студенты проходят два периода:

- период развития самосознания индивида, закрепления нравственных, моральных и этических предпочтений;
- период стремления отказаться от определенных ценностей, укоренившихся традиций, стремления (часто необоснованного) к предпо-

чению ценностных установок, навязываемых средствами СМИ, телевидением и т. д.

А. И. Богданова считает, что эти тенденции заставляют рассматривать проблему толерантности в современной образовательной среде вуза как «проблему формирования ценностного отношения к толерантности», в процессе формирования которой должно прийти осознание, что только в случае признания отличия другого возможно создание продуктивного и креативного учебного процесса в образовательной среде» [1]. По мнению ученых, формирование толерантности — это управляемый процесс в ходе обучения в вузе. Можно выделить следующие его виды: когнитивный, эмоциональный, поведенческий, личностный, коммуникативный.

В этом отношении культурное разнообразие современного вуза, в том числе юридического, создает наиболее оптимальные условия для формирования всех вышеперечисленных видов толерантности, поскольку готовит студентов к межличностным взаимодействиям.

Однако стоит отметить особый вид формирования толерантности — коммуникативный. У данного вида существует пробел в процессе общения в условиях разнообразия образовательной среды современных юридических вузов. С точки зрения социологии культуры, базу теоретического осмысления проблемы можно обнаружить в работах К. Роджерса, А. Б. Орлова, А. Маслоу, А. Адлера, и др.

Анализ работ позволяет выделить следующие основные идеи:

— признание факта, что студент — полноценный, обладающий своими особенностями человек и гражданин;

— признание уникальности каждого студента, имеющего особые индивидуальные качества личности;

— отношение к любому студенту с позиций прав человека, которые признаны международным сообществом, вне зависимости от этнической принадлежности, религиозных взглядов, идеологических предпочтений.

Главной целью работы юридического вуза и кафедр является подготовка к будущей профессиональной деятельности человека не только образованного, наученного, но и принявшего профессиональные нормы, ценности и обязанности, т. е. социализированного.

Следовательно, можно сделать вывод, что формирование и воспитание толерантности осуществляется в образовательной среде юридического вуза с точки зрения целесообразности, которая влияет на профессиональную социализацию и направленность. Главной целью является не только подготовка будущих профессионалов, но и принятие профессиональных ценностей и обязанностей, вследствие чего будет выявлено четкое представление и осознание понятия «толерантность».

Одной из важнейших проблем всего мира выступает юридическая толерантность, являющаяся составляющей свободного общества и стабильного государства.

Современный демократический мир и общество немислимы без толерантности, которая, в свою очередь, невозможна без терпимости к противоположным взглядам и убеждениям. Одной из проблем на пути к толерантному обществу выступает соблюдение законодательно закрепленных прав человека, в то время как основной проблемой является отсутствие правового поля для достижения согласия.

Исходя из этого, каждое государство должно обратить внимание на формирование и дальнейшее развитие законодательной базы воспитания толерантного отношения к различным категориям людей, проживающих в данной стране. Фундаментом для законодательной базы любой страны выступают международные декларации о правах и свободах человека.

Следует отметить, что ценность толерантности заключается в присущей ей активной позиции в отношении к чужому. Толерантность признает существование различий и противоречий, а также возможность конфликтных ситуаций, но наряду с другими факторами «не позволяет реально существующим в каждом обществе явлениям неравенства, состязательности и доминирования проявиться в манифестных и насильственных формах» [3, с. 36]. Элементарный уровень включает в себя пассивную толерантность, т. е. снисходительное отношение к интересам, традициям и верованиям других людей. Высший уровень предполагает активную толерантность, включающую в себя осознание и признание права других людей на свободу, жизнь и собственные убеждения. Юридическая толерантность общества шире и содержательнее, чем любая другая форма толерантности. Юридическая толерантность закладывает основу ценности каждого человека и уважения к нему. На формирование и характер толерантности оказывают влияние социально-правовая среда и государственно-правовые традиции.

Увидеть взаимосвязь прав человека и толерантности можно во многих международных документах. Так, Декларация принципов толерантности определяет, что «терпимость — это прежде всего активное отношение, формируемое на основе признания универсальных прав и основных свобод человека»; что «терпимость — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека».

Подобный подход содержится в преамбуле к Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., где прописано, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира, пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человека».

Итак, можно сделать вывод, что юридическая толерантность — это юридические нормы, регулирующие свободу выражения мнения человека.

Значительный вклад в разработку правового оформления внес Дж. Локк своим трудом «Опыт о веротерпимости». В дальнейшем проблема толерантности была связана не только с проблемой религиозной терпимости.

Анализ многочисленных источников и различных точек зрения позволил сделать вывод, что большинство определений толерантности содержат в себе такие характеристики морального качества личности, как уважение, терпимость, понимание и др. Толерантность выражается в стремлении достичь взаимопонимания и согласования разнородных интересов без применения давления, а также является формой уважения к другому человеку, признания за ним права на собственные убеждения, на то, чтобы быть иным.

Работу по воспитанию толерантности у студентов, следует начинать с 1-го курса и сразу по нескольким направлениям, в частности с формирования адекватной самооценки, положительной мотивации общения, приобретения знаний о существующих различиях, умения терпеливо воспринимать отличие другого.

Для формирования толерантности у студентов юридических вузов необходимо создание толерантной воспитательно-образовательной среды, в которой студенты будут осваивать навыки решения конфликтов и методов успешных коммуникаций, искусство жить в согласии с окружающими их людьми. Современное демократическое общество немыслимо без толерантности, которая невозможна без терпимости к противоположным взглядам и убеждениям. Одной из проблем на пути к толерантному обществу выступает соблюдение законодательно закрепленных прав человека, в то время как основной проблемой является отсутствие правового поля для достижения согласия.

Исходя из этого, каждое государство должно обратить внимание на формирование и дальнейшее развитие законодательной базы воспитания толерантного отношения к различным категориям людей, проживающих в данной стране. Фундаментом для законодательной базы любой страны выступают международные декларации о правах и свободах человека.

Толерантность имеет свои естественные границы и закачивается ровно там, где начинаются права другого человека. Толерантность и интолерантность выступают как разновидности социального поведения, поэтому к ним применимы знания, касающиеся мотивации социального поведения, том числе поведения, направленного на достижение успехов, избежание неудач, стремления к людям, изоляции от людей, оказания помощи людям, отказа в помощи, уверенности и неуверенно-

сти в себе, доброты и агрессивности. Толерантность является важнейшим аспектом в профессии юриста, ибо данная профессия больше чем наполовину состоит из общения и требует взаимопонимания между субъектами. Поэтому успех в юридической профессии напрямую зависит уровня сформированной толерантности.

Список литературы

1. *Богданова А. И.* Формирование ценностного отношения к толерантности в условиях поликультурной образовательной среды // *Фундаментальные исследования*. — 2012. — № 9. — С. 337–341.

2. *Гуров В. Н., Вульффов Б. З., Галяпина В. Н.* Формирование толерантной личности в полиэтнической образовательной среде: учеб. пособие. — М., 2004. — 240 с.

3. *Локк Джон.* Опыт о веротерпимости // *Локк Дж. Сочинения*: в 3 т. — М., 1988. — Т. 3. — 668 с.

4. *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. / научн. ред. М. С. Ковалева. — М.: Мысль, 2001. — Т. 4: Т—Я. — 735 с.

5. *Словарь-справочник для родителей, имеющих детей с ограниченными возможностями* / под ред. Л. Г. Гусляковой, С. Г. Чудовой. Барнаул, 1999. — 98 с.

Воскобойник Игорь Олегович,

кандидат юридических наук,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Россия, г. Санкт-Петербург,
Voskoboin_UGPRO@mail.ru

Уголовно-процессуальный статус потерпевшего и его реализация в отсутствие данного участника в ходе дознания

Уголовно-процессуальный статус потерпевшего образует совокупность его прав, обязанностей и уголовно-процессуальной ответственности, предусмотренной УПК РФ в случае невыполнения потерпевшим своих процессуальных обязанностей.

В соответствии с Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 г., Декларацией основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью важной функцией уголовного правосудия является охрана законных интересов потерпевшего, уважение его достоинства, повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию. На данное обстоятельство справедливо указано и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регулирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

Строгое соблюдение норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве, служит важной гарантией реализации лицом, пострадавшим от преступления, своего конституционного права на доступ к правосудию, судебную защиту и компенсацию причиненного ему ущерба. Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом (ст. 52 Конституции РФ).

Понятие «потерпевший» на страницах юридической литературы употребляется в двух значениях.

В первом из них смысловая нагрузка данного понятия совпадает с дефиницией ч. 1 ст. 42 УПК РФ, что позволяет употреблять понятие «потерпевший» только в уголовно-процессуальном смысле слова.

В другом случае под названным понятием мы понимаем жертву преступления и (или) лиц, которые сообщают о совершении в отношении их интересов (благ) преступления, но не признаны потерпевшими на основании постановления лица, производящего предварительное расследование.

В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда.

Таким образом, в силу ч. 1 ст. 42 УПК РФ лицо, которому преступлением причинен вред, приобретает предусмотренные уголовно-процессуальным законом права и обязанности с момента вынесения дознавателем постановления о признании его потерпевшим.

Вместе с тем следует иметь в виду, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им.

Лицо может быть признано потерпевшим как по его заявлению, так и по инициативе органа, в производстве которого находится уголовное дело.

Отказ в признании лица потерпевшим, а также бездействие дознавателя, выразившееся в непризнании лица потерпевшим, могут быть обжалованы этим лицом в досудебном производстве по уголовному делу в порядке, предусмотренном ст. 124 и 125 УПК РФ.

Совокупность прав потерпевшего, которые он может реализовать в процессе дознания, регламентирована ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Поэтому рассмотрим далее особенности обеспечения основных прав потерпевшего в условиях его отсутствия в ходе дознания.

Согласно УПК РФ, потерпевший обладает рядом прав.

1. Знать о предъявленном обвиняемому обвинении, в случае если в отношении подозреваемого избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, а обвинение не может быть предъявлено в 10-суточный срок (ч. 2, 3 ст. 224 УПК РФ). В иных случаях процессуальный статус обвиняемого в ходе дознания появляется лишь с момента вынесения обвинительного акта. Соответственно, и потерпевший может реализовать данное право только при ознакомлении с обвинительным тезисом, содержащимся в обвинительном акте.

В отсутствие потерпевшего данное право реализовано быть не может. В случае если интересы потерпевшего представляет иное лицо, оно должно быть уведомлено о факте и сущности предъявленного обвиняемому обвинения.

В случае появления потерпевшего на этапе окончания дознания данное право должно быть обеспечено посредством его ознакомления с материалами уголовного дела. Если потерпевший при уведомлении об окончании следственных действий не заявляет ходатайства об ознакомлении с материалами уголовного дела, право знать о предъявленном обвиняемому обвинении не утрачивается. Соответственно, дозна-

ватель обязан обеспечить реализацию данного права до утверждения обвинительного акта начальником органа дознания и прокурором.

УПК РФ не регламентирует форму фиксации реализации данного права, следовательно, оно может быть обеспечено дознавателем как до уведомления об окончании следственных действий, так и после этого. Вместе с тем данное процессуальное действие обязательно должно быть произведено до утверждения обвинительного акта, ибо потерпевший, будучи уведомленным о предъявленном обвиняемому обвинении, имеет право заявить ходатайство о производстве дополнительных следственных действий.

2. Давать показания в ходе допроса потерпевшего и других следственных действий. УПК РФ, регламентируя понятие показаний потерпевшего, оговаривает, что они даются в ходе допроса. Вместе с тем вряд ли следует спорить с тем, что реализация данного права возможна в ходе любого следственного действия с участием потерпевшего. Данное право неотрывно от реализации его права давать показания на родном языке или языке, которым он владеет. Оно неотъемлемо от личности потерпевшего и не может быть реализовано в его отсутствие посредством передачи данного права представителю потерпевшего.

Соответственно, дознаватель в отсутствие потерпевшего при производстве по уголовному делу обязан вынести постановление о признании лица потерпевшим и при появлении данного участника уголовного процесса ознакомить его с вынесенным постановлением, т. е. с приданным по уголовному делу процессуальным статусом.

Вынесение данного постановления в отсутствие потерпевшего не только возможно, но и рекомендуется в качестве меры, позволяющей создать условия для незамедлительной дачи показаний потерпевшим в случае его появления. Вынесение постановления о признании потерпевшим есть не что иное, как процессуальное решение, которое дознаватель должен обосновать в процессе доказывания совокупностью доказательств, свидетельствующих о характере и размере причиненного вреда, о том, что вред причинен непосредственно преступлением. Установление указанных обстоятельств, входящих в общий предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), возможно и в отсутствие потерпевшего.

3. Отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ. При согласии потерпевшего дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний.

Данная гарантия прав потерпевшего обусловлена как конституционной нормой (ст. 51 Конституции РФ), так и принципом охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ч. 2 ст. 11 УПК РФ).

Реализация данной гарантии возможна лишь при даче потерпевшим показаний.

4. Представлять доказательства. Согласно ч. 2 ст. 86 УПК РФ, потерпевший вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств.

Как видим, представленные документы и предметы подлежат приобщению к материалам уголовного дела, проверке и оценке дознавателем с целью решения вопроса об их доказательственном значении. В отсутствие потерпевшего данное право может реализовать его представитель, законный представитель. При этом дознаватель обязан провести все необходимые следственные действия в целях проверки и оценки сведений, представленных потерпевшим, вне зависимости от того, участвует он в доказывании по уголовному делу после представления либо отсутствует по каким-либо причинам.

5. Заявлять ходатайства и отводы. Право заявлять ходатайства о производстве следственных действий и принятии процессуальных решений может быть реализовано потерпевшим в любой момент производства дознания, в том числе после составления обвинительного акта. Заявленное потерпевшим ходатайство должно быть рассмотрено незамедлительно, а при невозможности этого в течение не более чем 3 суток (ст. 121 УПК РФ).

В отсутствие потерпевшего данное право в его интересах может реализовать его представитель, законный представитель.

6. При производстве следственных и иных процессуальных действий с участием потерпевшего, а также при переводе подлежащих обязательному вручению ему процессуальных документов бесплатно пользоваться помощью переводчика.

7. Иметь представителя в ходе всего производства дознания. В данное право включается право потерпевшего, не обладающего уголовно-процессуальной дееспособностью, иметь законного (обязательного) представителя, а также право потерпевшего, обладающего уголовно-процессуальной дееспособностью, иметь представителя по соглашению (факультативного) [1; 2].

8. Участвовать с разрешения дознавателя в следственных действиях, производимых по ходатайству потерпевшего либо его представителя. Реализация данного права теснейшим образом связана с усмотрением дознавателя. Следует помнить, что разрешение дознавателя на участие в указанных действиях должно быть обусловлено целями реализации принципа состязательности и права потерпевшего участвовать в уголовном преследовании. При этом отказ дознавателя должен быть обоснованным и исходить из целей безопасности участников уголовного процесса, а также из обеспечения прав других участников уголовного процесса, надлежащая защита законных интересов которых невозможна в присутствии потерпевшего.

9. Знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием потерпевшего, и подавать на них замечания. Данное право подчеркивает его активную роль в процессе доказывания, позволяет на ранней стадии предотвратить процессуальную ошибку, недоверенность и недопустимость сведений, сообщенных потерпевшим. В случае производства следственного действия по ходатайству потерпевшего, отсутствующего в момент производства, указанное право должно быть предоставлено представителю, законному представителю потерпевшего.

10. Знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 198 УПК РФ.

Данное право подлежит реализации по аналогии с правом подозреваемого либо обвиняемого на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта.

В отсутствие потерпевшего указанное право должно быть предоставлено его представителю, законному представителю [3, с. 91–93].

11. Знакомиться по окончании дознания со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств. В случае если в уголовном деле участвуют несколько потерпевших, каждый из них вправе знакомиться с теми материалами уголовного дела, которые касаются вреда, причиненного данному потерпевшему. Реализация данного права не должна трактоваться как ущемление прав потерпевшего на ознакомление с материалами уголовного дела.

Каждый из потерпевших вне зависимости от их количества должен быть ознакомлен со всеми материалами уголовного дела. Данное правило следует из оценки приоритета применения конкурирующих норм ст. 42 и ст. 216 УПК РФ, последняя из которых не ограничивает потерпевшего в ознакомлении со всеми материалами уголовного дела на основании наличия нескольких потерпевших.

Не следует смешивать и права потерпевшего с правами гражданского истца, который на основании ст. 216 УПК РФ вправе знакомиться с материалами уголовного дела в части гражданского иска.

12. Получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании его потерпевшим или об отказе в этом, о прекращении уголовного дела, приостановлении производства по уголовному делу [4, с. 228–238].

Данные права гарантируют возможность активного участия потерпевшего в доказывании и в принятии законных и обоснованных процессуальных решений при производстве дознания, поскольку в соответствии со ст. 124 и 125 УПК РФ зафиксированные в данных процессуальных документах решения могут быть потерпевшим обжалованы.

В случае отсутствия потерпевшего копии данных документов подлежат вручению его представителю, законному представителю, а при последующем появлении потерпевшего и ему самому.

13. Приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя. В соответствии с положениями ст. 124 и ст. 125 УПК РФ субъектами рассмотрения данных жалоб являются прокурор и суд [5, с. 20–21].

Вместе с тем в ходе производства дознания жалоба на действия дознавателя может быть подана начальнику органа дознания и начальнику подразделения дознания. Отсутствие потерпевшего не является основанием для нерассмотрения поданных в процессе дознания жалоб.

15. Знать о принесенных по уголовному делу жалобах и представлениях и подавать на них возражения.

16. Ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

17. Осуществлять иные полномочия, предусмотренные УПК РФ. Перечисление прав потерпевшего в ст. 42 УПК РФ не делает их перечень закрытым и не умаляет права потерпевшего, предусмотренные другими нормами права.

Потерпевшему должно быть разъяснено право на подачу гражданского иска. В отсутствие потерпевшего дознаватель не может принять решение о признании лица гражданским истцом, ибо для этого необходима подача гражданского иска, т. е. непосредственное волеизъявление самого потерпевшего. Исключения составляют случаи, когда потерпевший является несовершеннолетним. В данном случае гражданским истцом должен быть признан сам отсутствующий несовершеннолетний потерпевший, а гражданский иск вправе подать его законный представитель.

Обязанности, входящие в уголовно-процессуальный статус потерпевшего, регламентированы ч. 5 ст. 42 УПК РФ, согласно которой потерпевший не вправе:

1) уклоняться от явки по вызову дознавателя (данная обязанность потерпевшего не лишает его возможности не явиться по вызову по уважительным причинам при предварительном уведомлении дознавателя о предстоящей неявке);

2) давать заведомо ложные показания или отказываться от дачи показаний (данная обязанность обусловлена наличием уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ);

3) разглашать данные предварительного расследования, если потерпевший был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК (указанная обязанность обусловлена наличием уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ).

Уголовно-процессуальная ответственность как элемент уголовно-процессуального статуса предполагает возможность привода потерпев-

шего по вызову дознавателя в случае его отсутствия без уважительных причин, а также наложение на него денежного взыскания в случае невыполнения им уголовно-процессуальных обязанностей (ст. 111, 113, 117 и 118 УПК РФ).

Несмотря на то что в соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевший приобретает предусмотренные уголовно-процессуальным законом права и обязанности с момента вынесения дознавателем постановления о признании его потерпевшим, следует иметь в виду, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им.

Таким образом, сформированным, но процессуально не оформленным статус потерпевшего может быть и в стадии возбуждения уголовного дела.

Поскольку статус потерпевшего не формируется постановлением дознавателя, для обеспечения прав лиц, фактически находящихся в положении потерпевших, но не признанных таковыми на основании постановления дознавателя, при производстве дознания должны быть созданы условия для реализации их прав и законных интересов.

Из приведенных выше положений следует и то, что условия для реализации прав потерпевшего должны быть созданы при производстве дознания вне зависимости от его участия.

Учитывая, что при производстве дознания процессуальные решения конечной целью должны иметь достижение назначения уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), их содержание не должно ограничивать права и законные интересы потерпевших.

В ситуациях, когда потерпевший при производстве дознания по каким-либо причинам отсутствует, процессуальные решения, принимаемые дознавателем, также должны учитывать необходимость обеспечения прав и законных интересов потерпевшего.

При этом реализация уголовно-процессуального статуса потерпевшего в случае его отсутствия не может быть осуществлена в полной мере ввиду отсутствия возможности реализовать права, неотъемлемые от личности потерпевшего. Данное положение обусловлено сложившейся по уголовному делу ситуацией и никак не нарушает действующий УПК РФ.

Как показывает анализ правоприменительной практики, анализируемая ситуация очень похожа на ситуации, когда потерпевший по уголовному делу занимает пассивную позицию. В обеих ситуациях дознаватель вынужден в процессе производства по уголовному делу без инициативы потерпевшего формировать доказательственную базу, обеспечивать права и законные интересы потерпевшего посредством объективного установления причинной связи между причиненным потерпевшему вредом и совершенным преступлением, характера и размера

причиненного вреда, других обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ).

При этом следует учитывать, что большинство прав потерпевшего зависят от его волеизъявления, вследствие чего в его отсутствие реализованы быть не могут.

Вместе с тем в указанных ситуациях дознаватель безусловно обязан принимать меры к обеспечению прав и законных интересов отсутствующих потерпевших. Совокупность указанных мер в данном случае будет отличной от мер, принимаемых дознавателем для обеспечения прав и законных интересов потерпевшего, который непосредственно участвует в ходе дознания.

Предпринимаемые дознавателем меры должны быть направлены на создание условий беспрепятственной реализации прав потерпевшего в случае его появления как на любом из этапов дознания, так и в ходе судебных стадий уголовного процесса.

Список литературы

1. *Воскобойник И. О.* Институт представительства в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Калининград, 2007.

2. *Воскобойник И. О.* Институт представительства в уголовно-процессуальном праве России: моногр. — Калининград, 2009.

3. *Гайдышева М. Г., Воскобойник И. О.* Некоторые аспекты назначения и производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела // Вестн. Калининградск. фил. СПб ун-та МВД России. — 2014. — № 1 (35). — С. 91–93.

4. *Воскобойник И. О.* Проблемы реализации отдельных принципов уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела // Сб. ст. по мат. междунар. научн.-практ. конф., посв. 100-летию со дня рожд. проф. Н. С. Алексеева. — СПб., 2015. — С. 228–238.

5. *Воскобойник И. О., Кузнецова О. Д.* Проблемы и перспективы судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ // Российский судья. — 2016. — № 8. — С. 20–21.

Баталин Александр Владимирович,
кандидат юридических наук,
Северный институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
декан юридического факультета,
Россия, г. Петрозаводск,
batalin_av@mail.ru

Меланьина Карина Руслановна,
юрист,
Россия, г. Петрозаводск,
batalin_av@mail.ru

Некоторые вопросы установления административной ответственности при реализации права на охрану жизни и здоровья людей в Российской Федерации

В Уставе Всемирной организации здравоохранения дается понятие здоровья, которое характеризуется как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только как отсутствие болезней и каких-либо физических дефектов. В ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.) также говорится о праве на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Охрана здоровья населения — это комплекс мер (экономических, правовых, социальных, научных, санитарно-эпидемиологических и др.), которые направлены на поддержку и укрепление здоровья каждого человека в целях его активной долголетней жизни и предоставление ему медицинской помощи в случае утраты здоровья.

В России право на охрану здоровья закреплено в ст. 41 Конституции РФ, где провозглашается право на охрану здоровья и медицинскую помощь; определяется финансирование федеральных программ охраны и укрепления здоровья населения; декларируется поощрение деятельности, способствующей укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию.

Кроме того, ч. 3 ст. 41 Конституции РФ определяет ответственность за сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, в соответствии с федеральным законом.

Наличие этой конституционной нормы обеспечивает гражданам России свободу доступа к информации, защиту от умышленного утаивания информации, от распространения заведомо недостоверных или ложных сведений не только природного, но и техногенного характера, от каких-либо вооруженных конфликтов, мятежей и т. д.

Одним из главных гарантов прав и свобод человека и гражданина является юридическая ответственность. Обязанность, которую берет на себя государство, заключается в защите граждан и других субъектов общественных отношений от противоправных деяний, посягающих на защищаемые правом ценности.

Согласно ст. 2 Конституции РФ, права и свободы человека, равно как и сам человек — это высшая ценность. Обязанность государства соблюдать и защищать эти права и свободы. Из этого следует, что государство имеет право настаивать на надлежащем исполнении правовых предписаний субъектами права, а они, в свою очередь, обязаны следовать этим правовым предписаниям. Из этого делаем вывод о возможности и необходимости государственного принуждения, одна из форм которого — юридическая ответственность. В данном случае исходим из понимания юридической ответственности как обязанности лица, которое совершило правонарушение, претерпевать меры государственно-правового принуждения, выражающиеся в ограничениях личного, организационного или имущественного характера.

Тем не менее современное состояние охранительных по отношению к основополагающим положениям Конституции РФ норм не позволяет говорить о полноценной реализации права на охрану жизни и здоровья граждан в РФ.

В частности, анализ норм уголовной и административной ответственности позволяет сделать ряд выводов.

В Уголовном кодексе РФ (УК РФ) ответственность за нарушение положений ст. 41 Конституции РФ существует. Это ст. 237 УК РФ «Скрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей». Уголовный кодекс совершенно справедливо устанавливает ответственность за противоправные деяния, создающие опасность для общественных отношений.

В то же время некоторую ясность необходимо внести при установлении административной ответственности.

Анализ всех статей, которые касаются ответственности за административные правонарушения, посягающие на здоровье населения, в Кодексе об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ), свидетельствует об отсутствии в КоАП РФ статьи, отвечающей положениям ст. 41 Конституции РФ. Соответственно, ответственность за такие правонарушения отсутствует.

Считаем, что в КоАП РФ следует добавить соответствующую статью в гл. 6 «Административные правонарушения, посягающие на

здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность», которую следует назвать «Соккрытие обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, а также для охраны здоровья граждан, если указанные деяния не влекут уголовную ответственность» и которая будет четко отражать именно ответственность за сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей [1].

Учитывая, что в соответствии со ст. 72 Конституции РФ координация сферы здравоохранения, которая включает в себя формирование общей концепции и стратегии развития здравоохранения, медицинской, фармацевтической и других видов деятельности, связанных с гарантированием права на охрану здоровья и медицинскую помощь, обеспечением безопасности населения, установлением нормативов и запретов, санитарных и иных норм, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия, организацию и проведение профилактики, диагностирование и лечение заболеваний, отнесена к совместному ведению Федерации и ее субъектов, необходимо закрепить ответственность за нарушение положений, которые включает в себя координация здравоохранения, в законах субъектов РФ, устанавливающих административную ответственность, и сформулировать ч. 3 ст. 41 Конституции РФ следующим образом:

3. Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, а также для охраны здоровья граждан, влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» дано определение охраны здоровья граждан (которую необходимо рассматривать, как синоним слова «здравоохранение»): это «система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемиологического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи». В ст. 16 указанного закона определены полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере охраны здоровья.

Установление ответственности за неисполнение обязанностей, а не за нарушение конкретных требований соответствия оказываемой медицинской помощи критериям оценки качества медицинской помощи размывает границы объективной стороны правонарушения, что может

повлечь за собой возможность для правоприменителя применения необоснованно широких пределов усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, что в дальнейшем будет являться предметом антикоррупционной экспертизы.

Список литературы

1. Административная ответственность: учеб. пособие. — Оренбург: Оренбургск. ин-т (филиал) Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2018. — 134 с.

Бельская Екатерина Игоревна,

кандидат юридических наук,

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
старший преподаватель кафедры международного права,

Россия, г. Москва,

ekaterina_belskaia@icloud.com

**Соглашение НАФТА и соглашение
между США, Мексикой и Канадой от 30 ноября 2018 года:
сравнительный анализ**

Североамериканское соглашение о свободной торговле (далее: НАФТА), подписанное между Соединенными Штатами Америки, Мексикой и Канадой 17 декабря 1992 г., оказало конструктивное влияние на экономические взаимосвязи государств-участников. Действие этого договора было направлено преимущественно на либерализацию отношений между США и Мексикой, а также между Мексикой и Канадой, поскольку взаимоотношения между Канадой и США были урегулированы двусторонним соглашением о создании зоны свободной торговли еще в 1988 г.

По своей структуре соглашение НАФТА состоит из 22 глав, 2206 статей и 7 приложений. Соглашением урегулированы вопросы предоставления наибольшего благоприятствования, вопросы защиты инвестиций, проблемы трудовой миграции и разрешения споров. Его основные преимущества для участников связаны прежде всего с обеспечением динамичного роста взаимной торговли, с привлечением инвестиций, содействием росту промышленного производства и занятости [1, с. 1]. Соглашение представляется крайне продуманным с точки зрения всех прав и обязанностей сторон и выгодно отличается от большинства соглашений о свободной торговле, где объем прав и обязанностей сторон не столь обширен. Соглашение не предусматривает создания каких-либо наднациональных органов. Отличительной особенностью НАФТА являлся механизм разрешения споров, состоящий из трех различных процедур для различных категорий споров, который не встречается на таком уровне ни в одном соглашении о создании зоны свободной торговли.

30 ноября 2018 г. между США, Мексикой и Канадой было заключено соглашение (далее: СШМК), которое в некоторых аспектах пересматривает и модернизирует НАФТА. Вновь подписанное соглашение вобрало в себя многие положения НАФТА и добавило к ним некоторые ранее не обозначенные положения. Частью данного соглашения

является протокол, которым предусмотрено замещение соглашения НАФТА соглашением СШМК после вступления последнего в силу. Важно отметить, что СШМК подписано, но еще не ратифицировано ни одним из государств-участников. Ключевыми особенностями нового соглашения являются:

— сохранение общего механизма разрешения споров между государствами-участниками в рамках гл. XX НАФТА;

— сохранение механизма разрешения антидемпинговых споров в рамках гл. XIX НАФТА;

— ликвидация механизма разрешения инвестиционных споров между Канадой и США и сохранение его действия в отношениях между США и Мексикой. Данный механизм позволял частным корпорациям принимать меры правового характера против иностранных правительств, если корпорация считала, что политика иностранного правительства нарушает ее права заниматься торговлей в этой стране в соответствии с условиями НАФТА. Ликвидация этого механизма считается более выгодной для Канады, чем для США, поскольку правительству Соединенных Штатов никогда не приходилось возмещать ущерб иностранным корпорациям на протяжении всей истории НАФТА [3, с. 1070].

Вновь подписанное соглашение вносит ряд изменений в ключевые сферы сотрудничества трех стран — участниц НАФТА.

1. Правила происхождения автомобилей и автозапчастей:

— в соответствии с положениями соглашения СШМК общая доля транспортных средств североамериканского происхождения на рынке стран — участниц соглашения должна составлять как минимум 75% (в НАФТА эта цифра составляла 62,5%);

— 70% всей стали, алюминия и стекла, используемых при производстве автомобилей, должны происходить из Северной Америки (75%, 65% и 60% соответственно);

— 40% легковых автомобилей и 45% легковых грузовиков должны быть произведены с использованием средней заработной платы в размере 16 долл. в час;

— установлены квоты на общую сумму 2,6 млн долл. относительно канадских и мексиканских автомобилей на рынке стран — членов СШМК, а также квоты в размере 32,4 млрд долл. на импорт канадских автозапчастей и 108 млрд долл. на импорт мексиканских автозапчастей.

Вопрос о том, как и где производятся транспортные средства и их части в рамках НАФТА, был ключевым предметом разногласий и во многом послужил толчком к пересмотру соглашения [4]. Нынешняя администрация США считает, что НАФТА предоставило американским автопроизводителям возможность перенести свое производство в Мексику, где рабочая сила намного дешевле, чем в США, более льготные условия налогообложения и уровень требований к охране труда значи-

тельно ниже, и тем самым удешевить производство, не снижая цен на конечную продукцию.

Предложенная в СШМК система предназначена для преодоления разрыва между ставками на оплату труда во всех трех государствах-участниках и обеспечения более однородных условий труда и производства в автомобильном секторе. В то же время новая система не оказывает негативного влияния на сложные цепочки поставок автопроизводителями автозапчастей, комплектующих и автомобилей поставщикам и ритейлерам.

2. Доступ на молочный рынок:

— новое соглашение снимает ряд ограничений на ввоз американского ультрапастеризованного молока в Канаду;

— американские производители получают доступ к дополнительным 3,6% молочного рынка Канады;

— сохраняется канадская система управления поставками молочной продукции, которая устанавливает ограничения на импорт.

Спор о тарифном регулировании рынка молочных продуктов был одним из ключевых на более поздних этапах переговоров по заключению СШМК. Дело в том, что в конце 2017 г. Канада ввела ограничения на импорт ультрапастеризованного молока из США, что негативно повлияло на производство молочных продуктов в США [2]. Администрация США настаивала на снятии Канадой этих ограничений, а также на отмене тарифов на импорт американской молочной продукции, объем которой превышает устанавливаемые Канадой квоты на импорт. Эти тарифы составляют около 300% от экспортной стоимости молочной продукции. В рамках переговоров о Транстихоокеанском партнерстве (далее: ТТП) Канада уже уступила 3,25% своего молочного рынка Соединенным Штатам. Однако США вышли из ТТП до ратификации соглашения и, соответственно, не получили доступа на Канадские рынки на этих условиях. В рамках СШМК Канада согласилась предоставить производителям США доступ к 3,6% своего молочного сектора при условии сохранения своей системы управления молочными поставками.

3. Вопросы интеллектуальной собственности:

— действие патентов фармацевтических компаний на биопрепараты ограничено 10-летним сроком;

— срок действия авторских прав продлен с 50 до 70 лет после смерти автора.

Возможно, наиболее остро оспариваемый вопрос относительно интеллектуальной собственности в рамках НАФТА был связан с продолжительностью срока действия патентов фармацевтических компаний на биологические препараты. Соединенные Штаты в настоящее время предусматривают 12-летний срок, в то время как канадская система — только 8-летний. Стороны договорились о 10-летнем сроке в качестве компромисса, который превышает восьмилетний срок, согласованный

Канадой в рамках переговоров о ТПП. В результате создание и выход на рынок препаратов-дженериков как более дешевой альтернативы оригинальным фирменным продуктам будет отложено в Канаде на 2 года.

4. Оговорка «о закате»:

— условия СШМК будут оставаться в силе 16 лет, в течение которых стороны могут пересмотреть и/или изменить эти условия или полностью выйти из соглашения.

Однако по прошествии шести лет срок «заката» СШМК (16 лет) может быть пересмотрен и потенциально продлен, если стороны сочтут это необходимым.

В октябре 2017 г. Соединенные Штаты потребовали включения в СШМК пункта о «закате», который позволил бы сторонам пересматривать соглашение и выходить из него каждые пять лет. Это предложение было подвергнуто резкой критике канадской и мексиканской делегациями, а также представителями промышленности США, отметившими, что им требуется гораздо более длительный срок, чтобы увидеть отдачу от инвестиций в Канаде и Мексике. Предположительно, такая оговорка будет сильно препятствовать прямым иностранным инвестициям во всех трех странах, резко сокращая преимущества НАФТА и делая североамериканские компании гораздо менее конкурентоспособными на международном уровне. США уступили и согласились на более щедрый 16-летний срок «заката» с возможностью дальнейшего его продления по прошествии шести лет.

5. Раздел 232 о тарифах:

— в процессе подготовки текста СШМК по вопросам тарифных мер стороны заключили ряд дополнительных соглашений, которые содержали взаимные намерения сторон в отношении тарифов на сталь и алюминий, а также канадских и мексиканских контрмер и впоследствии вошли в приложение к основному тексту соглашения.

В соответствии с одним из таких дополнительных соглашений Канаде и Мексике перед введением тарифов на автомобили предоставляется период консультаций.

В марте 2018 г. Соединенные Штаты ввели пошлины в размере 25% на импортируемую сталь и 10% на импортируемый алюминий, предоставив льготы ряду ключевых торговых партнеров, включая Канаду и Мексику. С 1 июня 2018 г. эти льготы были сняты и в отношении канадских и мексиканских стали и алюминия введены тарифные ставки. Эти тарифы были введены в соответствии с разд. 232 закона о расширении торговли 1962 г., который позволяет президенту США вводить повышенные тарифные ставки по соображениям национальной безопасности, в том числе в случае угрозы приоритетным отраслям промышленности. Обе страны ответили контрмерами, коснувшимися американских стали и алюминия, а также потребительских товаров.

Таким образом, соглашение СШМК существенно не меняет налаженную структуру взаимодействия стран-участниц, заложенную в рамках НАФТА, но вносит в соглашение практически значимые коррективы и совершенствует его в нужных направлениях сотрудничества, в частности решает часть вопросов о тарифных ставках и ответных мерах, вопросы интеллектуальной собственности и сроков пересмотра положений вновь заключенного соглашения. Также частично был модернизирован весьма сложный механизм разрешения споров, содержащийся в НАФТА. Данное соглашение призвано усовершенствовать торговые отношения между странами-участницами, однако пока не ратифицировано. Ратификации данного соглашения мешают несколько факторов. Пожалуй, большинство из них связаны с политикой нынешней администрации США, в частности в отношении Мексики. Однако есть все основания полагать, что в будущем данное соглашение, ставшее результатом кропотливого труда и длительного переговорного процесса, будет ратифицировано странами-участницами и вступит в силу, ибо в нем отражена сбалансированная позиция по некогда проблемным вопросам торговых отношений всех трех стран.

Список литературы

1. *Костюнина Г. М.* Североамериканская интеграция: 20 лет спустя // Вестн. МГИМО. — 2015. — № 2 (41). — <https://cyberleninka.ru/article/n/severoamerikanskaya-integratsiya-20-let-spustya> (дата обращения: 19.09.2019).
2. *Charles D.* How Canadian Dairy Farmers Escape The Global Milk Glut // NPR. — 2017. — May 3. — <https://www.npr.org/sections/thesalt/2017/05/03/526613411/how-canadian-dairy-farmers-escape-the-global-milk-glut>.
3. *Gantz David A.* Dispute Settlement under the NAFTA and the WTO: Choice of Forum Opportunities and Risks for the NAFTA Parties // American University International Law Review. — 1999. — Vol. 14, no. 4. — P. 1025–1106. — <https://digitalcommons.wcl.american.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1328&context=auilr> (дата обращения: 18.09.2019).
4. *Ikenson D.* To Save NAFTA, Kill Its Controversial Dispute Settlement Provisions // Forbes. — 2017. — Oct. 24. — <https://www.forbes.com/sites/danikenson/2017/10/24/to-save-nafta-kill-its-controversial-dispute-settlement-provisions/#35cfac4c3168>.

Алексенко Александра Александровна,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
младший научный сотрудник отдела научных исследований,
Россия, г. Санкт-Петербург,
science_szfrpa@mail.ru

Москалева Ксения Алексеевна,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
младший научный сотрудник отдела научных исследований,
Россия, г. Санкт-Петербург,
science_szfrpa@mail.ru

Трофимова Наталья Павловна,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
старший научный сотрудник отдела научных исследований,
Россия, г. Санкт-Петербург,
diterihs@mail.ru

Штыкова Наталья Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
начальник отдела научных исследований,
Россия, г. Санкт-Петербург,
science_szfrpa@mail.ru

Значение заключений экспертов при рассмотрении уголовных дел главы 25 УК РФ

Российское законодательство и доктрина права до настоящего времени не сформировали понятие «порнография», несмотря на то что и ученые и эксперты предлагают определенные критерии отнесения того или иного объекта к порнографическому. Тем не менее эта проблема

весьма значима для уголовного права. Известно, что гл. 25 УК РФ содержит перечень преступлений, связанных с этим понятием (вовлечение в занятия проституцией (ст. 240 УК РФ); организация занятия проституцией (ст. 241 УК РФ); незаконное распространение порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ); изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическим изображением несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ); использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242.2 УК РФ)).

В федеральном законе № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» указано, что информация порнографического характера — это информация, представляемая в виде натуралистического изображения или описания половых органов человека и (или) полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного.

Основное назначение права как социального регулятора наряду с моралью состоит в обозначении (определении) поведения, отклоняющегося от принятых норм, а уже затем в случае необходимости в исправлении и применении мер принуждения. В сфере рассматриваемых сексуальных отношений это противопоставление раскрывается через разграничение разрешенного и запрещенного — эротики и порнографии.

Частные сексуальные отношения между взрослыми людьми по взаимному согласию охватываются правом на уважение частной жизни, которое гарантировано ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Доказательственное значение при рассмотрении уголовных дел, касающихся совершения преступлений сексуального характера, для участников процесса имеют экспертные оценки специалистов-искусствоведов. Они, как правило, обозначают отличия порнографии от эротики: порнография фиксирует внимание потребителя на гениталиях, манипуляциях с гениталиями, половом акте и технике его проведения; изображение полового акта является самоцелью, следование которой убирает из сексуальной жизни другие компоненты сексуального поведения; не содержит выражения личностного смысла сексуального поведения; ориентирована только лишь на стимуляцию сексуального возбуждения; изображает дегуманизированные социально или морально осуждаемые формы половых контактов (гомосексуализм, групповой секс, половые контакты с животными и т. д.); вне художественной задачи содержит демонстрацию сексуальных сцен с детализированными грубо натуралистичными, циничными, непристойными деталями; допускает использование крупного плана, прямых ракурсов съемки при показе сцен полового акта [1, с. 269].

В настоящее время ученые выделяют три основных признака определения объекта как порнографического:

— направлен на возбуждение похоти (грубого, чувственного полового влечения);

— в явно циничной форме изображает половое поведение человека;

— не имеет существенной литературной, художественной или научной ценности [2, с. 417].

В целом с данными признаками стоит согласиться, однако целесообразно обратить внимание на обусловленность этого понятия не только общим культурным уровнем развития общества, но и экспертным мнением искусствоведов. При рассмотрении уголовного дела судья не только проверяет, но и оценивает заключения экспертов как доказательства с точки зрения относимости, допустимости, достоверности. Во многом от этой оценки зависит решение вопроса об отнесении того или иного явления к порнографическому, а следовательно, и квалификация деяния как преступного в соответствии с объективной стороной.

Список литературы

1. *Шмыков Д. В.* К юридическому определению порнографии // Вестн. Пермск. ун-та. — 2013. — № 2. — С. 268–272.

2. *Парфенова А. В.* Законодательное закрепление в зарубежных странах преступления международного характера «порнография» // Инновационные процессы в современной науке: мат. междунар. (заочной) научн.-практ. конф. / под общей ред. А. И. Вострецова. — 2017. — С. 409–420. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29167640> (дата обращения: 23.02.2019).

Ежова Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент,
Институт права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Россия, г. Уфа,
yezhovae.rb@mail.ru

Терегулова Алсу Илдусовна,

Институт права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,
соискатель кафедры уголовного права и процесса,
Россия, г. Уфа,
augustish@yandex.ru

К вопросу о рационализации стадии предварительного расследования в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых

Сегодня идея рационализации уголовного процесса весьма актуальна. Как верно отмечает Н. Кристи, «правовая система перестраивается, приравнивается к современному индустриальному обществу, основные ценности которого — прояснение целей, контроль над производством, снижение стоимости товара, рациональное распределение труда при координации всех действий на высшем руководящем уровне» [3, с. 160].

По справедливому замечанию Н. С. Мановой, «по-прежнему существует настоятельная необходимость поиска таких процессуальных форм, которые бы создавали оптимальный баланс между потребностью в процессуальной экономии, обеспечением полноты и объективности доказывания и гарантированностью прав участников процесса» [4, с. 4].

С точки зрения Н. Г. Стойко, согласно модели «бюрократической» эффективности, «уголовная юстиция должна базироваться на расчете (калькуляции) и рациональности (...) правовая система должна быть изолирована от непосредственных ежедневных политических конфликтов и воплощена «в виде содержательных и процессуальных норм», обслуживающих и правительство, и управляемого» [8, с. 79].

Еще И. Я. Фойницкий писал, что уголовный процесс «как институт практической жизни (...) должен сообразоваться с наличными средствами государства, и при построении его весьма важно соблюдать экономию времени, личных сил и денежных затрат» [12, с. 153].

С целью наиболее полного понимания исследуемого вопроса следует раскрыть понятие «рационализация уголовного процесса».

Согласно Толковому словарю русского языка, «рационализация (*rationalis* (*лат.*) — разумный) — организация какой-нибудь деятельности наиболее целесообразными, рациональными способами; усовершенствование, улучшение» [11, с. 800].

По мнению М. С. Строговича, рационализировать уголовный процесс значит усовершенствовать порядок прохождения и разрешения дел [9, с. 17].

Как отмечает С. П. Сереброва, рационализация уголовного судопроизводства — это преобразование процедур уголовного судопроизводства в целях увеличения пропускной способности системы уголовной юстиции [7, с. 21].

О. В. Полстовалов считает, что «чем быстрее, эффективнее и результативнее уголовное судопроизводство с необходимым набором процедур без никчемных дополнительных и не обозначенных ни требованиями международных стандартов, ни конституционными положениями обременений, тем оно дешевле. Экономические бонусы для государства здесь внешне кажутся очевидными» [6, с. 128].

Также представляется важным в контексте обозначенной темы применительно к понятию «рационализация уголовного процесса» рассмотреть определение таких понятий, как «оптимизация уголовного судопроизводства» и «идея процессуальной экономии». Отметим, что в научной литературе данные понятия в силу их близости часто используются практически в одном и том же значении. Однако их следует различать.

Ю. В. Деришев отмечает, что оптимизация досудебного производства это «приведение его системы в оптимальное (всеобщевыгодное) состояние, с рациональными и ресурсосберегающими процедурами, позволяющими наряду с решением задач судопроизводства всемерно и неукоснительно обеспечивать гарантии прав и интересов всех субъектов, вовлекаемых в уголовный процесс» [2, с. 9].

К. В. Муравьев под оптимизацией уголовного процесса понимает «осуществляемый государством при учете единства законодательства уголовно-правового блока и национальных традиций комплекс правовых и организационных мер, направленных на повышение эффективности и рациональности деятельности уполномоченных государственных органов и должностных лиц по применению норм УК» [5, с. 12].

Исходя из изложенного, приходим к выводу, что понятия «рационализация» и «оптимизация», несмотря на тесную связь между ними, не тождественны. Оптимизация досудебного производства — это выбор наилучших процессуальных средств и способов осуществления деятельности органов правопорядка, направленных на достижение на-

значения уголовного судопроизводства с минимально возможными затратами и в конечном счете на его рационализацию.

Понятие «процессуальная экономия» неразрывно связано с рационализацией уголовного процесса. В.Т. Томин определяет идею процессуальной экономии как «достижение поставленной законодателем цели уголовного процесса в пределах выделенных государством сил и средств и без превышения установленных законом сроков» [10, с. 81].

С точки зрения К. Ю. Хатмуллина, «принцип процессуальной экономии заключается в требовании, обращенном к деятельности государственных органов и должностных лиц, расследующих и разрешающих уголовные дела, качественно, в соответствии с требованиями закона устанавливать обстоятельства уголовного дела, указанные в ст. 73 УПК РФ, посредством рационального и эффективного использования процессуальных средств в условиях соблюдения прав участников уголовного судопроизводства при соблюдении требований закона о соблюдении процессуальных сроков» [13, с. 201].

Определение соотношения рассматриваемых понятий позволяет предположить, что идея процессуальной экономии является одним из способов рационализации уголовного судопроизводства. Вместе с тем при рационализации уголовного процесса применима лишь разумная процессуальная экономия, гарантирующая соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Отметим, что некоторые ученые выступают против рационализации уголовного процесса, уравнивая ее с упрощенчеством и, следовательно, с возможностью нарушения прав участников судопроизводства [1, с. 35]. Такая позиция является спорной. Суть рационализации уголовного процесса — совершенствование процедур уголовного судопроизводства. На практике возможна реализация указанной идеи без ущерба основным принципам уголовного судопроизводства. Рационализация это не просто упрощенчество. Она предполагает установление такого порядка уголовного судопроизводства, при котором возможно в максимальной степени учесть как публичные, так и частные интересы. Поэтому упрощение процедуры производства по уголовному делу должно одновременно сопровождаться закреплением дополнительных гарантий защиты прав лиц, особенно подозреваемых, обвиняемых и потерпевших. Рационализация уголовного судопроизводства должна быть направлена также на достижение социальной справедливости. Иными словами, первостепенное внимание должно быть уделено не только обеспечению прав и законных интересов подозреваемых или обвиняемых, но и восстановлению социальной справедливости, в частности прав потерпевшего.

Способами рационализации уголовного процесса являются удешевление его стоимости, сокращение процессуальных сроков, упрощение уголовного процесса, применение компромиссных способов

разрешения уголовно-правовых конфликтов, внедрение в уголовное судопроизводство рекомендаций по научной организации труда и управления и др.

В настоящее время рационализация уголовного процесса в УПК РФ реализована в следующих институтах: дознания; дознания, проводимого в сокращенной форме; прекращения дел по нереабилитирующим основаниям; частного обвинения; мировой юстиции; особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением; досудебного соглашения о сотрудничестве.

При производстве предварительного расследования в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых концепция рационализации приобретает особую значимость. Ее необходимость диктуется тем, что, с одной стороны, общепризнанные принципы и нормы международного права предусматривают оптимизацию порядка уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних (например, ускорение производства), с другой — в силу физической и психической незрелости подростки нуждаются в повышенной правовой охране.

Относительно недавно в УПК РФ был закреплен принцип разумного срока уголовного судопроизводства. Он был введен федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ с целью приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с нормами международного права, в частности со ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которой «каждый при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» также подчеркивается важность «обеспечения в разумные сроки качественного рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних».

Между тем не стоит забывать и о том, что безнаказанность может повлечь совершение подростком более тяжких преступлений, поэтому последствия в виде привлечения к уголовной ответственности должны быть соразмерны уголовно наказуемому деянию. Также при рационализации досудебного производства в отношении несовершеннолетних необходимо учитывать интересы потерпевших. Поэтому, например, применение примирительных процедур должно сопровождаться заглаживанием подростком причиненного им ущерба потерпевшему, что окажет и воспитательное воздействие на несовершеннолетнего правонарушителя.

Таким образом, рационализация стадии предварительного расследования в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых представляет собой приведение производства по уголовным

делам в отношении несовершеннолетних в оптимальное состояние путем совершенствования средств и методов осуществления предварительного расследования с целью обеспечения их прав и законных интересов, а также восстановления социальной справедливости, в том числе прав потерпевшего.

Основными направлениями рационализации стадии предварительного расследования в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых являются:

— совершенствование некоторых процессуальных гарантий обеспечения их прав и законных интересов (проведение полноценного исследования личности несовершеннолетнего на стадии предварительного расследования, в том числе с использованием помощи социальных работников; специализация органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних, а также лиц, вовлеченных в него; усиление роли законного представителя несовершеннолетнего лица, привлекаемого к уголовной ответственности);

— ускорение стадии предварительного расследования (упрощение формы предварительного расследования в отношении несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых; расширение использования отдельных электронных сервисов в досудебном производстве);

— рационализация применения мер уголовно-процессуального принуждения (ограничение до шести месяцев максимального срока содержания под стражей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и др.);

— рационализация производства отдельных следственных действий с участием несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых (например, обязательная видеофиксация допроса и иных следственных действий, производимых с их участием);

— рационализация окончания предварительного расследования (возможность введения в УПК РФ такой внесудебной меры, как отказ от уголовного преследования несовершеннолетнего в случае совершения им впервые преступления небольшой тяжести с возможностью вынесения официального предупреждения следователем, дознавателем).

Список литературы

1. *Бойков А. Д.* Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. — 2002. — № 3. — С. 63–69.

2. *Деришев Ю. В.* Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Омск, 1999. — 25 с.

3. *Кристи Н.* Борьба с преступностью как индустрия: Вперед, к Гулагу западного образца. — 2-е изд. — М., 2001. — 214 с.

4. *Манова Н. С.* Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциации их форм : автореф. дис. <...> д-ра юр. наук. — Саратов, 2005. — С. 4.

5. *Муравьев К. В.* Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. <...> д-ра юр. наук. — Омск, 2018. — 505 с.

6. *Полстовалов О. В.* Первоначальная природа реальности уголовного правосудия как она есть // Правовое государство: теория и практика. — 2016. — № 3 (45). — С. 123–130.

7. *Сереброва С. П.* Проблемы рационализации досудебного производства: автореф. дис. <...> канд. юр. наук. — Н. Новгород, 1995. — 30 с.

8. *Стойко Н. Г.* Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. — СПб., 2006. — 272 с.

9. *Строгович М. С.* Избранные труды: в 3 т. — М., 1992. — Т. 2: Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве / отв. ред. В. М. Савицкий. — 277 с.

10. *Томин В. Т.* Эффективное уголовное судопроизводство: управленческие, социальные и правовые аспекты. — М., 2015. — 115 с.

11. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. — М., 2005. — С. 800.

12. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства / общая ред., послесл., прим. А. В. Смирнова. — СПб., 1996. — Т. 1. — 552 с.

13. *Хатмуллин К. Ю.* Принцип процессуальной экономии и право-временные средства его обеспечения // Вестник ОмГУ. — 2014. — № 3 (40). — С. 196–201.

Волкова Мария Александровна,
кандидат исторических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Россия, г. Москва,
volkovama@rgsu.net

Ситдикова Любовь Борисовна,
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»,
заведующий кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Россия, г. Москва,
sitdikovalb@rgsu.net

Характеристика отдельных способов защиты авторских прав в сети «Интернет»

Под защитой авторских прав в литературе понимают совокупность мер, направленных на признание и восстановление авторских и смежных прав, а также на защиту их обладателей при оспаривании [3, с. 64]. Основные проблемы, возникающие в связи с защитой авторского права в Интернете, связаны со свойствами Интернета, такими как глобальность, экстерриториальность, общедоступность, интерактивность, анонимность.

В настоящее время в сети «Интернет» можно выделить основную и наиболее масштабную категорию правонарушений в сфере авторских прав: «пиратство». «Пираты» — это лица, которые производят контрафактную продукцию, получают доход от ее реализации и при этом не несут никаких расходов, связанных с созданием объектов интеллектуальной собственности. В результате создаются препятствия для творческой деятельности авторов.

Согласно статистике многих международных организаций, пиратство в России не превышает среднеевропейский уровень, и уже много лет подряд Российскую Федерацию указывают в числе стран, наиболее успешно борющихся с пиратством [2, с. 31].

В условиях информационного общества возрастает экономическое значение результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации: если они не будут должным образом защищены на государственном уровне, то экономика страны окажется неконкурентоспособной, что, несомненно, отрицательно скажется на развитии нашего государства. При этом возможность получения больших доходов от

неконтролируемого использования результатов интеллектуальной деятельности приводит к увеличению числа нарушений в этой сфере. Такое положение требует особых способов охраны интеллектуальных прав [2, с. 32].

Весь пул общественных отношений, обращающихся в сети, можно условно разделить на несколько групп.

Во-первых, это отношения, возникающие при реализации договоров на предоставление услуг связи, заключаемых между абонентом и Интернет-провайдером — организацией, предоставляющей услуги доступа к сети «Интернет» и иные связанные с Интернетом услуги.

Во-вторых, это общественные отношения, связанные с реализацией публичных прав: права собственности, авторских, патентных прав и иных смежных прав.

В-третьих, это закрепленное ст. 29 Конституции РФ право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию.

В-четвертых, это международно-правовые отношения в области трансграничной передачи данных, взаимодействия международных организаций и национальных общественных организаций по финансированию и техническому оснащению сети.

Способы защиты и охраны авторских прав в сети «Интернет» условно можно разделить на несколько групп.

К первой из них относится техническая защита (самозащита). Она позволяет предотвратить нарушения авторского права в Интернете с использованием технологических и технических устройств.

Поскольку проблема защиты авторства весьма актуальна, анализ законодательства и обычаев делового оборота в области авторского правоприменения позволяет выделить ряд способов технической защиты авторских прав.

- Уведомление пользователей сети «Интернет» об авторских правах на результат интеллектуальной деятельности (например, знак «copyright» (©)). Это является наиболее традиционным, но в то же время самым низкоэффективным способом защиты, ибо выполняет исключительно информационную функцию.

- Депонирование и регистрация авторских прав на изображения, иное содержание сайта, печатные произведения (например, Российское авторское общество).

- Государственная регистрация сайта или Интернет-страницы в качестве средства массовой информации (оформляется через Роскомнадзор);

- Государственная регистрация программ для ЭВМ (путем подачи заявки в Роспатент).

- В частности, к способам защиты можно отнести установление соглашения с пользователем ресурса (владелец исключительных прав

на Интернет-ресурс может заключать с посетителями сайта или страницы публичный договор).

Международное сообщество, понимая, что необходимо развивать технические меры охраны интересов обладателей интеллектуальной собственности в цифровых сетях, решило закрепить в Интернет-договорах ВОИС положения, которые обязывают государство, присоединившееся к соглашениям, учесть в своем законодательстве необходимую правовую охрану и правовую защиту от обхода существующих технических средств, используемых авторами в связи с осуществлением их прав по Бернской конвенции и ограничивающих запрещенные авторами действия в отношении их произведений, а также должную правовую охрану и эффективную правовую защиту от обхода существующих технических средств. Интересно, что такие договоры делают акцент не столько на развитии новых технических средств, сколько на защите самих этих технических средств от какого-либо их обхода нарушителями. В литературе существующую тенденцию характеризуют так: «...невозможно предоставить „соответствующую правовую охрану и эффективные средства правовой защиты“ от обхода технических средств защиты, если действия по обходу просто запрещены. Запрет должен распространяться на импорт, производство и распространение незаконных средств, используемых для обхода» [4, с. 53]. Таким образом, неправомерными должны считаться любые программы или действия, направленные на создание программ для обхода барьеров.

Одним из последних способов технической защиты, относительно недавно появившимся в российской практике, является использование Веб-депозитария — совокупности технических и юридических процедур, позволяющих подтвердить факт и время публикации в случае возникновения споров, в том числе и в судебном разбирательстве [1, с. 86]. Для этого необходимо подать заявление с указанием произведения и дать его описание. Указанный метод защищает содержание информации на сайте, предупреждая возможные претензии.

Еще одна группа способов защиты авторских прав — общественное и государственное регулирование, представляющее собой определенный набор правил, установленных организациями, или законодательных актов, регулирующих правоотношения в сети «Интернет».

Сейчас происходят переоценка и пересмотр застоявшейся системы защиты авторского права, пересмотр законодательства в информационном праве и создание отдельных органов регулирования. Например, у организации «Роскомнадзор» появился широкий спектр полномочий для ликвидации сайтов (в качестве примера можно привести постановление Роскомнадзора, о досудебной блокировке сайтов от 12 июня 2015 г. № 178НП178), что способствует развитию нормальных отношений в сети «Интернет». На данный момент все подобные операции в Интернете отданы на попечительство конкретного Интернет-

провайдера. Но провайдеру не выгодно блокировать все сайты, на которых находится «пиратский» или «краденый» контент, поскольку на подобных сайтах процент с рекламы получает сам провайдер. Провайдер блокирует сайт, исключительно по решению суда или по требованию Роскомнадзора.

Данный ряд проблем может быть сведен на нет при активном участии государства, наделении специальных органов определенными полномочиями, чтобы под их юрисдикцию попадали сайты не только с запрещенным, но и с краденым контентом. Это может повлечь за собой ряд проблем: невозможность оперативно обжаловать данные решения, загруженность одной конкретной организации и т. д.

Представляется, что уменьшить количество нарушений, поможет создание специально созданного компетентного негосударственного органа (общественной организации). Аналогичные объединения созданы во многих странах (например, в Финляндии, в Швейцарии) и успешно там функционируют.

Важно определить меру ответственности провайдеров и владельцев веб-сайтов за нарушение авторских прав. В США защите авторских прав способствует положение о презюмировании ответственности. Оно состоит в том, что, даже если владелец сайта использует компьютерную программу, которая защищена авторским правом без согласия правообладателя, он также считается нарушителем и преследуется законом.

Гражданско-правовая защита (представляющая собой совокупность способов защиты гражданско-правового характера) сводится к восстановлению нарушенных авторских прав, выплате компенсации и возмещению убытков. Гражданско-правовая ответственность заключается в предъявлении к нарушителю требований, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, в частности ст. 1250–1253 и 1301. Несмотря на кажущуюся универсальность, применение способов защиты гражданско-правового характера не всегда бывает эффективным. Для наступления ответственности необходимо соблюдение ряда условий.

1. Наличие нарушения личных неимущественных или исключительных прав автора. Нарушение исключительного права выражается в использовании произведения (объекта авторского права) без заключения лицензионного договора. Более того, расширительное толкование содержания ст. 1273 ГК РФ позволяет сделать вывод о необходимости доказывать не только отсутствие гражданско-правового договора на использование произведения, но и то обстоятельство, что оно использовалось не в личных целях.

2. Наличие вины нарушителя. В целом защита авторских прав гражданско-правовыми способами возможна, если нарушитель знал о том, что нарушает авторские права, или не проявил должную степень заботливости, чтобы избежать нарушения; Сложность в доказывании этого

условия заключается в особенностях распространения информации в виртуальном пространстве. Пользователь может получить согласие на использование произведения у лица, которое, в свою очередь, является незаконным пользователем. При этом вина конечного пользователя будет отсутствовать, ибо он добросовестно заблуждался относительно наличия авторских прав. Следует отметить, что в случаях, установленных законом (ч. 3 ст. 401 ГК РФ), возможно наступление объективной, т. е. безвиновной, ответственности.

3. Наличие убытков. Как ни парадоксально, но оно имеет значение только для нарушения исключительного права на использование произведения, хотя возможны ситуации, когда убытки причинены в результате нарушения личных имущественных прав автора. Этот критерий является наиболее сложнодоказуемым, поскольку не всегда использование произведения приводит к возникновению имущественного вреда. Однако при наступлении объективной ответственности наличие убытков доказывать не требуется.

4. Причинно-следственная связь между нарушением авторских прав и убытками. Это условие устанавливается, если по обстоятельствам дела необходимо доказывать убытки.

Таким образом, можно сделать вывод, что в силу сложности самого объекта защиты авторских прав на произведения, распространяемые в виртуальном пространстве, применение каких-либо единичных способов защиты неэффективно. Государству необходимо комплексно развивать все три указанных направления, причем особое внимание следует уделить способам технической и общественной защиты. Способы защиты гражданско-правового характера представляются факультативными и могут использоваться лишь с целью компенсации причиненного вреда, но никак не предотвращения незаконного использования авторского произведения.

Список литературы

1. Волкова М. А., Ленковская Р. Р., Кулешов Г. Н. [и др.]. Гражданско-правовое регулирование охраны и защиты авторских прав в сети «Интернет»: моногр. — М., 2019 — 106 с.

2. Кузеванов А. И. Общая характеристика механизма охраны и защиты объектов авторских и смежных прав в российской Федерации // Авторское право и смежные права. — 2016. — № 7. — С. 31–44.

3. Ленковская Р. Р., Шиловская А. Л. Особенности защиты авторских прав в сети «Интернет» // Социально-политические науки. — 2017. — № 5. — С. 64–67

4. Фичор М. Интернет-договоры ВОИС: основные вопросы охраны авторского права и смежных прав в цифровой среде // Авторское право и смежные права. — 2001. — № 6. — С. 53–57.

Сопраньков Геннадий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Россия, г. Санкт-Петербург,
soprankov1938@yandex.ru

Соотношение функций прокурорского надзора: уголовного преследования, надзора и обвинения

Относительно предлагаемой темы статьи имеется так много точек зрения, что несложно «заблудиться и потеряться», т. е. трудно определить, что с чем и как соотносится. Множественность функций прокурорского надзора отмечал целый ряд известных ученых-процессуалистов [1, с. 22–23]: В. М. Савицкий, Г. Н. Королев и другие ученые, занимающиеся вопросами прокурорского надзора [2, с. 85]. Это функция уголовного преследования, надзорная, установление объективной истины, борьба с преступностью, правозащитная, профилактическая и правоспитательная функции [3, с. 195–250].

Наиболее заметной и интересной представляется точка зрения В. М. Савицкого. В работе «Язык процессуального закона. Вопросы терминологии» он пишет, что, для того чтобы определиться с функциями, выполняемыми прокурором, необходимо разобраться с терминами, используемыми законодателем.

Трудно не согласиться с утверждением В. М. Савицкого, что термины занимают особое место в языке закона, выступают не только как его представители, его символы в нормотворческой практике, но и как средство установления объема того или иного понятия, а также передачи адекватного восприятия информации, сосредоточенной во взаимосвязанных терминах [1, с. 22–23]. Точные, упорядоченные терминологически системы отраслевых законов активно содействуют развитию в нужном направлении определенных групп общественных отношений, служат импульсом для новых научных исследований, опирающихся на четкие и устоявшиеся термины. Напротив, неупорядоченная терминология, отражающая аморфность, неопределенность системы понятий, снижает нормативные возможности закона, отрицательно сказывается на правоприменении, ведет к нескончаемым и бесплодным спорам в теории и на практике [1, с. 22–23].

Так случилось с понятием «уголовное преследование». Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. определял прокурора как орган

уголовного преследования, и это полномочие обеспечивалось правом возбуждения уголовного дела, возможностью проводить предварительное следствие, предъявлять по принятому к своему производству уголовному делу обвинение, избирать меру пресечения, в том числе и заключение под стражу, давать следователю указания, обязательные к исполнению, отстранять его от расследования уголовного дела в случае нарушения закона. Прокурор имел право не только принять уголовное дело к своему производству, но и закончить его с составлением обвинительного заключения, т. е. он имел полномочия, которые охватываются понятием «уголовное преследование». Уголовно-процессуальный кодекс от 22 ноября 2001 г. сохранил эти полномочия за прокурором, за исключением санкций на арест.

Этот кодекс сохранил и полномочия на возбуждение уголовного дела и дачу санкции на обыск, на отстранение от должности, а также многие другие полномочия, которые характеризовались как властно-распорядительные, как полномочия по осуществлению уголовного преследования. Однако в соответствии с федеральным законом № 87-ФЗ от 5 июня 2007 г. они в основном перешли следователю, дознавателю и руководителям органов дознания и предварительного следствия.

И вместе с тем в ст. 37 УПК РФ прокурор наделялся функцией уголовного преследования без тех полномочий, которые составляют содержание этого понятия. Случилось то, от чего предостерегал В. М. Савицкий: наличие неупорядоченности терминологии, ее аморфности, неопределенности, снижение нормативных возможностей закона отрицательно сказались на правоприменении, т. е. понятие «уголовное преследование» прокурорам оставили, но выхолостили его содержание.

В юридической литературе нередко можно встретить утверждение о тождественности понятий «уголовное преследование» и «обвинение» [4, с. 64]. В то же время понятие обвинения, сформулированное в ст. 5 УПК РФ, препятствует такому толкованию. Для устранения противоречия необходимо различать обвинение в материально-правовом и процессуальном смысле [5, с. 28].

В уголовно-процессуальном смысле обвинение — это деятельность уполномоченного субъекта по доказыванию виновности лица, совершившего преступление, а в материально-правовом — формулировка обвинения с указанием преступлений, вменяемых в вину, и их квалификации [4, с. 64]. Из приведенного высказывания не усматривается тождественность понятий уголовного преследования и обвинения. На досудебной стадии производства прокурор лишен права обвинять, он осуществляет надзор и в соответствии со своими полномочиями может не согласиться с предъявленным обвинением и возвратить дело на дополнительное расследование.

В стадии судебного разбирательства прокурор поддерживает обвинение (оно уже предъявлено следователем, дознавателем), от которого может отказаться, может изменить обвинение, если оно сопряжено с

его смягчением. Уголовное преследование предполагает властность требований соответствующих должностных лиц, ими прокурор не обладает, тем более при рассмотрении дела в суде. Из этого следует, что прокурор в ходе судебного разбирательства поддерживает обвинение, но не обвиняет, тем более не осуществляет уголовное преследование: оно уже состоялось на стадии предварительного расследования.

Рассматривая обвинение и уголовное преследование, уместно затронуть и понятие «прокурорский надзор». Прокурорский надзор — это деятельность органов прокуратуры по обеспечению исполнения законов Российской Федерации всеми органами государственной и исполнительной власти.

Надзор осуществляется и законностью судебных постановлений. Однако в настоящее время было сделано изъятие в прокурорском надзоре за судебными постановлениями. Так, Н. Н. Кириллова сообщает, что надзор за законностью судебных постановлений был характерен для деятельности прокурора в условиях действующего УПК, когда он приносил протесты на приговоры по делам, в которых не принимал участия [5, с. 69]. Такая практика неприемлема в состязательном процессе.

Можно согласиться, что прокурор не вправе приносить протест на судебное решение по уголовному делу, в котором он не принимал участия. Но зачем надо было отказываться от многолетнего применения термина «протест» и заменять его понятием «представление». Ведь латинское понятие «*protestari*» означает «торжественно заявлять, свидетельствовать». Незнание перевода заставило разработчиков УПК РФ 2001 г. отказаться от многолетнего применения понятия «протест».

Прокурорский надзор это очень серьезный инструмент обеспечения соблюдения конституционного принципа законности, и вряд ли было целесообразно отказываться от права прокурора приносить протесты на незаконные судебные решения. Здесь было бы уместным поступиться ведомственным самолюбием и продолжить ранее существовавшую судебную практику с использованием понятия «протест».

Список литературы

1. *Савицкий В. М.* Язык процессуального закона (вопросы терминологии). — М.: Наука, 1987. — 288 с.
2. *Королев Г. Н.* Учение об уголовно-процессуальной деятельности прокурора: уголовное преследование. — М.: ЮРЛИТИНФОРМ, 2006. — 360 с.
3. *Тушев А. Н.* Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. — М.: Юрид. центр Пресс. — 2005. — 440 с.
4. *Кириллова Н. Н.* Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. — СПб.: Изд. дом СПбГУ; Изд-во юр. ф-та СПбГУ, 2007. — 408 с.
5. *Строгович М. С.* Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности / под ред. В. М. Савицкого. — М.: Наука, 1984. — 143 с.

Соколова Мария Анатольевна,

кандидат юридических наук,
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (ННГУ),
старший преподаватель кафедры
конституционного и муниципального права,
Россия, г. Нижний Новгород,
ma.sokolowa@yandex.ru

К вопросу о взаимодействии региональной и муниципальной власти (на примере Нижегородской области)

Действующее законодательство Российской Федерации предусматривает наличие трех уровней публичной власти: федеральная, региональная и муниципальная. При этом ст. 12 Конституции РФ гласит, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Целесообразность строгого разграничения государственного и муниципального управления неоднократно становилась предметом дискуссии представителей юридической науки. Зарубежный опыт также неоднозначен: в одних государствах (например, во Франции [8, с. 43]) местное самоуправление строго контролируется государством, фактически является его продолжением, проводя в жизнь политику центра; в других (например, в Великобритании, Австрии [5, с. 13]) оно относительно самостоятельно, хотя та или иная взаимосвязь с государством все же присутствует.

Любопытным для анализа представляется опыт США. Несмотря на то что в США имеет место англосаксонская модель местного самоуправления, она изначально представляла собой компромисс между принципами общественной теории и потребностями укрепления государства [7, с. 14]. Большую роль в организации местного самоуправления играют штаты: в государстве функционируют 50 моделей местного самоуправления, которые могут быть классифицированы по существенным критериям.

В частности, В. А. Переходов выделяет в США три модели местного самоуправления: модель координирующей власти, модель содержащей власти и модель пересекающейся власти. Суть модели координирующей власти состоит в том, что местное самоуправление самостоятельно, однако лишь в пределах, строго очерченных государством: можно все, что разрешено законом. Модель содержащей власти сводится к тому, что органы местного самоуправления выступают проводниками

федеральной и региональной власти. Наконец, модель пересекающейся власти заключается в том, что местное самоуправление находится в тесном сотрудничестве с государством, сохраняя при этом организационную самостоятельность [10, с. 24].

Россия, несмотря на принадлежность к романо-германской системе права, нормативно закрепила англосаксонскую модель местного самоуправления, провозгласив его самостоятельность от государства. Однако анализ практики свидетельствует о том, что данная модель закреплена лишь де-юре. Де-факто муниципалитеты во многом подконтрольны региону. В то же время их самостоятельная деятельность по решению ряда важных вопросов местного значения слабоэффективна ввиду дефицитности местных бюджетов и нежелания регионов оказывать какую-либо помощь.

Рассмотрим основные направления излишнего вмешательства региона в деятельность муниципалитета:

- вторжение в формирование органов местного самоуправления;
- участие в привлечении к политической ответственности органов местного самоуправления;
- возможность осуществления местного самоуправления органами государственной власти.

Вторжение в формирование органов местного самоуправления

Органы местного самоуправления наиболее приближены к населению, именно на этом уровне власти демократия может быть реализована в полной мере. Однако анализ практики показывает, что граждане практически отстранены от участия в формировании органов местного самоуправления, в то время как региональные органы власти оказывают на этот процесс существенное влияние.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 02.08.2018; далее: 131-ФЗ) «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», как правило, предусматривает несколько способов формирования того или иного органа местного самоуправления. Например, ч. 4 ст. 35 вышеназванного закона предусматривает два способа формирования представительного органа муниципального района: посредством делегирования и прямых выборов.

Однако фактически выбор способов формирования органов местного самоуправления осуществляется не самим муниципалитетом, а регионом — посредством принятия соответствующего закона, как правило, в императивной форме (без альтернативы). Таким образом, в уставе муниципального образования просто дублируется норма регионального закона, что противоречит задумке федерального законодателя, предусматривающего вариативность. Стоит отметить, что муниципалитет не принимает участия в решении этого вопроса даже косвенно: федеральным законодательством не предусмотрены какие-либо процедуры по учету мнения населения или органов местного самоуправле-

ния при разработке и принятии соответствующих положений регионального закона [11, с. 43].

Рассмотрим, как закреплены организационные основы формирования представительного органа в Нижегородской области. Часть 2 ст. 3 закона Нижегородской области от 5 ноября 2014 г. № 152-З (в ред. от 03.10.2018) «Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в Нижегородской области» закрепляет, что делегирование является основным, а фактически единственным способом создания представительного органа, поскольку практически все муниципальные районы наделены теми или иными государственными полномочиями, при наличии которых вопрос о способе создания представительного органа решается императивно. Региональная политика в этом вопросе также не подвергается сомнению: «Учитывая имеющийся опыт формирования представительных органов и его преимущества (...) предложено установить данный способ — путем делегирования во всех муниципальных районах Нижегородской области», — гласит формулировка в отчете о мониторинге правоприменения вышеназванного закона.

Это представляется в корне неверным. Во-первых, самостоятельность местного самоуправления, гарантированная Конституцией РФ, должна включать в том числе организационную самостоятельность, т. е. самостоятельное решение вопросов о способе создания, численности, внутренней структуре органа местного самоуправления. Во-вторых, само название вида данного органа подчеркивает его основную функцию: представительство интересов населения, предполагающее избрание жителями своих представителей.

Отсутствие процедуры избрания депутатов влечет за собой еще одно негативное последствие: невозможность досрочного прекращения их полномочий, т. е. реализации процедуры отзыва. На сегодняшний день институт отзыва и так является практически мертвым. Это происходит по двум причинам. Во-первых, согласно ч. 2.1 ст. 24 131-ФЗ, реализация данной процедуры возможна только при использовании на выборах мажоритарной избирательной системы (в то время как в большинстве муниципалитетов применяется смешанная). Во-вторых, основания отзыва крайне ограничены и абсолютно не соответствуют назначению данной процедуры. Часть 2 ст. 24 131-ФЗ устанавливает, что основания отзыва депутата определяются уставом муниципального образования. Однако следующим абзацем этой же части статьи свобода муниципалитета вновь ограничивается (на этот раз нормой федерального закона): в качестве такого основания могут выступать только противоправные действия и решения; муниципалитет же вправе лишь определиться с конкретными составами, при наличии которых возможен отзыв. Но возникает логичный вопрос: как лицо, имеющее проблемы с законом, может находиться у власти? Почему в случае нарушения депутатом законодательства его полномочия не прекращаются

автоматически? Кстати, в случае нарушения уголовного закона прекращение полномочий предусмотрено (п. 5 ч. 10 ст. 40 131-ФЗ). Таким образом, имеет место частичное дублирование двух оснований досрочного прекращения полномочий.

Член общественной палаты Владислав Гриб справедливо отмечает: «У избирателей должно быть право отзыва, если они видят, что местные депутаты используют свой статус не по назначению <...> Это ответственность перед населением» [13]. Иначе говоря, нужны количественные и качественные критерии оценки работы депутатов, которые должны отражаться в их отчетах и доводиться до населения. В настоящее время они не установлены.

Возвращаясь к муниципальным районам, которые составляют свыше 70% крупных муниципальных образований Нижегородской области, следует констатировать, что в них процедура отзыва депутата априори невозможна, поскольку депутаты занимают свои должности посредством делегирования.

Другой, не менее важной, проблемой является вмешательство региональной власти в решение вопроса о численности представительного органа. Часть 6 ст. 35 131-ФЗ закрепляет, что численность представительного органа определяется уставом муниципального образования с учетом положений федерального закона. Отсюда логически вытекает, что изменение численности должно осуществляться также уставом при наличии объективных причин, например таких, как увеличение численности жителей либо расширение территории муниципального образования.

Однако на практике имеют место случаи, когда численность представительного органа изменяется законом субъекта Российской Федерации. В частности, в 2014 г. в Нижнем Новгороде встал вопрос об увеличении числа депутатов. Согласно действующему законодательству, изменение численности производится посредством внесения соответствующих изменений в муниципальный устав. Была запущена процедура подготовки таких изменений, в частности в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 28 131-ФЗ были проведены публичные слушания, на которых обсуждалась возможность увеличения численности представительного органа с 42 до 46 человек. В ходе слушаний высказывались различные мнения: одни выступили против такого увеличения, другие настаивали на необходимости его аргументации, третьи согласились с его целесообразностью.

Однако процедура внесения изменений в устав была прервана в связи с поспешным принятием закона Нижегородской области от 5 ноября 2014 г. № 151-З (в ред. от 03.10.2018) «Об отдельных вопросах организации местного самоуправления в муниципальном образовании город Нижний Новгород», которым в том числе была установлена численность Городской думы Нижнего Новгорода: 47 человек (ч. 1 ст. 2).

Буквальный анализ 131-ФЗ позволяет сделать вывод, что данное положение регионального закона противоречит ч. 6 ст. 35 131-ФЗ. Однако прошло уже пять лет, а оно до сих пор не признано недействующим в установленном законом порядке. Стоит отметить, что практика принятия региональных законов в отношении конкретных муниципалитетов весьма сомнительна, ибо они не направлены на выявление региональных закономерностей, учет которых необходим на уровне муниципалитетов, а представляют собой не что иное, как директивное регулирование отдельных наиболее крупных (важных для области) муниципальных образований, что недопустимо.

Говоря о Нижнем Новгороде, необходимо отметить, что на сегодняшний день единственным избираемым органом местного самоуправления является Городская дума Нижнего Новгорода. Глава муниципального образования одновременно с этим занимает должность главы местной администрации, избирается представительным органом из числа кандидатов, предложенных конкурсной комиссией по результатам конкурса (п. 2 ст. 38 Устава Нижнего Новгорода). Процедура конкурса представляется эффективной, поскольку позволяет проверить наличие у кандидата определенных знаний, умений и навыков, а также собственной программы развития муниципалитета. Но все ее достоинства нивелируются составом конкурсной комиссии: половина назначается Городской думой из числа депутатов, половина — губернатором Нижегородской области, что опять же свидетельствует о серьезном вмешательстве региона в процедуру замещения должности главы муниципального образования, (не стоит сбрасывать со счетов и политический аспект). Политолог директор Фонда изучения электоральных процессов и электоральной политики И. Гращенко отмечает: «Сити-менеджеры — это либеральная программа по еще большей вертикализации власти: фактически губернаторам дают полномочия по объединению власти в своих руках (как муниципальной, так и региональной). Раньше мэр крупного регионального центра всегда был главным противником губернатора, это классическая схема противостояния» [2].

Участие в привлечении к политической ответственности органов местного самоуправления

Следует отметить, что на сегодняшний день складывается весьма странная ситуация. С одной стороны, население практически лишено возможности досрочно прекратить полномочия органа местного самоуправления в случае некачественного осуществления представительства своих интересов, предусмотренного ст. 3 Конституции РФ. С другой — активную роль в привлечении должностных лиц местного самоуправления к политической ответственности играют внесудебные органы государственной власти, несмотря на то что местное самоуправление отделено от государства (ст. 12 Конституции РФ).

В частности, ст. 74 131-ФЗ закрепляет процедуру отрешения от должности главы муниципального образования и главы местной администрации. Субъектом отрешения выступает губернатор, что вызывает серьезные вопросы. Во-первых, как уже отмечалось, местное самоуправление самостоятельно и не подчинено региональной исполнительной власти. Кстати, при внесении поправок в 131-ФЗ, согласно которым губернаторы получили право отрешения глав муниципалитетов от должности, члены коммунистической партии отказались голосовать за них, апеллируя к позиции Конституционного Суда РФ, в которой содержится категоричное указание на обязанность законодателя обеспечить право населения на формирование органов местного самоуправления без государственного вмешательства (определение Конституционного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 105-О) [6, с. 125]. Кроме того, закрепляя институт отрешения от должности в действующей формулировке, законодатель невольно ставит губернатора выше федеральной судебной власти, что недопустимо. Иначе говоря, суд принимает решение о том, что нормативный правовой акт, принятый главой муниципального образования, противоречит вышестоящему действующему законодательству или действия главы, изданный им ненормативный правовой акт, нарушают права граждан, а губернатор оценивает, является данное действие основанием для отрешения или нет (прямой обязанности по отрешению для губернатора не установлено). Теоретически лицо, принявшее противоречащий законодательству нормативный правовой акт и не приведшее его в соответствие в установленные законом сроки, может оставаться на посту, если губернатор посчитает, что данное нарушение незначительно и не инициирует процедуру отрешения. В то же время возможна и обратная ситуация: если губернатор и глава города находятся в оппозиции, губернатор может инициировать отрешение и в случае нарушения права одного гражданина, несмотря на эффективную деятельность главы муниципального образования в целом [1].

Следует предусмотреть две процедуры наступления политической ответственности: по решению суда в случае нарушения главой действиями или решениями действующего законодательства, ибо только суд может оценивать их соответствие или несоответствие; по решению жителей, в случае если прекращение полномочий сопряжено с неэффективной деятельностью (процедура должна быть аналогична референдуму).

Другим, не менее спорным, основанием прекращения полномочий главы муниципального образования является утрата доверия Президента РФ. Во-первых, опять возникает вопрос о контроле государства над местным самоуправлением; во-вторых, муниципальный и федеральный уровни власти слишком далеки друг от друга. К тому же анализ оснований утраты доверия позволяет сделать вывод, что логически наличие данных оснований должно оцениваться правоохранительны-

120

ми органами и судом, поскольку в основном такие основания касаются коррупции и нарушения ограничений, связанных с ее профилактикой. Прекращение полномочий должно осуществляться автоматически в случае привлечения к уголовной ответственности при наличии состава преступления и по решению суда (рассматривающего это дело) при отсутствии состава преступления, но наличии установленных законом нарушений.

Возможность осуществления местного самоуправления органами государственной власти

Сам факт наличия данной возможности представляется спорным, ибо в Конституции РФ о ней ничего не говорится. Напротив и в ст. 12, и в ст. 130 Конституции РФ подчеркивается самостоятельность органов местного самоуправления в решении вопросов местного значения. Аналогичной точки зрения придерживается и Конституционный Суд РФ: в своем постановлении от 30 ноября 2000 г. № 15-П он прямо указывает, что вопросы местного значения не могут решаться органами государственной власти.

В то же время анализ оснований свидетельствует о том, что речь идет о внештатной ситуации. Реализация полномочий по осуществлению местного самоуправления органами государственной власти субъекта Российской Федерации в данном случае возможна лишь на определенный срок и не в полном объеме (например, они не могут принять новый устав или изменить границы муниципального образования).

Анализ научной литературы показывает, что большинство авторов не отрицают возможности временного решения части вопросов местного значения региональными органами власти, а лишь дискутируют о природе такого перехода: всегда ли он носит характер санкции, или в ряде случаев речь идет, скорее, о защите или помощи муниципалитету [3, с. 39–40].

Очевидно, что ни в том, ни в другом случае замена одного уровня власти другим недопустима. Кстати, Конституцией РФ такой институт не предусмотрен. Напротив, неоднократно указывается на самостоятельность и гарантированность местного самоуправления. Если речь идет о наличии нарушений, необходимо устанавливать конкретных виновных лиц, привлекать их к ответственности, временно возлагать полномочия на иных лиц этого же уровня власти, а затем проводить процедуру досрочного замещения должности в установленном законодательством порядке. Такое основание, как отсутствие органа местного самоуправления при чрезвычайной ситуации, представляется весьма странным: представительный орган и местная администрация являются обязательными органами местного самоуправления, тогда почему в случае наличия чрезвычайной ситуации речь идет о их отсутствии и невозможности формирования? Кстати, на расплывчатость оснований неоднозначно указывалось в научной литературе [12].

Много несовершенств можно выявить в процедуре передачи отдельных полномочий муниципалитета органам государственной власти. Во-первых, на каком основании решение принимает губернатор — лицо, прямо заинтересованное в этом, поскольку данная должность также относится к региональной власти? Во-вторых, почему не проводится оценка всех обстоятельств в рамках специальной процедуры? Наиболее логичной видится оценка обстоятельств судом в рамках административного судопроизводства. В-третьих, почему решение всех важных вопросов (какие полномочия передать, на какой срок, кому) решаются губернатором, а не в рамках закона (хотя бы посредством рамочного регулирования)?

Наряду с вышеизложенным необходимо обратить внимание на еще один возможный канал перераспределения полномочий между органами государственной власти субъекта РФ и органами местного самоуправления. Часть 6.1 ст. 26.3 федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» закрепляет право субъектов РФ осуществлять перераспределение полномочий между муниципальным и региональным уровнями власти посредством законодательства субъектов Российской Федерации, при этом никаких критериев для такого перераспределения в федеральном законодательстве не обозначено. «Методические рекомендации по подготовке нормативных правовых актов субъектов РФ, направленных на реализацию положений Федерального закона от 27.05.2014 № 136-ФЗ...», подготовленные Минрегионом России в 2014 г., закрепляют лишь перечень вопросов, которые не могут являться предметом перераспределения. Конституция РФ не предусматривает такого способа взаимодействия региональной и муниципальной власти в принципе.

Сами же регионы активно пользуются предоставленным им правом. В частности, в Нижегородской области принят закон от 23 декабря 2014 г. № 197-3 «О перераспределении отдельных полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Нижегородской области и органами государственной власти Нижегородской области», согласно которому Нижний Новгород потерял градостроительные полномочия. Город был категорически против такой передачи, ибо это существенно отразилось на местном бюджете (бюджетные потери в результате составили около 7% доходной части бюджета) [9], но она состоялась. Нижний Новгород потерял право распоряжаться землей как минимум до 2020 г., поскольку такая передача возможна на срок не менее срока полномочий регионального законодательного органа. Процедура согласования с муниципалитетом при осуществлении передачи тех или иных полномочий региону, к сожалению, в настоящее время не предусмотрена.

Другим способом усиления региональной власти посредством передачи ей тех или иных вопросов местного значения является внесение изменений в федеральные нормативные правовые акты, регулирующие определенную сферу. В частности, в результате начатой в 2011 г. реформы здравоохранения произошло перераспределение соответствующих полномочий между уровнями публичной власти, получившее свое нормативное закрепление, в том числе в ст. 16 федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 29.05.2019) «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», согласно которой «организация оказания населению медико-санитарной и медицинской помощи различных видов» перешла с муниципального уровня на региональный. В то же время в 131-ФЗ данные полномочия не были полностью изъяты: в п. 14 ч. 1 ст. 16 131-ФЗ появилась формулировка «создание условий для оказания такой помощи». Вопрос: в чем заключаются эти условия, и из каких бюджетных средств они должны создаваться, когда сам вопрос передан региону с соответствующим бюджетным обеспечением? — остается открытым [4].

Говоря о соотношении вопросов местного значения и государственных вопросов, необходимо отметить, что законодатель не производит их категоричного разделения. Ярким подтверждением этому выступает формулировка «участие органов местного самоуправления в решении того или иного вопроса». Действительно, совместная деятельность муниципалитета и региона по ряду вопросов может быть весьма эффективной ввиду дефицитности муниципальных бюджетов, сложности тех или иных социальных вопросов. Однако вопросы должны решаться именно сообща, на началах сотрудничества. Однако на сегодняшний день, с одной стороны, федеральное законодательство запрещает конкретизировать те или иные вопросы местного значения посредством региональных законов либо соглашений между муниципалитетом и регионом (ч. 1.1 ст. 17 131-ФЗ). С другой — регион, как правило, не ориентирован на партнерство, а лишь требует от муниципалитета участия в решении того или иного вопроса. При этом большая часть полномочий по соответствующему вопросу находится у региона, в муниципалитете найти средства на эти расходы весьма затруднительно. Регион передавать их также не обязан, ибо формально такое участие не рассматривается как наделение муниципалитета отдельными государственными полномочиями.

Завершая анализ проблем ограничения самостоятельности местного самоуправления, вернемся к ключевому вопросу: взаимодействию региональной и муниципальной власти. Все вышеизложенное позволяет констатировать тот факт, что взаимодействие по сути сводится к контролю, что противоречит даже лингвистическому значению этого слова. В частности, С. И. Ожегов определяет понятие «взаимодействие» как «взаимная поддержка».

Статья 2 Конституции РФ провозглашает человека высшей ценностью. Следовательно, деятельность и органов государственной власти, и органов местного самоуправления должна быть направлена на эффективное выполнение стоящих перед публичной властью функций, всестороннюю реализацию и защиту прав человека. Следует констатировать, что решение даже блока задач исключительно одним уровнем часто не дает результата ввиду тех или иных причин. Таким образом, строгое разделение вопросов между уровнями власти нецелесообразно, есть сферы, где они могут и должны действовать сообща, на равных началах. Как показывает складывающаяся практика, существующий усиленный контроль муниципалитетов при отсутствии конструктивного сотрудничества не может принести положительные результаты. Во-первых, блокируется низовое звено демократии, где она по своей природе может иметь весьма масштабные проявления. Во-вторых, целый пласт наиболее близких и важных для населения вопросов решается на низком уровне ввиду дефицита местных бюджетов, отсутствия квалифицированных кадров, дефектов законодательства о местном самоуправлении, касающегося взаимодействия уровней власти. В-третьих, нерешенность ряда проблем влечет усиление контроля со стороны региона, отнятие ряда муниципальных полномочий. При этом все это имеет политический уклон, вопрос об оценке эффективности решения той или иной проблемы остается за скобками.

Весьма действенной на российской почве могла бы стать модель пересекающейся власти США: она, с одной стороны, закрепляет важный баланс, позволяющий сохранить организационную самостоятельность муниципалитетов, их близость к населению, с другой — предусматривает эффективные способы взаимодействия с государством, что обеспечивает качественное решение муниципальных вопросов.

Однако в настоящее время, к сожалению, в российской действительности мы видим прямо противоположную политику. В частности, в ряде актов Конституционного Суда РФ (например, в определении Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 375-О-О, в постановлении Конституционного Суда РФ от 18 мая 2011 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 части 4 и части 5 статьи 35 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ“ в связи с жалобой гражданина Севастьянова», в постановлении Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ“ и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области“») наблюдается тенденция к расширению региональных полномочий в

сфере регулирования местного самоуправления, в том числе его организационных основ.

В научной литературе справедливо отмечается, что такой подход «не столько разрешает проблемы правоприменения, сколько порождает новые, еще более сложные вопросы» [11, с. 53]. Неоднозначность такого подхода подтверждается и наличием иных точек зрения внутри самого Конституционного Суда РФ. В частности, А. Н. Кокотов и Н. С. Бондарь в своем особом мнении к постановлению Конституционного Суда РФ от 1 декабря 2015 г. № 30-П указывают на важность баланса между уровнями власти, его наличие (по аналогии с разделением властей) обеспечивает эффективную систему сдержек и противовесов. Авторы подчеркивают важность статусной самостоятельности местного самоуправления, необходимость грамотного сочетания в нем публичных (государственных) и общественных начал. Остается только надеяться, что спустя определенное время данная позиция найдет свое отражение не только в особом мнении, но и в законодательстве, а также в практике его применения.

Список литературы

1. Буняк Д. В., Сидоренко Т. Ю. Проблемы эффективности применения института отрешения от должности главы муниципального образования // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 12. — С. 67–59. — URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/17365> (дата обращения: 19.09.2019).

2. Власть отказалась от тонкой игры и решила выстроить жесткую вертикаль // URL: <https://sobesednik.ru/politika/20180409-vlast-otkazalas-ot-tonkoj-igry-i-reshila-vystroit-zhestkuyu-vertikal> (дата обращения: 18.09.2019).

3. Давыдова Н. Ю. Временное осуществление органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления // Юридическая наука. — 2013. — № 4. — С. 39–44.

4. Иванова Н. А. Разграничение полномочий в сфере охраны здоровья граждан между органами государственной власти и органами местного самоуправления как одно из направлений реформирования отрасли здравоохранения // Административное и муниципальное право. — 2011. — № 10. — С. 21–25.

5. Колосов Н. В. Гарантии в организационной сфере местного самоуправления: практика зарубежных стран // Сибирский юридический вестник. — 2005. — № 3. — С. 13–15.

6. Малявкина Н. В., Алексикова О. Е. Отрешение высшим должностным лицом субъекта РФ от должности глав муниципальных образований // Среднерусский вестник общественных наук. — 2015. — Т. 10, № 5. — С. 124–130.

7. *Барабашев Г. В.* Местное самоуправление: учеб. пособие. — М.: Изд-во МГУ, 1996. — 352 с.

8. *Евдокимов В. Б., Старцев Я. Ю.* Местные органы власти зарубежных стран: правовые аспекты. — М.: Спарк, 2001. — 251 с.

9. Нижний Новгород потерял право распоряжаться землей как минимум до 2020 года // URL: <https://nn.dk.ru/news/nizhniy-novgorod-poteryal-pravo-rasporyazhatsya-zemley-kak-minimum-do-2020-goda-237005859> (дата обращения: 20.09.2019).

10. *Переходов В. А.* Зарубежные модели взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления: сравнительный анализ // Вестник ПАГС. — 2012. — № 3. — С. 22–28.

11. *Петухов Р. В.* Местное самоуправление как форма народовластия // Доклад о состоянии местного самоуправления в РФ / под ред. Е. С. Шугриной. — 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Проспект, 2015. — С. 34–53.

12. *Пономарева В. О.* Временное осуществление органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления // Вестник ЮУрГУ. — 2006. — № 13. — С. 332–337.

13. *Резчиков А.* Нужно понять, кто чем занимался // URL: <https://vz.ru/politics/2013/10/25/656661.html> (дата обращения: 17.09.2019).

Порохов Михаил Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Россия, г. Санкт-Петербург,
more03@inbox.ru

Особенности реализации принципа равноправия сторон в гражданском и арбитражном процессах при принятии искового заявления

Общеизвестен факт, что не все принципы права имеют прямое четкое закрепление в законодательстве. Судить о наличии и действии отдельных принципов можно, исходя из общего смысла законодательного акта, несмотря на то что сам нормативный правовой акт не содержит указаний и не закрепляет тот или иной принцип права. В настоящее время принцип равенства всех перед законом и судом имеет четкое закрепление в законодательстве наравне с такими принципами, как состязательность и равноправие сторон в процессе, которые, в свою очередь, отражены в положениях Конституции РФ.

Равноправие в понимании обладания сторонами идентичными правами и обязанностями не абсолютно, и связано это прежде всего с характером правовой природы конкретных процессуальных институтов, таких, например, как отдельные виды судопроизводства.

Процессуальное равенство заключается и выражается в совокупности как прав, так и обязанностей сторон процесса, что представляется весьма разумным. В противном случае при наделении большим объемом прав и возложении большего объема процессуальных обязанностей на одну из сторон нарушается принцип равенства. Например, производство по делам, возникающим из административных правоотношений, в арбитражном судопроизводстве. Обязанность по доказыванию возлагается на государственный орган независимо от того, какой стороной дела он является. Для этого есть несколько веских причин, одна из которых состоит в отсутствии у физического лица или организации реальной возможности доказать те обстоятельства, которые законодательство относит к предмету доказывания.

Под процессуальным равенством в узком смысле стоит понимать представление и исследование доказательств сторонами, участвующими в рассмотрении дела, заявление ходатайств, а также представление пояснений по представленным материалам.

Согласно нормам АПК РФ и ГПК РФ, в случае рассмотрения спора имущественного характера в числе документов, прилагаемых к исковому заявлению, указан расчет взыскиваемой денежной суммы, который сторона истца обязана представить суду. Неисполнение возложенной на сторону истца обязанности влечет оставление искового заявления без движения, что препятствует незамедлительному рассмотрению дела. В дальней перспективе данные обстоятельства могут привести к неисполнению решения суда должником, который воспользовался этим временем и предпринял меры для того, чтобы стать «неплатежеспособным».

Безусловно, можно исправить недочеты, указанные судом в определении, либо обжаловать данное определение суда, но в любом случае на это нужно время, зачастую значительное.

Кроме того, в некоторых случаях даже представленные в приложении к исковому заявлению расчеты взыскиваемых денежных сумм не принимаются судом со ссылкой на недоступность понимания и невозможность проверить правильность арифметических действий, что также служит причиной оставления судом искового заявления без движения с указанием срока для устранения недостатков. При этом у истца нет уверенности, что заново сформированный и оформленный расчет взыскиваемой денежной суммы удовлетворит требования суда и иск будет принят к производству. Единообразная форма для представления расчетов взыскиваемых денежных сумм отсутствует, и некоторые судьи не принимают искивые заявления, еще и еще требуя представить расчеты в «какой-нибудь другой форме».

Расчет взыскиваемой денежной суммы предполагается рассматривать как обязательство доказательства правомерности предъявления требований в указанном размере, а согласно положениям законодательства, каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Такой расчет должен быть подготовлен на дату судебного заседания, а устаревшие расчеты придется уточнять.

В указанной ситуации суд применяет норму закона, предусматривающую реализацию принципа независимости судей, т. е. суд оценивает доказательства исходя из их совокупности по своему внутреннему убеждению. Никто не вправе давать суду указания о том, как надо оценить те или иные доказательства.

По связи процессуального и материального права применимо к принципу равенства сторон и суждение Е. В. Вавилина относительно объема прав и обязанностей участников гражданских правоотношений: «...при соблюдении принципа соразмерности гражданских прав и обязанностей достигается режим юридической гарантированности правоприменения» [1, с. 360].

Таким образом, оставляя исковое заявление без движения по причине непредставления истцом расчета взыскиваемой по исковому заявлению денежной суммы, суд ставит под угрозу право истца на своевременное рассмотрение дела. Приложенные к исковому заявлению документы четко указывают на спор о праве между данными субъектами. Так ли важна конкретная цена иска на момент предъявления истцом искового заявления в суд? В любом случае при рассмотрении спора истцу придется доказывать эту сумму и, скорее всего, корректировать ее, исходя из складывающихся обстоятельств и действий ответчика в процессе.

Заслуживает внимания и суждение И. С. Комарова касаясь принципа процессуальной экономии: «...суд принимает решение о возбуждении гражданского дела только на основании информации, полученной от истца. Это создает ситуацию, когда, возможно, существуют обстоятельства, которые (сами по себе или в совокупности с указанием на них ответчиком) могут препятствовать принятию определения о возбуждении гражданского дела, но суд не знает о них (например, решение суда по тождественному иску, наличие в производстве другого суда либо третейского суда дела, возбужденного по тождественному иску, истцом при обращении в суд нарушены правила подсудности и т. д.)» [2, с. 12].

Обязанность истца представить мотивированный расчет при подаче искового заявления фактически не определяет правовую природу и существо требований и является второстепенной по отношению к обстоятельствам, излагаемым им в исковом заявлении. Однако мотивированный расчет необходим суду на стадии принятия от истца искового заявления для рассмотрения вопроса о принятии его к производству и определения вида гражданского судопроизводства. Кроме того, такой расчет поможет формированию правовой позиции ответчика в случае возбуждения в отношении него гражданского дела.

Например, гражданское дело было возбуждено судом по иску организации к физическому лицу в связи с ненадлежащим исполнением последним обязательств, предусмотренных договором агентирования, в части представления отчетности и как следствие неправомерным удержанием денежных средств в качестве комиссионного вознаграждения. Поскольку данная категория дел требует тщательного отслеживания оснований заявленных требований, истцом представлен подробный расчет взыскиваемой денежной суммы на стадии подачи искового заявления. Позиция, занятая ответчиком в данном деле, содержала в себе ссылку на несостоятельность требований истца по причине рассмотрения дела по тем же основаниям арбитражным судом в отношении иного ответчика, юридического лица, и как следствие заявлено требование о прекращении производства по делу. В обоснование своей позиции ответчик приобщил к материалам дела выписки из дела, рассмотренного арбитражным судом.

Эти дела демонстрируют ситуацию, когда в рамках нескольких действующих договоров между одними и теми же контрагентами иск предъявляется лишь по одному из них. Расчет сумм с приложением необходимых доказательств помогает суду разобраться с подведомственностью и подсудностью и решить вопрос о возбуждении дела.

Поскольку в настоящее время реализация принципа гласности судопроизводства активно осуществляется посредством опубликования на официальных сайтах судебных органов, в частности арбитражного суда, мотивированных решений, у суда при получении искового заявления имеется возможность проверить его на наличие обстоятельств, препятствующих принятию его к производству по вышеуказанным основаниям.

По отдельным категориям гражданских дел представление истцом суду мотивированных расчетов обеспечивает соблюдение принципа процессуальной экономии, выступает одним из идентифицирующих признаков спора и препятствует допущению ошибок при разрешении судом вопроса о принятии искового заявления к рассмотрению.

Однако при буквальном толковании положений ГПК РФ и АПК РФ доказательства подлежат представлению суду лицами, участвующими в деле. Подавая исковое заявление имущественного характера, заявитель до момента принятия судом искового заявления к производству и вынесения об этом соответствующего определения не является стороной дела в силу того, что дело судом еще не возбуждено.

Соответственно, на лицо, подающее исковое заявление в суд, уже возлагаются определенные процессуальные обязанности, а у ответчика они появятся только с момента возбуждения производства по данному гражданскому делу. Все это свидетельствует о неравномерности распределения бремени представления доказательств между сторонами спора, что нарушает основополагающий конституционный принцип равноправия сторон при буквальном его толковании.

Данные обстоятельства приводят к логическому выводу о том, что положения соответствующих статей процессуальных кодексов нуждаются в уточнении: необходимо предусмотреть обязанность предоставления истцом мотивированного расчета денежных сумм как приложения к исковому заявлению лишь для отдельных конкретных категорий дел.

Список литературы

1. *Вавилин Е. В.* Осуществление и защита гражданских прав. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — 360 с.
2. *Комаров И. С.* Ответчик в современном гражданском и арбитражном процессе России: некоторые вопросы // Арбитражный и гражданский процесс. — 2012. — № 4. — С. 11–16.

Осипов Вадим Александрович,
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
аспирант,
Россия, г. Москва,
ospv.vad@gmail.com

**Развитие независимых научно-исследовательских центров
как одно из эффективных направлений предупреждения
преступности экстремистской направленности в Российской
Федерации (на примере опыта Соединенных Штатов Америки)**

Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. определены основные направления государственной политики по противодействию экстремизму в сфере законодательной и правоохранительной деятельности, государственной национальной и миграционной, информационной политики, образования и государственной молодежной политики, государственной культурной политики и международного сотрудничества. Названным программным документом закреплён исчерпывающий перечень основных направлений деятельности государства, комплексная реализация которых призвана обеспечить гармоничное сосуществование этносов на территории многонационального российского государства и дальнейшее развитие межнациональных отношений в русле единых взглядов на дальнейшую судьбу страны, единой и неделимой, исключая распространение сепаратистских и экстремистских взглядов и идей.

В то же время в целях повышения эффективности государственной политики в указанной сфере полезно обратиться к опыту зарубежных государств при реализации ими политики в области противодействия преступности экстремистской направленности.

Показателен в этом отношении опыт противодействия экстремистским проявлениям в Соединенных Штатах Америки. В частности, Поправкой I к Конституции США 1787 г. установлено, что Конгресс не должен издавать ни один закон, относящийся к установлению религии либо запрещающий свободное ее исповедание, либо ограничивающий свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб [2, с. 411]. Фактически это означает, что права органов законодательной власти в области выработки единой государственной политики в сфере противодействия экстремизму весьма ограничены.

Основные полномочия в сфере противодействия экстремизму на государственном уровне в США реализуются полицией и ЦРУ.

В то же время, как отмечает Н. В. Володина, в вопросах противодействия терроризму и экстремистским проявлениям США идут своим особенным, самобытным путем, поскольку в этой стране развита работа крупных, формально независимых от государства исследовательских центров, которые получают значительное финансирование преимущественно от частных инвесторов и на системной основе проводят исследования в области изучения активности экстремистских формирований на территории США, собирают досье на них, любую информацию об их деятельности, которую в дальнейшем передают в уполномоченные правоохранительные органы одновременно с методическими рекомендациями по нейтрализации таких формирований для принятия правоохранительными органами мер в пределах предоставленной им законом компетенции [1, с. 220–221].

Наиболее авторитетными среди таких исследовательских центров являются Южный центр по защите гражданских прав, Международный центр развития толерантного сознания и предотвращения экстремизма, Институт мира, Антидиффамационная лига и др.

В частности, в настоящее время Южный центр по защите гражданских прав на постоянной основе осуществляет мониторинг активности свыше 1600 формирований Ку-Клус-Клана, неонацистов, скинхедов, неоконфедератов, сепаратистов и сектантских объединений, осуществляющих деятельность на территории США. Кроме того, на официальном сайте организации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» размещается интерактивная карта США с указанием сведений о том, где осуществляют деятельность данные формирования. Соответственно, на сайте также размещены сведения о каждой экстремистской организации, находящейся под наблюдением Южного центра по защите гражданских прав: о ее численности, экстремистских взглядах и идеологии, регионе деятельности, проводимых акциях и т. д.

Одновременно с этим Южный центр по защите гражданских прав активно осуществляет просветительскую деятельность в образовательных организациях США, направленную на распространение идей толерантности и гармонизацию межнациональных отношений. Распространяемые ими среди преподавателей школ, колледжей и вузов образовательные ресурсы включают в себя вебинары, подкасты, руководства по политике и многое другое. Педагоги используют данные материалы для расширения учебной программы, а также для создания гражданских и инклюзивных школьных сообществ.

Помимо этого данная организация осуществляет непосредственно правозащитную деятельность: в ее штате числятся свыше 100 адвокатов, которые оказывают юридическую помощь и осуществляют защиту прав мигрантов, национальных меньшинств и иных лиц, в отношении которых проявляется дискриминация по каким-либо признакам.

Не менее любопытным представляется положительный опыт работы Антидиффамационной лиги в области противодействия экстремистским проявлениям и антисемитизму на территории США, а также взаимодействия с правоохранительными органами в обозначенной сфере.

В частности, центр Антидиффамационной лиги является передовым органом в области противодействия экстремизму, терроризму и проявлениям ненависти, который безвозмездно предоставляет ресурсы, экспертные исследования и проводит тренинги, позволяющие сотрудникам правоохранительных органов, государственным служащим, общественным объединениям и активистам своевременно выявлять возникающие угрозы и противодействовать им. Данные тренинги на системной основе проводятся для сотрудников управлений полиции США, Федерального бюро расследований, Центрального разведывательного управления, Департамента внутренней безопасности США и Министерства обороны США. За последние несколько лет обучение прошли свыше 100 тыс. сотрудников правоохранительных органов.

Нельзя не отметить, что опыт США в решении проблем противодействия экстремизму уникален и при должной адаптации на территории нашей страны может принести существенные положительные результаты.

Проведенный мониторинг показал, что в Российской Федерации в настоящее время подобные центры единичны. В частности, это уральская ассоциация «Центр этноконфессиональных исследований, профилактики экстремизма и противодействия идеологии терроризма», Центр по изучению социальных конфликтов и профилактики экстремизма в молодежной среде при Московском государственном областном гуманитарном институте, Региональный научно-исследовательский центр Сибирского федерального университета по изучению и профилактике экстремизма и др. В то же время они занимаются исследованием вопросов изучения проблем противодействия экстремизму преимущественно в регионах своей дислокации и вследствие отсутствия должного финансирования, как правило, осуществляют деятельность за свой счет, фактически не взаимодействуют с правоохранительными органами, что, естественно, препятствует надлежащей реализации заложенного в них потенциала.

В этой связи одним из действительно эффективных и практически реализуемых предложений по повышению эффективности деятельности в сфере противодействия преступности экстремистской направленности может стать стимулирование государством деятельности подобных независимых исследовательских центров, в том числе созданных при образовательных организациях, путем оказания им грантовой поддержки, проведения конкурсов на предоставление субсидий из бюджетной системы Российской Федерации, предоставления каких-либо льгот и (или) преимуществ в соответствии с законодательством Российской

Федерации. Тем более что данное предложение вполне согласуется со Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., где в качестве одного из направлений государственной политики обозначена государственная поддержка общественных и религиозных объединений, деятельность которых направлена на противодействие экстремистским проявлениям.

Кроме того, в качестве другого, не менее значимого направления государственной политики в обозначенной сфере Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. предусматривает обеспечение подготовки сотрудников правоохранительных органов и получения ими дополнительного профессионального образования по утвержденным в установленном порядке типовым учебным программам по вопросам выявления, пресечения, раскрытия, профилактики и квалификации экстремистских проявлений.

В то же время данная деятельность в настоящее время носит разрозненный характер. В частности, сотрудники органов прокуратуры Российской Федерации проходят курсы по повышению квалификации в Университете прокуратуры Российской Федерации и его филиалах в Республиках Крым и Татарстан, в Санкт-Петербурге, Иркутской области, в Санкт-Петербургском, Саратовском, Свердловском, Хабаровском межрегиональном центрах профессионального обучения прокурорских работников и государственных гражданских служащих и других организациях. В свою очередь, сотрудники органов внутренних дел проходят курсы повышения квалификации в учебных заведениях системы Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Автор ни в коем случае не ставит под сомнение эффективность такого подхода к подготовке кадров правоохранительных органов и повышению их квалификации. Вместе с тем обеспечение более тесного контакта между правоохранительными органами и независимыми исследовательскими центрами, в первую очередь созданными на базе образовательных организаций, позволило бы значительно обогатить их практическую работу, предоставив возможность взглянуть на работу в сфере противодействия экстремизму под другим углом и выработать более эффективные стратегии работы на данном направлении. При наличии у таких центров соответствующей лицензии на право осуществления образовательной деятельности проведение на их базе дополнительных курсов повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов позволило бы сделать их деятельность более разноплановой и эффективной.

Таким образом, в настоящее время назрела объективная необходимость пересмотра традиционных подходов к вопросам предупреждения преступности экстремистской направленности. При этом необходимо учитывать и опыт зарубежных стран в указанной сфере.

Список литературы

1. *Володина Н. В.* Особенности современного «американского» экстремизма // Вестник РУДН. Сер. «Юридические науки». — 2013. — № 2. — С. 219–227.
2. Поправки к Конституции Соединенных Штатов Америки. Поправка I // Избранные конституции зарубежных стран: учеб. пособие для бакалавров / отв. ред. Б. А. Страшун. — М.: Юрист, 2012. — 795 с.

Онищук Игорь Игоревич,

доктор юридических наук, доцент,

Университет Короля Данилы,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права,

Украина, г. Ивано-Франковск,

revival.if.ua@gmail.com

Способы усовершенствования праворегулятивных свойств нормативных правовых актов в целях обеспечения верховенства права

Стратегия развития Украины в условиях совершенствования всей системы государственного управления и обеспечения национальной безопасности требует налаживания работы в сфере благоустройства правовой системы, практики применения нормативных правовых актов (далее: НПА). Только на этой основе можно успешно развивать правовое государство, осуществлять административную реформу, преобразования в управлении различными формами собственности. Без формирования правовой системы нельзя обеспечить повышение эффективности публичного и частного управления, правовой культуры всех структур общества, правосознания законодателей и всех граждан Украины.

Изучение теоретических и практических вопросов правового мониторинга актуализировано необходимостью нахождения факторов, способных содействовать совершенствованию праворегулятивных свойств основного источника права современной Украины — НПА.

Законодательное регулирование порядка разработки и принятия НПА отсутствует. Обеспечение качества законодательства и эффективности его применения органами государственной власти осложняется отсутствием в правовой системе Украины закона о законах и других НПА. Первый проект закона «О нормативных правовых актах Украины» был внесен еще в январе 1995 г. Разработали законопроект известные специалисты-правоведы, в том числе из Академии правовых наук Украины и Национальной юридической академии Украины имени Ярослава Мудрого. Вскоре предмет регулирования был разделен путем внесения двух законопроектов: «О нормативных правовых актах» и «О законах и законодательной деятельности», на которые Президент Украины наложил вето. Единый законопроект, способный комплексно урегулировать нормотворческую деятельность, так и не был подготовлен.

В процессе усовершенствования праворегулятивных свойств нормативных правовых актов неизбежно приходится изучать различные

общественные отношения как правовые, так и неправовые (неформальные). Неправовые отношения возникают по социально-психологическим признакам субъектов права, мотивам и целям их деятельности. Правовые и неправовые отношения возникают как до принятия определенных НПА, так и после внесения в них соответствующих изменений и дополнений или отмены. НПА определяют и оказывают влияние на социальные и реальные правовые роли людей.

Вопросы совершенствования НПА, мониторинга коллизий и пробелов в законодательстве исследовали сотрудники Института законодательства Верховной Рады Украины (А. Богачева, О. Зайчук, А. Копыленко, Н. Нижник и др.). Кроме того, концептуальные вопросы правового мониторинга исследуют современные украинские ученые (Ю. Градова, Т. Анцупова, В. Косович, Г. Рыбикова и др.).

Впрочем, способы усовершенствования праворегулятивных свойств НПА как и механизм украинского государства, требует более детального изучения, неотложного совершенствования и реформирования.

Цель данной статьи состоит в разработке вопроса о способах усовершенствования праворегулятивных свойств НПА в целях обеспечения верховенства права.

Правовой мониторинг связывают с различными стадиями правового регулирования: изданием норм права, возникновением субъективных прав и юридических обязанностей, применением и официальным толкованием норм права [6, с. 31]. Эффективность достигается тогда, когда с помощью средств достигается желаемая цель. Исходя из этого, понятие «эффективность механизма правового регулирования» определяется как отношение между фактически достигнутым, действительным результатом и той целью, для достижения которой были приняты соответствующие нормы права. Кроме цели правового регулирования в качестве мерила его эффективности учитываются положительные и отрицательные факторы, влияющие на действие норм права [2, с. 73].

Правовое регулирование и механизм правового регулирования — явления разноплановые. Каждое из них имеет самостоятельное теоретико-методологическое назначение. Правовое регулирование — это динамический процесс действия права на общественные отношения. Механизм правового регулирования состоит из системы правовых средств, обеспечивающих его действенность и эффективность. Рассматривая механизм правового регулирования как компонент правового регулирования, можно отделить правовое регулирование от правового воздействия. Кроме того, механизм правового регулирования сочетает правовые средства, которые используются на стадиях правового регулирования [10, с. 55].

Чтобы определить роль правового мониторинга в правовом регулировании, обратимся к дефиниции теоретико-методологической

категории «механизм правового регулирования», назначение которой состоит в том, что она позволяет выявить место, «субординацию», функции, новые качества и юридические тонкости правовых средств, привлеченных к процессу правового регулирования на его различных стадиях.

Кроме того, под механизмом правового регулирования понимают систему юридических средств, организованных наиболее последовательным образом в целях упорядочения общественных отношений, действия удовлетворению интересов субъектов права [3, с. 241].

Путем правозакрепления формируются основы правового регулирования общественных отношений. На данном этапе государство с целью конкретизации и детализации основ правового регулирования самостоятельно создает широкий круг правовых предписаний. Этот этап называют правотворчеством. Правообразование не сводится к правотворчеству, поскольку является только последним этапом этого процесса.

Законотворчество — это технология умения писать законы, которая зависит не столько от способностей и таланта разработчиков, сколько от того, насколько соответствующие лица овладели профессиональными навыками, методиками и практическими приемами разработки нормативного содержания и юридико-технического оформления текста закона. В первую очередь речь идет о способах словесного выражения правовых предписаний, внешнего оформления и внутреннего строения НПА.

Рассмотрим два подхода к определению элементов механизма правового регулирования. Согласно широкому подходу, указанный механизм образуют элементы, служащие упорядочению общественных отношений (нормы права, НПА, юридические факты, правоотношения, правореализация, правотолкование, правовая культура, правосознание, правомерное поведение, законность, юридическая ответственность, противоправное поведение). Другой способ рассмотрения элементного строения механизма правового регулирования включает в себя только те элементы, которые составляют основу регулятивной функции права [7, с. 75–76].

По мнению украинских ученых А. Зайчука и Н. Онищенко, мониторинг эффективности регулятивной функции новых норм права необходимо осуществлять в целях обеспечения верховенства конституционных принципов и норм; надлежащего соотношения отраслей, подотраслей права, иных правовых массивов, их структуризации; разработки предложений по установлению официальной классификации норм права и их соотношения, процедур по предотвращению и преодолению юридических коллизий [13, с. 43].

Согласно социальному значению задач мониторинга, предлагается широкая гамма его целей и функций процесса правового регулирова-

ния. Целью мониторинга НПА является, с одной стороны, повышение эффективности правотворческой деятельности, с другой — повышение эффективности работы всего механизма правового регулирования. Мониторинг позволяет более детально планировать фундаментальные направления правотворческой работы, определять те сферы общественных отношений, которые должны войти в сферу правового регулирования.

Вполне естественное многообразие неформальных отношений отражено в богатейшем спектре социальных связей. Современные юристы рассматривают соотношение права и морали в динамике. «Перемещение» норм и их коллизии почти не привлекают внимания. Совершенно иной подход проявляется в трудах иностранных ученых, которые вслед за Руссо, Дж. Локком, Т. Гоббсом, Г. В. Ф. Гегелем и Г. Кельзеном ищут истоки регулирования или в теории индивидуализма и ограничения государственно-правового вмешательства, или в трактовке целостности общества и регулирования как способа его обеспечения. Надо признать, что на данном этапе эти позиции изображают глубинные корни нормативного регулирования. Вопрос заключается в том, насколько удачно находят и употребляют формы их выражения [14, с. 24].

Необходимо учитывать разнообразие форм нормативного регулирования как по содержанию и средствам воздействия на общественное поведение, так и по способу их образования.

Игнорирование системного подхода к иерархическому построению права и законодательства приводит к нарушению последовательности в принятии различных НПА. Нередко в концепциях правового обеспечения отраслей и регионов, в программах реформ соотношение актов с ранее принятыми постановлениями правительства, актами министерств или их методическими рекомендациями, законами определяется произвольно.

Одна из задач правового мониторинга состоит в выявлении правовых коллизий между совместимыми общими и специальными нормами, диспозиции которых соотносятся как род и вид; между общими и специальными совместимыми правовыми нормами, диспозиции которых различны и принадлежат к одному роду; между принципами права и НПА; между общими нормами права, при формулировании которых использованы слова «только», «исключительно», «не иначе как», и специальными нормами права; между нормами права меньшей юридической силы и нормами права высшей юридической силы; между нормами права и НПА, отраслевая принадлежность которых не совпадает с отраслевой принадлежностью указанных норм, и т. п.

В Основном законе Украины четко различаются случаи, когда определенные исключения из общих правил могут устанавливаться только Конституцией (например, ч. 1 ст. 64 Конституции Украины гласит: «...в условиях военного или чрезвычайного положения могут

устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием срока действия этих ограничений»), и случаи, когда такие исключения могут устанавливаться законом (например, ст. 33 Конституции Украины). Предусматривается также установление исключений из общих норм Конституции международными договорами Украины и законами (например, в ст. 26 Конституции Украины читаем: «...каждому, кто на законных основаниях находится на территории Украины, гарантируется свобода передвижения, свободный выбор места жительства, право свободно оставлять территорию Украины, за исключением ограничений, устанавливаемых законом»).

Из приведенных случаев можно сделать вывод, что законодательный орган уполномочен устанавливать исключения из общих конституционных норм. Такие нормы-исключения применяются преимущественно перед конституционными нормами, к которым добавляется правовое предостережение о возможности установления законами норм исключений.

Например, нормы-исключения, размещенные в ст. 33; ч. 1 ст. 64 Конституции Украины, по юридической силе приравниваются к нормам права и подлежат преимущественному перед соответствующими конституционными нормами применению. Приведенное не затрагивает субординацию НПА и не может свидетельствовать о превосходстве правила «*lex specialis derogat generali*» над правилом «*lex superior derogat inferiori*».

Не менее важные акценты делаются на упрощение регламентирующей документации, стремительный рост которой принимает угрожающие размеры. В частности, объемы некоторых кодексов увеличились более чем на треть. Причинами служат просьбы граждан относительно индивидуальных ситуаций, осложнения государственных структур и международных связей, расширение социально-экономической сферы деятельности. Затруднение доступа к праву и избрание правильных решений приводят к коллизиям. Именно поэтому во Французской Республике упрощение стало основой нормотворческой деятельности, а его основы — практически деятельными.

Противоречия являются основой каждого преступления, его движущей силой. Разногласия вызваны различием взглядов лиц, совершающих преступления, и законопослушных граждан на социальные ценности, охраняемые уголовным законодательством. Разногласия становятся объектом социально-правового внимания лишь при условии достижения уровня конфликтных отношений. Конфликт (*conflictus* (лат.) — столкновение) — предельное обострение сопротивлений; столкновение личностей, их идей, интересов, потребностей, оценок, уровня стремлений, притязаний и т. д.

Примером юридического конфликта стал принятый в первом чтении проект закона Украины № 3501 от 20 ноября 2015 г. «О внесении

изменений в некоторые законодательные акты Украины (относительно гармонизации законодательства в сфере предотвращения и противодействия дискриминации с правом Европейского Союза)». Законопроект вызвал оживленную дискуссию представителей украинских церквей (религиозных организаций) о свободе совести, которая входит в коллизию с принципом недискриминации в общественной сфере, а затем недискриминация порождает дискриминацию, что является абсурдом. На основе данного законопроекта возникают серьезные противоречия между нормами права в сфере свободы совести и недискриминации.

Критической точкой стал недостаточно юридически обоснованный вопрос декриминализации таких действий, как прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных привилегий граждан по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, инвалидности, этнического и социального происхождения, имущественного состояния, места жительства, по языковым или другим признакам путем механического исключения этих положений по содержанию диспозиции ч. 1 ст. 161 Уголовного кодекса с одновременным установлением за такие деяния административной ответственности (ст. 188-48 «Нарушение законодательства в сфере предотвращения и противодействия дискриминации» Кодекса об административных правонарушениях в редакции проекта).

По результатам правового мониторинга законопроекта № 3501 и закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия дискриминации в Украине» установлено отсутствие критериев эффективности антидискриминационных инструментов. Дискриминация неотделима от более широкого порядка обеспечения социального равенства и преодоления спонтанных процессов, которые ведут к маргинализации свободы совести и вероисповедания. Все это разбалансирует систему прав человека, где свобода совести, религии и выражения определена как фундаментальное право человека.

Интенсивностью конституционной конфликтности в Украине обусловлена актуальность научных разработок в сфере профилактики конституционных конфликтов и снижения их негативного влияния на конституционно-правовые отношения. Один из методологических инструментов конституционно-конфликтной диагностики — конфликтологическая экспертиза конституционного законодательства, представляющая собой специальное исследование качества конституционно-правовых норм и практики их реализации, т. е. нормативной базы, с учетом созданных на ее основе фактических конституционных отношений, с точки зрения конституционной конфликтности [4, стр. 376].

Проанализируем некоторые законопроекты, внесенные на рассмотрение Верховной Рады Украины VIII созыва, по которым выдвинуты замечания и предложения Верховного Суда Украины.

Председатель Верховного Суда Украины Я. Романюк 13 января 2016 г. подписал заключение с замечанием по проекту закона Украины № 3272 от 8 октября 2015 г. «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в сфере государственной регистрации актов гражданского состояния по приведению их в соответствие с европейскими стандартами». В заключении обоснована нецелесообразность внесения изменений в ч. 6 ст. 295 Гражданского кодекса Украины относительно сужения круга оснований для отказа в изменении имени, поскольку реализация предложенных изменений на практике может негативно повлиять на состояние правоохранительной деятельности, привести к ущемлению прав граждан и к нарушению безопасности государства в целом [1].

Вывод Верховного Суда Украины от 11 ноября 2016 г. тоже содержит замечания и предложения к отдельным положениям проекта закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в связи с принятием закона Украины „О внесении изменений в Конституцию Украины (относительно правосудия)“» (в части обеспечения реализации функций прокуратуры) № 5177 от 23 сентября 2016 г. Верховный Суд Украины обосновал свой взвод тем, что без соответствующего дополнения норм Уголовно-процессуального кодекса Украины преждевременным будет исключить из Кодекса Украины об административных правонарушениях ст. 185-4, предусматривающую административную ответственность за злостное уклонение свидетеля, потерпевшего, эксперта, переводчика от явки в органы предварительного расследования или прокурора в ходе досудебного расследования [1].

Результаты правового мониторинга позволяют сделать вывод о том, что указанный законопроект не содержит механизмов, обеспечивающих право следователя обращаться к прокурору с ходатайствами о проведении процессуальных действий, требующих разрешения следственного судьи. Наличие соответствующего механизма является крайне важным, поскольку именно следователь уполномочен осуществлять досудебное расследование, собирать доказательства в уголовном производстве, а также несет ответственность за законность и своевременность совершения процессуальных действий (п. 17 ст. 3 и ч. 1 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Украины). Отсутствие у следователя прав, предусмотренных п. 5 ч. 2, 3 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Украины, вследствие их исключения может привести к невозможности обращения следователя к прокурору с соответствующими вопросами или к возможности их решения по внепроцессуальному способу, что поставит под угрозу вопрос законности таких действий.

Таким образом, законодательные предложения по ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Украины нуждаются в существенной дора-

ботке, поскольку их принятие в предложенной редакции может привести к дисбалансу в уголовном производстве и существенно повлиять на уровень выполнения его задач в части полного и беспристрастного расследования и судебного разбирательства.

Можно констатировать, что применение приемов и средств юридической техники должно вести к повышению качества закона, его престижности и социальной полезности. Впрочем, нередко возникают и прямо противоположные примеры, когда принимается заведомо недействительный, неэффективный закон, что вызывает возмущение в социально-правовой среде и порождает «мертвое» законодательство. Например, Верховная Рада Украины принимает закон или поправки к закону, которые совершенно не нужны, поскольку регулируют уже урегулированные нормами другого НПА отношения, или, напротив, есть необходимость в принятии определенного закона, а он по неизвестным причинам длительное время отлеживается на полках архивов. К сожалению, «черные» законодательные технологии приводят к принятию некачественных, невостребованных законов, противоречащих истинным целям, к внедрению в правовую систему ложных норм, реализация которых окажется невозможной или затруднительной.

Наиболее эффективный способ ликвидации пробелов в законодательстве это принятие НПА или нормы, которой не хватает.

С целью преодоления пробелов правоприменительные органы используют аналогию закона и аналогию права (ст. 8 Гражданского кодекса Украины; ч. 8 ст. 8 Гражданского процессуального кодекса Украины; ч. 7 ст. 9 Кодекса административного судопроизводства Украины).

Полноценные нормы права можно обнаружить также путем корректного осуществления заключения от противного. Например, в ст. 103 Конституции Украины нет положения о несовместимости поста Президента Украины с должностью в органах местного самоуправления. Вследствие расширенного толкования положения ч. 4 ст. 103 Конституции Президенту запрещается занимать должности в органах государственной власти или в объединениях граждан, но не в органах местного самоуправления. Осуществив вывод от противного, можно утверждать, что Президент Украины может занимать должности в органах местного самоуправления. Однако указанное предписание не соответствует принципу верховенства права и не подлежит применению. Таким образом, возникла брешь, которую необходимо преодолеть путем применения по аналогии с приведенными правоотношениями ч. 3 ст. 103 Конституции.

Анализ нормативного правового регулирования позволяет выявлять так называемое избыточное регулирование. Иллюстрацией служит, во-первых, проведение в рамках административной реформы большой работы по сокращению, видоизменению и отмене многих функций государственных органов; во-вторых, преодоление административных ба-

рьеров как лишних элементов процедур принятия решений; в-третьих, чрезмерное увлечение императивными правилами, которые ограничивают права и законные интересы граждан и предпринимателей вместо их поддержки и стимулирования.

Внутри правовой системы действуют собственные корреляции. Роль закона ведет к снижению объема подзаконных актов. Сужение сферы государственного регулирования приводит к расширению сферы локального правотворчества. Правовая децентрализация уменьшает объем централизованного правотворчества, а соблюдение иерархии НПА способствует правильному их использованию для решения взаимосвязанных задач. Заключение договоров исключает внутреннее правотворчество вопреки их содержанию. Преувеличенное внимание публичных и других институтов к подготовке и принятию НПА сопровождается недооценкой их реализации. Нормы-принципы и нормы-цели имеют приоритет перед другими нормами [14, с. 25].

Политико-правовые реалии современной Украины обуславливают острую потребность во внедрении системы правового мониторинга как средства оптимизации правовой системы в целом и прежде всего повышения эффективности законодательства и организации его применения. Правовой мониторинг должен стать неотъемлемой частью правового регулирования. Эффективное функционирование этой системы возможно только при условии ее институционального оформления как специального вида государственной деятельности.

Основные принципы, цели, задачи, субъекты, объекты, статус результатов необходимо определить законом Украины «О правовом мониторинге»; постановлением Кабинета министров Украины в соответствии с законом Украины «О правовом мониторинге» утвердить Порядок проведения правового мониторинга проектов НПА и поручить Министерству юстиции Украины обеспечение проведения правового мониторинга в сроки, определенные Порядком, а также разработать и утвердить методологию проведения правового мониторинга.

В указанных НПА должны быть определены объекты мониторингового оценивания и статус результатов мониторинга. Важно, чтобы выводы из проведенного исследования формулировались как рекомендации, адресованные конкретным органам государственной власти и местного самоуправления, должностным лицам, организациям и учреждениям, чтобы предусматривались формы реагирования (внесение изменений в законодательство, корректировки правоприменительной практики, проведение преобразований в государственной власти и т. д.). Необходимо установить, каким органом или организацией должно осуществляться информационно-техническое обеспечение мониторинговой деятельности. Например, в системе Минюста Украины эту функцию мог бы выполнять Научный центр правовой информации. Изучение проблем информационно-технического обеспечения, воз-

можно, требует соответствующего поручения в адрес Министерства инфраструктуры Украины.

С целью исполнения государственной функции по правовому мониторингу проект закона Украины «О правовом мониторинге» должен установить требования к порядку выполнения такой функции, подробно определить административные процедуры, права и обязанности должностных лиц, формы и порядок контроля над совершением действий и принятием решений, результат действия и порядок его передачи и др. Весомыми должны стать критерии оценки результативности норм права и выработка мер по ее повышению, а также принятие решения о необходимости регулирования тех или иных правоотношений и принятие решения о подготовке изменений в НПА [9, с. 10].

Целесообразно определить виды ответственности за нарушение закона и порядок контроля над обеспечением реализации правового мониторинга. Непринятие надлежащих мер по рекомендациям должно рассматриваться как невыполнение должностных обязанностей и служить поводом для привлечения к юридической (дисциплинарной) ответственности. Установление юридической ответственности является самым важным в практическом отношении шагом, который закрепляет полноценный правовой статус результатов правового мониторинга.

Итак, в соответствии с принципом информационной открытости органов государственной власти следует предусмотреть обязанность органов исполнительной власти занимать ведущее место в сфере правового мониторинга, информировать общественность о результатах мониторинга и принятых мерах с помощью обязательного обнародования информации через СМИ, а также путем размещения соответствующей информации на официальных сайтах в сети «Интернет».

Украина признана правовым государством (ст. 1 Конституции Украины), а принцип верховенства права находится на первом месте в иерархии юридических регуляторов общественных отношений (ч. 1 ст. 8). Указанный принцип выносится за пределы правила об иерархии НПА и имеет преимущество при правоприменении перед нормами права, установленными законами и подзаконными НПА.

Верховенство права, по мнению П. Рабиновича, это не столько верховенство самих по себе статических основополагающих прав человека, сколько их реализация, согласованная с основополагающими правами других индивидов, человеческих сообществ, объединений и общества в целом [11, с. 42].

В документе Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) «Rule of Law Checklist» — «Мерило верховенства права», утвержденном на 106-й пленарной сессии Венецианской комиссии (11–12 марта 2016 г.), представлены критерии

верховенства права, а именно шесть базовых элементов: законность; юридическая определенность; запрет произвола; доступ к правосудию; сохранение человеческих прав; недискриминация и равенство перед законом [16].

Приведенные примеры аргументируют целесообразность внедрения правового мониторинга с целью защиты фундаментальных конституционных ценностей и принципов (свободы, равенства, эффективной системы правосудия, доступа к правосудию и др.) в правовой и политической системе.

Вопросы правового мониторинга как на теоретическом, так и на практическом уровне разрабатываются специалистами Института законодательства Верховной Рады Украины, который является базовым учреждением научно-правового обеспечения законодательной деятельности. В соответствии с п. 2.5. распоряжения председателя ВРУ № 770 от 4 августа 2003 г. «Об утверждении Положения об Институте законодательства Верховной Рады Украины и его структуры» одной из основных задач института является организация мониторинга эффективности действующего законодательства Украины и прогнозирования последствий его применения.

Цель контроля состоит в том, чтобы упорядочить правовую систему в соответствии с законодательством, в том числе с применимыми международными и региональными нормами, а также способствовать соблюдению основ верховенства права. Международные и региональные нормы закреплены в договорах или других документах.

Что касается ООН, то универсальные нормы, принятые под ее эгидой, служат нормативной основой для деятельности, направленной на поддержку правосудия и установление верховенства права.

основополагающие принципы включают недопустимость дискриминации, в частности доступ к правосудию; справедливое обращение с жертвами; доступ к судебным средствам правовой защиты и/или предоставление возмещения в соответствии с законом; справедливый характер материально-правового и процессуального аспектов судопроизводства; недопущение безнаказанности за преступления, предусмотренные международным правом; независимое и беспристрастное правосудие и т. д. [15, с. 5].

Указанные требования к качеству законов Европейский суд по правам человека дополнил более широким по содержанию размышлением о том, что закон не должен противоречить принципу верховенства права [12, с. 54].

Совет Европы, поощряя принятие Свода рекомендательных норм при проведении референдумов (Венеция, 13-14 октября 2006 г., 16–17 марта 2007 г.), рассчитывал, кроме того, сконструировать инструмент, необходимый для сотрудничества с другими международными институтами, деятельность которых направлена на обеспечение проведения

демократических выборов и процедуру их мониторинга. К упомянутым международным институтам относится, в частности, Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, а также Ассоциация руководителей избирательных комиссий стран Центральной и Восточной Европы (АРИК ЦВЕ) [8, с. 565–566].

В Стратегии для эффективного осуществления Хартии основных прав Европейского союза (Брюссель, 19 октября 2010 г.) Европейский парламент и Совет Европы провозгласили мониторинг соблюдения основных прав человека в Европейском союзе одним из своих приоритетов на будущее в сфере юстиции, свободы и безопасности. Уважение к фундаментальным правам подлежит углубленному мониторингу со стороны суда и является важным компонентом в строительстве Европейского союза. Рекомендуется более эффективно применять методологию для систематического и строгого контроля над соблюдением Европейской конвенции по правам человека, закрепленных в Хартии основных прав Европейского союза [18].

В 2012 г. по инициативе омбудсмена по правам ребенка и Министерства социальных дел Эстонии впервые организован мониторинг прав ребенка и отцовства. Для этого были собраны данные как у взрослого населения, так и у детей. Первый опрос проводился в период 1–18 марта 2012 г. в рамках опроса Omnibuss, проводившего Turu-Uuringute AS. Были опрошены 1000 человек в возрасте от 15 до 74 лет, которые ответили на вопросы, связанные с отцовством и правами ребенка. После обработки данных были представлены результаты по полу, возрасту и региону (Северная Эстония, Северо-Восточная Эстония, Западная Эстония, Центральная Эстония, Южная Эстония) [5, с. 7].

В 2013 г. в Республике Польша из средств Фонда Стефана Батория был осуществлен и реализован проект «Мониторинг обоснованности и достоверности выводов и положений по размещению лиц, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца в охраняемых помещениях» [17, с. 3].

Таким образом, рекомендуется четко определять способы усовершенствования праворегулятивных свойств НПА в целях обеспечения верховенства права на стадии правотворчества, включая подготовку законов. Речь идет об анализе динамики сфер, объема и методов правового регулирования, о критериях установления предмета регулирования, концептуальных и технико-юридических требований к проектам НПА и т. п. Целесообразно составлять досье законов в процессе их разработки и передавать как эстафету для последующих обсуждений. Следует обратить особое внимание на мониторинг реализации права (законов и других НПА). К сожалению, по сей день государственные служащие, депутаты и граждане обращаются к законам только тогда, когда нужно получить льготу, или в случае очевидного нарушения законности. Представляется, что важнейшей задачей каждой структуры (госу-

дарственной, хозяйственной и др.) является обеспечение реализации законов и других НПА.

Следовательно, правовой мониторинг как элемент правовой системы общества — это инструмент обеспечения эффективности НПА и практики их применения, позволяющий увидеть современное состояние законодательства, действительную картину его работы, оценить качество правового регулирования и выяснить причины торможения при достижении поставленных правовых целей. Правовой мониторинг может приобретать еще и политическое измерение: усиливать ответственность законодателя за результаты своих решений и таким образом способствовать демократическому функционированию политических учреждений; создавать основы для критического подхода к законодательству и правовой системе в целом.

Список литературы

1. Висновок на проект закону «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у сфері державної реєстрації актів цивільного стану щодо приведення їх у відповідність з європейськими стандартами» № 3272 від 8 жовтня 2015 р. // URL: <http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/b58056fd9c7f6dc4c225745700474565/abdab04c18f092e3c2257f3a0053a705?OpenDocument> (дата обращения: 05.09.2019).

2. *Глазкова М. Е., Нанба С. Б.* Оценка эффективности действия нормативных правовых актов: современные подходы // Журнал российско-го права. — 2011. — № 9. — С. 73–80.

3. *Григорьева И. В.* Теория государства и права: учеб. пособие. — Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2009. — 304 с.

4. *Езеров А. А.* Конфликтологическая экспертиза конституционного законодательства // Актуальні проблеми держави і права. — 2009. — С. 376–285.

5. *Кару М., Турк П., Бийн Х.* Мониторинг прав ребенка и родительства // Таллин: Центр полит. иссл. «Praxis», 2012. — 18 с.

6. *Косович В. М.* Правовой моніторинг як засіб вдосконалення нормативно-правових актів України // Наук. вісн. Львівськ. держ. ун-ту внутр. справ. — 2012. — № 3. — С. 31–44.

7. *Кривицький Ю. В.* Механізм регулювання в сучасній теорії права // Часопис Київськ. ун-ту права. — 2009. — № 4. — С. 74–79.

8. *Луць О. Н.* Избирательные правовые стандарты Совета Европы // Актуальные проблемы современного международного права: мат. X ежегодн. всерос. научн.-практ. конф., посв. памяти проф. И. П. Блищенко: в 2 ч. (Москва, 13–14 апр. 2012 г.) / отв. ред. А. Х. Абашидзе, Е. В. Киселева. — М.: РУДН, 2012. — Ч. 1. — С. 559–571.

9. *Онищук І. І.* Вдосконалення нормативно-правового регулювання моніторингу якості та ефективності нормативно-правових актів в

Україні // Наук. зап. Ін-ту законодавства Верховної Ради України. — 2017. — № 1. — С. 7–12.

10. *Онищук І. І.* Сутність правового моніторингу в механізмі правового регулювання // Наук.-інф. вісн. Івано-Франківськ. ун-ту права ім. Короля Данила Галицького — 2015. — № 12. — С. 54–61.

11. *Рабінович П. М.* Основи загальної теорії права та держави: навч. посіб. — 10-е вид., доп. — Львів: Край, 2008. — 224 с.

12. *Сальвіа М.* Прецеденты Европейского суда по правам человека. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. — 1072 с.

13. Теорія держави і права: академ. курс: підруч. / за ред. О. В. Зайчука, Н. М. Оніщенко. — 2-е вид., перероб. і доп. — Київ: Юрінком інтер, 2008. — 688 с.

14. *Тихомиров Ю. А.* Роль правового мониторинга в обеспечении эффективности правовой ситемы // Вестн. Совета Федерации. — 2006. — № 4 (5). — С. 22–28.

15. Rule-of-law tools for post-conflict states. Monitoring legal systems / United Nations. — New York and Geneva, 2006. — 52 p.

16. Rule of Law Checklist / adopt. by the Venice Commission at its 106th Plenary Session (Venice, 11–12 March 2016). — Strasbourg, 2016. — 53 p.

17. *Dębowczyk T., Oleszkowicz J.* Stosowani e detencji wobec cudzoziemców. Raport z monitoringu i rekomendacje / pod red. T. Sieniowa. — Lublin: Inst. na rzecz państwa prawa, 2013. — 123 s.

18. Strategy for the effective implementation of the Charter of Fundamental Rights by the European Union / European commission. Brussels, 19.10.2010 // <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52010DC0573> (дата обращения: 19.05.2019).

Несмиянов Алексей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
Россия, г. Санкт-Петербург,
nesmijanov@yandex.ru

Правовое государство: проблемы самоограничения власти

С момента появления государства, важнейшим признаком которого является публичная власть, в той или иной форме всегда возникал вопрос о сферах и границах действия данной власти. В силу своей природы и характера государственная власть не склонна к своему сужению и самоограничению, а, скорее, стремится к своему усилению и расширению сфер воздействия на общество. Проблемы ограничения власти и попытки контроля над ней со стороны общества были актуальны в различные исторические периоды развития государств: «...человеческое сознание всегда стремится подчинить и акты властвования юридическим нормам» [3, с. 341].

Негативные последствия неограниченной власти носят не только ретроспективный характер, когда абсолютный монарх сосредоточивал в своих руках всю полноту государственной власти. И в современный период правящие слои (элиты) используют огромные властные полномочия далеко не всегда в интересах общества. В то же время, как отмечают отдельные исследователи, если абсолютная власть ведет к деградации общества и государства, то чрезмерно слабая власть характеризуется как «абсолютно антисоциальное состояние общества, разложение его» [4, с. 303]. Таким образом, проблема в процессе установления пределов власти государства заключается в поиске оптимального уровня власти, соответствующего по своему характеру состоянию общества и установленному в стране политическому режиму.

Анализируя подходы к решению вопросов о границах власти государства, необходимо разделять понятия ограничения государственной власти и ее самоограничения. Ограничение власти, как правило, осуществляется в результате внешнего воздействия на государство каких-либо сил (революция, переворот, внешняя агрессия и др.). Самоограничение власти осуществляется непосредственно самим государством, связано с процессом совершенствования деятельности

государства, его эволюционным развитием и обусловлено его само-сохранением. Причинами самоограничения выступают не внешние силы, а внутренние неблагоприятные обстоятельства (политические, экономические и др.), для устранения которых государство в той или иной мере идет на ограничение своей власти. Таким образом, процесс самоограничения власти на том или ином этапе ее исторического развития связан с решением целей, стоящих перед обществом и государством. Как отмечает М. Н. Марченко, «принципиально важно лишь то, что самоограничение любого, в том числе правового, государства не происходит само по себе, стихийно, вне воздействия на него субъективного фактора, а всегда обусловлено определенными целями и интересами» [4, с. 295].

Проблемы, связанные с самоограничением власти государства, поднимают большинство исследователей теоретических аспектов правового государства. Выявляя причины и мотивы самоограничения власти государства, отдельные авторы аргументируют данное требование «прогрессивностью», «сознательностью» или «инстинктом политического самосохранения» самой власти, утверждают, что феномен самоограничения государства полностью отвечает целям и интересам самого государства, создавая необходимые предпосылки для его совершенствования и последующего укрепления власти.

В конце XIX — начале XX в. в России заслуживают внимания теоретические разработки правовой модели государственности на основе ограничения произвола власти посредством развития гуманистических традиций. Ярким выразителем данных идей выступал С. А. Котляревский, считавший, что «власть должна быть ограничена правом во имя справедливости <...> Правовое государство — это преддверие, так сказать, общезжития, гармонирующего с духовными запросами человека» [1, с. 27–28]. По мнению известного российского цивилиста, теоретика права Г. Ф. Шершеневича, так называемая прогрессивность государства «обнаруживается именно в том, что оно сумело раньше и лучше уловить требования времени и приспособиться к ним <...> Властвующим вынуждены поступиться частью своих интересов и возбудить интересы широких масс. Общий интерес нередко является интересом властвующих, и чем дальновиднее последние, тем лучше умеют они согласовать свои частные интересы с общим интересом» [7, с. 216].

Другой видный русский ученый, философ права, исследователь проблем государственного права Н. М. Коркунов в своих исследованиях выступает с позиций понимания власти как силы, обусловленной «сознанием зависимости подвластных», и делает вывод об объективности самоограничения государственной власти «независимо от сознательных расчетов целесообразности со стороны самих органов власти» [3, с. 344], о естественности данного процесса в связи с эволюционным развитием как общества, так и самого государства, полагает, что «огра-

ничество власти правом, и притом с развитием общественной жизни все более и более развивающееся, есть несомненный исторический факт» [3, с. 341].

В конце XX в. концепция и идеи правового государства в российской государственности уже не только имеют теоретический аспект, но и находят свое юридическое закрепление в конституционном законодательстве. Однако модель правового государства не создается и не реализуется сама по себе и сама собой. Требуются определенные исследования как для теоретической разработки государственной модели, так и для последующей ее реализации, в том числе и в плане связанности правом и самоограничения государственной власти. В различных научных публикациях, посвященных отдельным характеристикам правового государства, сохраняется институциональный подход к анализу государства, однако, как заметил Ю. А. Тихомиров, «крупных исследований о правовом государстве в нашей стране нет» [6, с. 94].

Разобраться с характеристикой правового государства возможно лишь на основе современных трактовок сущности государства. Исследуя проблему самоограничения власти, М. Н. Марченко поднимает ряд «вопросов, касающихся самого понятия и сути данного феномена, именуемого самоограничением государства, его мотивов и пределов, форм его выражения и фактического проявления» [4, с. 281]. В частности, анализируя проблемы самоограничения власти, автор аргументирует ряд актуальных для современных государств положений, которые выдвигаются как исходные:

— об относительной самостоятельности государства и права по отношению друг к другу;

— об одинаковом статусе государства и права (или приоритете права перед государством) в процессе их взаимосвязи и взаимодействия;

— об ассоциации самоограничения власти именно с правовым государством (но не полицейским);

— о многомерности феномена правового государства;

— о многоликости и многомерности такого явления, как государственная (публичная) власть, подвергающаяся ограничению или самоограничению.

Самоограничение власти государства не является самоцелью правового государства. Процесс самоограничения властных полномочий в условиях формирования правового государства необходимо рассматривать лишь в качестве одного из средств по решению стоящих перед государством задач, по повышению эффективного взаимодействия с гражданским обществом.

Одной из проблем самоограничения власти правового государства является установление пределов такого самоограничения. Исходя из того, что государство как политический институт выступает производным общества и отражает степень его развития, следует признать, что

«приоритетным началом становления и развития правового государства должно выступать в первую очередь именно качественное состояние общества» [5, с. 59]. Именно развитое гражданское общество выступает системообразующим фактором правового государства и предпосылкой самоограничения государственной власти. Заслуживают внимания утверждения теоретиков правового государства, что гражданское общество выступает в качестве социальной базы, способствующей развитию признаков правового государства, что «правовое государство может возникнуть только на базе общества гражданского» [2, с. 26]. Вместе с тем отмечается и взаимное влияние государства и общества в процессе самоограничения власти. О данном взаимовлиянии писал еще Н. М. Коркунов, отметив, что «государственная власть, стесняя, ограничивая себя ради правомерного образа действия, не может вместе с тем не укреплять себя, потому что это ограничение усиливает прежде всего правовое чувство в обществе» [3, с. 342].

Следует упомянуть, что процесс самоограничения власти не только связан с готовностью самого государства к проведению необходимых реформ, но и зависит от других элементов политической системы общества, от их наличия, уровня их развития и функционирования. Выступая доминирующим звеном политической системы, государство должно предусматривать, каким образом проводимые им самоограничения отразятся на деятельности других субъектов политической системы, на стабильности и сбалансированности политической системы в целом. Процесс самоограничения власти должен носить дифференциальный характер в зависимости от состояния экономики страны, стабильности общественных отношений, международной ситуации и других факторов жизни общества.

Если самоограничительные процессы государства соответствуют интересам других элементов политической системы, выражающих интересы определенных групп общества, находят их поддержку, то уровень восприятия и реализации этих процессов будет эффективным. В противном случае данные процессы могут иметь негативные последствия для общества в целом. Как отмечает М. Н. Марченко, «уровень позитивного восприятия различными элементами процесса самоограничения государства может рассматриваться в качестве одного из ограничителей или пределов развития и осуществления в конкретной среде данного процесса» [4, с. 299].

Таким образом, в современных условиях возрастает роль взаимоотношений государства и различных структурных элементов политической системы. Роль правового государства заключается в создании благоприятных условий для развития и успешного функционирования всех субъектов политической системы. В то же время развитая политическая система выступает в качестве определенного критерия пределов власти правового государства, определяющего границы самоогра-

ничения сферы применения его властных полномочий без нанесения ущерба стабильности и целостности данной системы и интересов гражданского общества. Необходимо отметить, что в данном процессе не может быть какой-либо единой модели или алгоритма действий, а для каждой политической системы уровень самоограничения власти государства определяется им самостоятельно и в соответствии с конкретной ситуацией.

Список литературы

1. *Виноградов Н. А.* Идеи правового государства в трудах С. А. Котляревского // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2008. — № 1.
2. *Грецов Ю. И.* Кто (и что) скрывается за понятием «правовое государство»? // Мат. междунар. научн.-практ. конф. «Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы». — СПб.: Астерион, 2009. — 388 с.
3. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права / сост., вступ. ст., комм. А. Н. Медушевского. — М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2010. — 520 с.
4. *Марченко М. Н.* Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование): учеб. пособие. — М.: Проспект, 2015. — 648 с.
5. Правовое государство и права человека: моногр. / под общей ред. А. И. Бастрыкина. — М.; СПб.: РПА Минюста России, 2012. — 220 с.
6. *Тихомиров Ю. А.* Правовое государство: проблемы формирования и развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2011. — № 5.
7. *Шершеневич Г. Ф.* Избранное: в 6 т. — М.: Статут, 2016. — Т. 4. (вкл. Общую теорию права) / вступ. сл., сост. П. В. Крашенинникова. — 752 с.

Мушнина Людмила Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент,

Санкт-Петербургский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,

Россия, г. Санкт-Петербург,

milavas@mail.ru

Суд в римской комедии

Тексты римской комедии, относящиеся к III в. до н. э., дошли до нас достаточно хорошо сохранившимися благодаря тому, что и в древности, и в средние века, и в эпоху Возрождения пользовались широкой популярностью: их тексты переписывались, вследствие чего существовала надежная традиция. Среди древних римских комедиографов (III в. до н. э.) наиболее известны двое: Плавт и Теренций.

Следует отметить, что ранняя римская комедия как жанр имела свою специфику. В древнем Риме существовали два вида комедии: комедия тогата (или комедия тоги) и комедия паллиата (или комедия плаща). Первая получила свое название от верхней римской одежды — тоги. Содержание такой комедии основывалось на исключительно местном италийском материале, ей были присущи веселье и местный юмор, а персонами были простые люди незнатного происхождения. В числе авторов такой комедии Афраний, Титиний и Атта. Тексты их пьес до нас не дошли и известны только по небольшим фрагментам.

Другой вид римской комедии соотносится с названием греческой верхней одежды (*pallium* — короткий плащ). В жанре комедии паллиаты авторы использовали творчество греческих комедиографов эллинистического периода, т. е. представителей новоаттической комедии: Менандра, Филемона, Дифила. При этом специфика такого использования состояла в том, что римские комедиографы, опираясь на греческие образцы, могли соединять в одной комедии сцены, заимствованные из разных греческих пьес. Такой прием назывался контаминацией. Самыми известными представителями комедии паллиаты являются упомянутые выше римские комедиографы Плавт и Теренций.

Биографические данные о Тите Макции Плавте (250–184 гг. до н. э.) очень скудны. Традиционно полагают, что место его рождения — г. Сарсины (Умбрия). По происхождению он принадлежал к низшим слоям общества. Плавту приписывают авторство более 120 комедий, из них 20 сохранились и дошли полностью. Из содержания комедий мож-

но сделать вывод о ярко выраженной демократической направленности убеждений их автора. Тематика пьес — бытовая. Обращение Плавта к греческим сюжетам было вынужденным, поскольку правящая аристократия не давала возможности писать злободневные комедии на темы италийской повседневности. Плавт — один из изобретателей комедии паллиаты. Он помещал действие своих комедий в греческую реальность, давая греческие имена действующим лицам и одевая их в греческие одежды, но наделял греческих героев римскими чертами. При этом Плавт старался вводить в свои пьесы римскую действительность и бытовые реалии, поэтому современники могли узнавать в персонажах комедий самих себя, римскую действительность и нравы. Отметим также, что благодаря стремительно развивающейся интриге, живому действию, колоритной разговорной речи действующих лиц комедии Плавта относятся к типу *comodia motoria* (подвижная комедия), которая характеризуется особенно выразительным языком персонажей.

Романизируя греческие сюжеты, Плавт во многих своих комедиях изображает черты римского уклада жизни, романской культуры, римского суда, органов римского самоуправления.

Процедура римского суда несколько раз воспроизводится в комедиях Плавта. Как известно из римского права, римский легисакционный процесс делится на 2 части: *in iure* и *in iudicio* [1]. В стадии *in iure* гражданин выяснял чисто правовую сторону дела: наличие иска и соблюдение процедуры. Чиновником (магистратом), который квалифицировал правовую сторону дела и рассматривал его в отношении правовых норм, был сначала консул, а затем претор (*praetor peregrinus* для споров с иностранцами и *praetor urbanus* для споров между римлянами). Помимо обращавшегося с иском требовалось присутствие и другой стороны, причем стороны должны были явиться лично. Завершалась эта стадия тем, что, проверив соответствие предъявленного иска установленному в законе, магистрат назначал судью и дело переходило в следующую стадию. Вторая стадия, *in iudicio*, была посвящена проверке фактической стороны дела. Этим занимались постоянная коллегия или специально созданное жюри, единоличный судья или избранный общим собранием арбитр. Процесс завершался принятием решения (*sententia*), которое выносилось как результат спора, возникшего между сторонами.

Реминисценции обеих составляющих судебного процесса мы находим во многих комедиях Плавта. Упоминание о преторе содержится, например, в комедии «Вакхиды», где раб Хрисал рассказывает о том, как сын хозяина отсудил деньги за подложный перстень (ст. 270: «... назначил претор судей, он был вынужден»; ст.273: «Отдать те деньги, суд решил так, золотом монет тысячу двести» (пер. А. Артюшкова)).

В комедии «Клад», для того чтобы в смеховой манере подчеркнуть скупость старика с греческим именем Эвклион, неожиданно нашедше-

го горшок с золотом, один из героев говорит: «Подумай, до чего он скуп и скареден! // Недавно коршун кашу у него унес: // Идет, рыдая, к претору и с плачем там // И с воем просит, чтобы с поручительством // К суду привлечь ему бы дали коршуна!» (ст. 316–320; пер. А. Артюшкова).

В этой же комедии старик Эвклион, подозревая в краже горшка с золотом молодого человека по имени Ликонид, влюбленного в его дочь, грозит: «К претору стащу тебя я! Жалобу подам, клянусь, // Если не вернешь» (ст. 760–761).

В пьесе «Куркулион» (имя парасита, в переводе означает «хлебный жучок») меняла по имени Ликон рассуждает о своих должностях и особенно о тех, кому он должен сам: «Богат я, если им долгов не выплачу. // Коль им долги отдам — внакладе буду я... // Коль слишком будут лезть, обжалую претору» (ст. 373–375; пер. А. Артюшкова).

Таким образом, внутри комедии с греческим сюжетом мы видим чисто римскую судебную процедуру, позволяющую Плавту, с одной стороны, глубже раскрыть характеры своих персонажей, а с другой — ненавязчиво подчеркнуть специфическое содержание тех дел, которые рассматривались в римском суде.

Как известно, вторая сторона римского судебного процесса называется *in iudicio*, т. е. сам судебный процесс, в течение которого исследуется дело, отыскиваются виновные, доказываются их виновность, виновные привлекаются к ответственности, а невиновные отпускаются. Этот процесс в комедиях Плавта в основном выглядит пародийно, особенно потому, что он происходит внутри греческого антуража комедии. В пьесе «Канат» воспроизводится в пародийной манере церемония римского суда. Этот судебный процесс обыгрывается комическими героями пьесы. Рыбак-раб по имени Грип после кораблекрушения находит среди обломков корабля тростниковую шкатулку с детскими игрушками бежавшей от сводника Лабрака рабыни по имени Палестра. Эти игрушки принадлежали дочери знатного человека по имени Демонес, и по ним он опознает ее как свою дочь, т. е. рабыня Палестра оказывается не рабыней, а свободной. Однако раб Грип не сразу отдает найденную шкатулку, настаивая на судебном расследовании, чтобы доказать, что содержимое шкатулки принадлежит именно ему, поскольку именно он ее нашел. Судебный спор по поводу принадлежности содержимого найденной шкатулки в пародийной манере ведут два раба: Грип и Трахалион. Последний, не зная точно, насколько ценные вещи лежат в шкатулке, требует поделить ее содержимым (ст. 956–958): «Мне известно, кого обокрал ты. Давай // Мне теперь половину. Владельцу тогда // Я доноса не сделаю». Грип, однако, отказывается (ст. 959–960): «У меня теперь не в силах отобрать ее, // И ты не рассчитывай, что ею завладеешь» (пер. А. Артюшкова).

Наконец, Грив в духе софистов устраивает якобы судебный спор, уподобляя найденную шкатулку пойманной рыбе, и доказывает, что все, что в море поймано или найдено, принадлежит тому, кто это нашел, ибо море общее (ст. 972–1010). Далее появляется считавшаяся рабыней девушка Палестра и опознает содержимое шкатулки. Знатный человек Демонес, выступавший в этом споре третейским судьей, оказывается ее отцом. Таким образом, в контексте пьесы с греческим сюжетом выступает, хотя и в пародийной форме, римская действительность в виде изображения соревновательного момента в судебном споре.

Пародия на судебное разбирательство и сугубо римскую традицию вербальных контрактов присутствует, например, в уже упомянутой пьесе «Куркулион» (ст. 683–722). В этом месте комедии речь идет о своднике по имени Каппадок, не желающем выполнить свое обещание вернуть деньги за девушку, которую он купил у воина как рабыню, но оказавшуюся свободнорожденной гражданкой. Внутри судебного спора в смеховой манере обыгрывается древний обряд вербального контракта, или стипуляции, издавна существовавший в Риме, по обычаю предков (*more majorum*). Как известно, этот обряд представлял собой словесное (вербальное) обязательство, возникающее посредством вопроса и ответа, причем ответ должен был точно соответствовать вопросу, иначе стипуляция считалась несостоявшейся [2].

Этот обряд в комедии «Куркулион» представлен следующим образом. Воин Терапонтигон, оказавшийся братом девушки, спрашивает у сводника Каппадока: «*Quodne promisti?*» — «Разве ты это не обещал?» (вернуть деньги, если девушка окажется свободной). Тот отвечает: «*Qui promisit?*» — «Кто пообещал?». Другой герой, жених девушки, говорит: «*Lingua*» — «язык». Далее идет реплика сводника: «*Eadem nunc nego*» — «Им же (языком) я теперь отрицаю» (ст. 705). Ниже в этом же фрагменте имеется еще один пример стипуляции с отрицательным ответом: «*Promitin, si liberali quisquam hanc asserered manum, te omne argentum redditurum? — Non commemini dicere*» — «Обещал ли ты, что вернешь все деньги, если она окажется свободной? — Не помню, чтобы я это говорил» (ст. 709–710). В обоих приведенных случаях стипуляции должник отвечает отказом, всячески пытаясь уклониться от уплаты и стараясь сделать стипуляцию несостоявшейся.

Отметим, что кроме суда у Плавта можно встретить отображение современных ему явлений, характерных для римской общественной жизни: патроната и клиенты, получивших широкое распространение, когда Рим, присоединив средиземноморские территории, стал превращаться в великую империю. В комедии с греческим сюжетом о братьях-близнецах «Два Менехма» Плавт с сожалением говорит о том, что у богатых римлян стало модно окружать себя клиентами: «Клиентов побольше хотим залучить мы, // А честные, нет ли — какое нам дело. //

Теперь нам важны только деньги клиента, // Нам нужен богатый, хотя б и мошенник. // Закон, справедливость и право не ставят // Они ни во что и патронов терзают // Взяв долг отрекаются, рады судиться» (ст. 574–581; пер. А. Радлова).

Если же темные дела клиентов обнаруживаются, идти за них в суд и отвечать в суде перед народом и претором должен патрон (ст. 587).

Плавт часто упоминает о должностных лицах римской власти: об эдилах, преторах, консулах, которые имеют отношение не к греческому, а к римскому управлению. Кроме того, внутри пьес с греческим сюжетом он говорит об учреждениях римского государства, например о сенате, куриях и т. д.

Поскольку условия римского театра не давали возможности напрямую показывать со сцены социальную сатиру, Плавт на греческом фоне своих комедий, используя атмосферу игры и смеха, показывает чисто римские явления: судебный процесс, свидетелей, третейских судей, римский обряд стипуляции, сатирически изображает патронат и клиентелу, а также ростовщиков, менял и других представителей римского общества.

Другой автор архаической римской комедии, Публий Теренций Афр (195–159 гг. до н. э.), соединяя в своих пьесах произведения нескольких греческих авторов, в противоположность Плавту стремился точно следовать греческим оригиналам и сохранять греческий антураж, художественные особенности и структуру греческого источника (новоаттическая комедия). Именно по этой причине в произведениях Теренция можно найти намного меньше явлений римской действительности, чем у Плавта. В отличие от Плавта у Теренция вообще отсутствуют сцены римского суда и все спорные вопросы его героев решаются строго по греческим правилам. Поэтому в данной статье его произведения не являются предметом рассмотрения, несмотря на прекрасный стиль и язык его комедий.

Список литературы

1. *Иоффе О. С., Мусин В. А.* Основы римского гражданского права. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. — С. 19.
2. *Черниловский З. М.* Римское частное право. — М.: Новый юрист, 1997. — С. 170–172.

**К вопросу о предмете доказывания по спору
о взыскании страхового возмещения по договору ОСАГО
в денежной форме в случае нарушения страховщиком срока
выдачи направления на восстановительный ремонт**

Правовые, экономические и иные организационные основы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, заключение договоров в рамках которого для владельцев транспортных средств на территории Российской Федерации обязательно (для возможности их функционального использования «без нормативных пороков»), помимо положений гл. 48 Гражданского кодекса РФ и закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» урегулированы федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее: закон об ОСАГО).

Данным нормативным правовым актом установлены несколько способов возмещения причиненного в результате наступления страхового случая ущерба: общий порядок возмещения вреда, порядок прямого возмещения убытков, безальтернативный прямой порядок возмещения ущерба. Использование любого из указанных способов взыскания страхового возмещения в размере, необходимом для организации восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, не является безусловной прерогативой потерпевшего, поскольку законом об ОСАГО предусмотрены отдельные условия, одновременное наличие которых позволит использовать тот или иной способ возмещения убытков. По общему правилу, установленному в п. 15.1 ст. 12 закона об ОСАГО, страховое возмещение вреда осуществляется путем организации и (или) оплаты стоимости восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, находящегося в собственности гражданина и зарегистрированного в Российской Федерации (страховое возмещение вреда в натуре). В то же время п. 16.1 данной нормы установлены случаи, при которых страховое возмещение может иметь денежную форму выражения (страховое возмещение в денежной форме). Страховое возмещение в натуральной форме (выдача направления

на восстановительный ремонт поврежденного транспортного средства, его организация и оплата) предполагается приоритетно реализуемым по заявлению потерпевшего, который при заключении договора ОСАГО со страховой компанией вправе определить соответствующий способ возмещения вреда. Одновременно следует учитывать, что организация и оплата стоимости восстановительного ремонта не освобождает страховщика от возмещения иных расходов, связанных с наступлением страхового случая, о чем потерпевшим также может быть подано страховщику соответствующее заявление.

В силу п. 21 ст. 12 закона об ОСАГО выдача направления на восстановительный ремонт должна быть осуществлена страховщиком в течение 20 календарных дней, а в случае организации потерпевшим с согласия страховщика восстановительного ремонта на станции технического обслуживания, с которой у страховщика не заключен договор на организацию восстановительного ремонта, — 30 календарных дней, за исключением нерабочих и праздничных. Данные сроки подлежат исчислению со дня принятия страховщиком соответствующего заявления от потерпевшего.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 52 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в случае нарушения страховщиком срока выдачи направления на восстановительный ремонт потерпевшему последний вправе обратиться в суд с иском о возмещении о взыскании страхового возмещения в денежной форме.

Вместе с тем при судебной защите прав потерпевшего возникает ряд вопросов, которые с позиции процессуальной составляющей для разрешения спора могут повлиять на его исход. Так, например, в случае если у страховщика не заключены со станциями технического обслуживания договоры на организацию восстановительного ремонта поврежденных автомобилей, обязан ли потерпевший предложить страховщику станцию технического обслуживания на свое усмотрение? Действительно ли является такое действие потерпевшего обязанностью? Является ли обязательным для страховой организации такое предложение от потерпевшего с учетом отсутствия каких-либо договоров у нее? Не будет ли оценено судом поведение страховщика (отказ в выдаче направления на ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания, предложенной потерпевшим) как злоупотребление правом? Надлежащее разрешение данных вопросов фактически скорректирует не только предмет доказывания по делу, но и позволит принять правильное судебное решение.

Однако первоначально все же следует напомнить, что предмет доказывания в гражданском процессе можно понимать как обстоятельства (юридические факты), устанавливаемые в целях разрешения дела,

круг которых определяется судом на основании требований и возражений лиц, участвующих в деле, а также норм права, подлежащих применению [2, с. 70]. В доктрине советского цивилистического процесса К. С. Юдельсоном разработана концепция, дополняемая исследователями в настоящее время, согласно которой в предмет доказывания по любому гражданскому делу входят три группы фактов: факты легитимации (активной и пассивной), факты повода к иску, факты непосредственно правопроизводящие [6, с. 479]. Представленная классификация фактов, входящих в предмет доказывания по гражданскому делу, касается лишь фактов материально-правового характера, лежащих в основании спора, и является условной. В этой связи следует согласиться с высказыванием М. А. Фокиной о том, что и иные факты, значимые для рассмотрения дела, также доказываются в суде [4, с. 492].

Комплексное по содержанию определение предмета доказывания как особой процессуальной категории, сформулированное М. К. Трушниковым, предполагает совокупность фактов, имеющих материально-правовое значение для правильного разрешения дела по существу и применения соответствующей нормы материального права. Главное, что понятие предмета доказывания связано с правилами распределения обязанностей по доказыванию, а также с применением норм материального права для вывода о субъективном праве. В ряде случаев один и тот же юридический факт может быть одновременно отнесен к разным видам указанных выше обстоятельств [3, с. 24–25].

Применительно к автостраховым спорам фактами легитимации, имеющими двойственную природу (активной и пассивной легитимации), которые позволяют установить наличие правовой связи с предметом спора между истцом и ответчиком соответственно, в рамках требования о возмещении страхового возмещения в любом случае будут являться:

— факты активной легитимации: факт принадлежности поврежденного в результате дорожно-транспортного происшествия транспортного средства лицу, заявляющему требования о взыскании страхового возмещения; факт признания этого лица в установленном законом порядке потерпевшим в результате произошедшего дорожно-транспортного происшествия; факт обращения истца к страховой организации в установленные законом сроки и с соблюдением порядка такого обращения; факт обращения потерпевшего к финансовому уполномоченному после обращения к страховой организации в случае несогласия с ответом страховой организации или неполучением такого ответа; факт наличия у истца материального правомочия требования страхового возмещения в соответствии с условиями заключенного договора ОСАГО;

— факты пассивной легитимации: факт заключения страховщиком договора ОСАГО с конкретным страхователем; факт принадлежности

транспортного средства, в результате использования которого причинен вред, лицу, чья гражданская ответственность застрахована у страховщика; факт действия договора страхования в момент наступления страхового события (в том числе факт уплаты страхователем страховой премии по договору ОСАГО); факт признания страховщиком произошедшего страхового события (дорожно-транспортного происшествия) страховым случаем.

К фактам, свидетельствующим, что право истца нарушено или оспорено и подлежит судебной защите, коими именуются факты повода к иску, можно отнести следующие: факт отказа страховщика от выдачи направления на ремонт поврежденного транспортного средства или факт отказа в выплате страхового возмещения по страховому случаю в денежной форме (по различным основаниям) в установленные законом сроки; факт выплаты такого страхового возмещения в денежном эквиваленте в заниженном размере, недостаточном для восстановления поврежденного транспортного средства; в случае наличия заявления страхователя о выплате страхового возмещения в связи с полной гибелью транспортного средства факт выплаты страхового возмещения в виде действительной стоимости этого имущества в заниженном, по мнению страхователя, размере; факт обращения потерпевшего к финансовому уполномоченному для рассмотрения своего обращения о несогласии с действиями (решением) страховщика.

Третью группу фактов, входящих в предмет доказывания, составляют факты непосредственно правопроизводящие, которые лежат в основе возникновения спорного материального правоотношения. И поскольку некоторые юридические факты могут входить в несколько условно выделяемых фактов, составляющих общий предмет доказывания по делу, в рамках автостраховых споров к таковым следует отнести следующие: факт наличия действующего договора ОСАГО, факт наступления страхового события, признаваемого страховщиком страховым случаем; факт отказа в выплате страхового возмещения в денежной форме (либо выплата в существенно меньшем размере, чем необходим для восстановительного ремонта) либо факт отказа в выдаче направления на восстановительный ремонт транспортного средства на станции технического обслуживания; факт обращения потерпевшего к финансовому управляющему с заявлением о неисполнении или ненадлежащем исполнении страховой организацией обязательств по договору ОСАГО.

В случае если правопроизводящим фактом является факт отказа страховщика в выдаче направления на ремонт транспортного средства, в том числе по мотиву отсутствия заключенных договоров с конкретными станциями технического обслуживания на организацию восстановительного ремонта, предмет доказывания по делу будет несколько

видоизменен. В такой ситуации прежде всего подлежит установлению факт действительного отсутствия таких договоров, что может быть подтверждено различными средствами доказывания (например, письмами, справками). В случае наличия договора со станцией технического обслуживания, на которой страховщик отказывает в проведении восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, в предмет доказывания по делу будет включен факт невозможности проведения такого ремонта с обоснованием причин (факты, свидетельствующие об отсутствии вины страховщика, непреодолимой силы). Подлежит также установлению факт предложения страхователем страховщику станции технического обслуживания, определенной им по своему усмотрению, на которой возможно проведение восстановительного ремонта. В силу п. 3.1 закона об ОСАГО в заявлении о заключении договора обязательного страхования страхователь при наличии согласия страховщика в письменной форме вправе указать иную станцию технического обслуживания (не из перечня станций технического обслуживания, предложенного страховщиком), на которой страховщиком, застраховавшим ответственность страхователя, при наступлении страхового случая будет организован и (или) оплачен восстановительный ремонт поврежденного транспортного средства в рамках прямого возмещения убытков. Иными словами, с первоначального этапа организации обязательного страхования в рамках договора ОСАГО предусмотрена возможность страхователя предложить иную станцию технического обслуживания, с которой у страховщика отсутствуют договорные обязательства, при этом соответствующую всем нормативным требованиям. Таким образом, законодательством предоставлена потерпевшему альтернатива выбора станции технического обслуживания для последующей организации восстановительного ремонта транспортного средства, которую надлежит согласовать при заключении договора ОСАГО. В то же время положениями закона об ОСАГО не предусмотрена обязанность потерпевшего (при наступлении страхового случая и отсутствии у страховщика приемлемых для ремонта станций технического обслуживания) предлагать свою станцию, если ранее (на стадии заключения договора ОСАГО) она не была согласована со страховщиком. Поэтому представляется обоснованным, что предложение страхователем страховщику своей станции технического обслуживания само по себе не должно служить основанием для отказа в выплате страхового возмещения в виде денежного эквивалента и не может влиять на возможность заявления страхователем требований о взыскании страхового возмещения в денежной форме. Исходя из этого, установление в ходе судебного разбирательства бездействия страхователя, не предложившего страховщику свою станцию технического обслуживания, не может расцениваться как злоупотребление им правом, поскольку иное будет исключать возможность судебной защиты права

потерпевшего путем взыскания неустойки за нарушение срока выдачи направления на восстановительный ремонт.

С учетом распорядительных действий страховщика, который может либо в принципе согласиться с предложенной потерпевшим станцией технического обслуживания, либо проигнорировать предложение, предмет доказывания по делу также будет условно «корректироваться». Так, в случае согласия страховщика с предложенной страхователем станцией технического обслуживания в предмет доказывания будут включаться: факт соответствия предложенной страхователем станции технического обслуживания установленным правилами страхования требованиям к организации восстановительного ремонта; факт согласования страховщиком, станцией технического обслуживания и потерпевшим сроков осуществления восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства; факт организации и оплаты восстановительного ремонта на этой станции. В случае мотивированного отказа страховщика (либо его молчаливого игнорирования) относительно избранной страхователем станции технического обслуживания существенным обстоятельством будет являться установление в действиях страховой организации злоупотребления правом в контексте Гражданского кодекса РФ. Не ставя задачу исследования содержательной характеристики злоупотребления правом, можно указать, что действующее законодательство исходит из недопустимости использования субъективного права, реализация которого осуществляется в противоречии с основополагающим принципом правового регулирования. По справедливому мнению профессора А. И. Экимова, субъективное право, использованное во вред обществу, по существу изменяет свой социальный смысл. Фактором, приводящим его в действие, становится узкокорыстный, эгоистический интерес, отрицающий правомерность существования всякого интереса [5, с. 90]. Нельзя не согласиться с позицией В. Ф. Антонова, согласно которой при осуществлении субъективного права управомоченное лицо обязано руководствоваться представлением о необходимости поддержания баланса интересов в конкретных сферах законодательного регулирования. В целом ответственность за злоупотребление субъективным правом обуславливается необходимостью разграничения правомерного и неправомерного поведения на правоприменительном уровне. Вывод о злоупотреблении правом основывается на анализе правового положения заинтересованного субъекта, обладающего определенными полномочиями. В целом границы субъективного права определяются совокупностью нормативных актов, обеспечивающих реализацию этого права [1, с. 80–84]. Установив в действиях страховщика злоупотребления правом путем оценки его возможных (с точки зрения нормативного регулирования) действий с проекцией на фактические действия, надлежит осуществлять оценку действий страховщика через призму возможного (дозволенного и

правомерного) поведения и соответствия совершенных действий нормам материального права.

Не стоит забывать, что страховщик как организация, оказывающая страховые услуги, может применять различные формы и действия для обеспечения прежде всего своих коммерческих интересов. Как показывает актуальная судебная практика, имеют место случаи, когда страховая организация самостоятельно и без уведомления страхователя изменяет станцию технического обслуживания, на которой должен быть организован и оплачен восстановительный ремонт поврежденного транспортного средства. Так, в рамках рассмотрения кассационной жалобы по одному из гражданских дел по спору о взыскании страхового возмещения Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что, поскольку полис причинителя вреда и виновника дорожно-транспортного происшествия выдан 13 мая 2017 г., т. е. уже после внесения изменений в закон об ОСАГО, к страховому случаю подлежали применению положения закона об ОСАГО в редакции от 28 апреля 2017 г., устанавливающие, что страховое возмещение вреда, причиненного легковому автомобилю, находящемуся в собственности гражданина и зарегистрированному в Российской Федерации, осуществляется путем организации и (или) оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего (возмещение причиненного вреда в натуре); по общему правилу положения п. 3.1 ст. 15 закона об ОСАГО о возмещении вреда в форме страховой выплаты применяются в случае, когда при заключении договора обязательного страхования стороны согласовали конкретную станцию технического обслуживания для проведения восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства, однако у страховщика отсутствует возможность организовать проведение ремонта на указанной станции. Поскольку при заключении договора обязательного страхования компания и страхователь не определили станцию технического обслуживания для проведения восстановительного ремонта и в страховом полисе данные о таком согласовании отсутствуют, вывод суда апелляционной инстанции о наличии злоупотребления в действиях страховщика, выразившегося в виде замены станции технического обслуживания для ремонта автомобиля без согласия истца, является несостоятельным.

В предмет доказывания фактов материально-правового характера по спору, в основании которого находятся обстоятельства неправомерной замены страховщиком станции технического обслуживания на иную, не согласованную со страхователем станцию, будут включаться: факт наличия согласования между страховщиком и страхователем относительно конкретной станции технического обслуживания для организации и проведения восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства; факт наличия внешнего отображения данного

согласования в полисе ОСАГО как в документе, подтверждающем заключение договора ОСАГО. Представляется оправданным отнесение данных фактов к числу поводов к иску, поскольку они позволяют установить связь определенной обязанности с ответчиком, и одновременно к фактам правопроектирующим, ибо из них вытекает материальное требование истца. В обстоятельства, подлежащие доказыванию в приведенном примере, надлежит включить и подгруппу фактов непосредственно правопроектирующих, и факты соответствия станции технического обслуживания установленным правилами обязательного страхования требованиям к организации восстановительного ремонта. Только исходя из установления совокупности приведенных фактов, входящих в предмет доказывания по страховому спору, возможно сделать вывод о правомерности совершенных страховщиком действий, несогласие с которыми выражает в судебном порядке истец. Таким образом, несмотря на кажущуюся банальность и теоретическую разработанность утверждения о необходимости правильного определения предмета доказывания как основополагающего аспекта для оптимального направления судебного исследования обстоятельств дела, этот тезис все более актуализируется в сфере автостраховых споров, в силу своей специфики обладающих разнообразным содержательным началом.

Список литературы

1. Антонов В. Ф. Содержательная характеристика злоупотребления правом // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 1. — С. 80–84.
2. Баулин О. В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. — М.: Городец, 2004. — 272 с.
3. Треушников М. К. Судебные доказательства. — 5-е изд., доп. — М.: Городец, 2016. — 304 с.
4. Фокина М. А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. — М.: Новый индекс, 2010. — 624 с.
5. Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. — 134 с.
6. Юдельсон К. С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. — М.: Госюриздат, 1951. — 295 с.

Ксендзов Юрий Юрьевич,
кандидат юридических наук,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Россия, г. Санкт-Петербург,
yksendzov@mail.ru

Некоторые аспекты обеспечения прав подозреваемого при задержании

Одним из самых распространенных случаев появления в уголовном судопроизводстве процессуальной фигуры подозреваемого является задержание лица по подозрению в совершении преступления в соответствии со ст. 91, 92 УПК РФ. Такой подход можно без преувеличения назвать сложившимся и традиционным в отечественном уголовном процессе. И таким же традиционно нерешенным на уровне Уголовно-процессуального кодекса остается вопрос о правовой регламентации физического, непосредственного ограничения свободы передвижения совершившего преступление лица, именуемого большинством авторов в научной литературе «фактическим задержанием», и о разграничении его с задержанием процессуальным, осуществляемым в порядке ст. 91 УПК РФ [5, с. 75]. В УПК РФ получил закрепление термин «момент фактического задержания», который рассматривается только с точки зрения определения правила исчисления срока задержания подозреваемого в целом (п. 15 ст. 5; ч. 3 ст. 128 УПК РФ). Развитие уголовно-процессуального законодательства в основном идет по пути расширения перечня прав подозреваемого, которые в конечном итоге по объему и содержанию стали сопоставимы с правами обвиняемого, а также закрепления дополнительных гарантий соблюдения прав задержанного лица.

По всей видимости, стремлением добиться усиления прав задержанного подозреваемого можно объяснить внесение дополнений в УПК РФ федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 437-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Так, в ч. 3 ст. 46 УПК РФ предусматривается, что в случае задержания подозреваемого в соответствии со ст. 91, 92 УПК РФ ему предоставляется право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и

месте нахождения. Одновременно такое же положение получило закрепление в ч. 1 ст. 96 УПК РФ, но уже с конкретизацией временного периода, в течение которого задержанный подозреваемый может воспользоваться правом на телефонный разговор: в кратчайшие сроки, но не позднее трех часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю.

Закрепление в УПК РФ права задержанного подозреваемого на телефонный разговор с кем-либо из близких ему лиц, конечно, направлено прежде всего на создание необходимых условий для соблюдения прав граждан. Практическая реализация данного права вполне может оказать плодотворное влияние и на выполнение ряда процессуальных обязанностей следователя (дознателя), но одновременно вступает в противоречие с иными взаимосвязанными положениями УПК РФ и других нормативных актов.

На практике и до закрепления в УПК РФ рассматриваемого права задержанного на телефонный разговор с родственниками в подавляющем числе случаев следователи и дознаватели без промедления осуществляли уведомление родных и близких подозреваемого о его задержании, поскольку своевременное сообщение о данном факте представляет зачастую обоюдный интерес как для этого участника уголовного судопроизводства и его близких лиц, которые будут освобождены от необходимости предпринимать подчас утомительные меры по поиску пропавшего родственника, так и для органов предварительного расследования. Родственники или иные близкие лица могут обладать сведениями о возможной непричастности подозреваемого к совершенному преступлению, имеют больше возможностей осуществить действия по приглашению задержанному защитника. Указанные лица могут предоставить в распоряжение следователя, дознавателя документы, удостоверяющие личность подозреваемого, документы о состоянии его здоровья и в случае необходимости оперативно обеспечить задержанного назначенными к применению медицинскими препаратами, средствами личной гигиены, одеждой.

Знания о близких родственниках и родственниках, о их местонахождении, о их взаимоотношениях с подозреваемым, об уровне доверия подозреваемого к этим лицам могут также способствовать успешному и процессуально экономному выполнению других обязанностей следователя (дознателя). Если у задержанного подозреваемого остались без присмотра и помощи несовершеннолетние дети, другие иждивенцы, а также престарелые родители, нуждающиеся в постороннем уходе, то, как предписывает ч. 1 ст. 160 УПК РФ, следователь (дознатель) принимает меры по передаче их на попечение близких родственников, родственников или других лиц либо по определению их в соответствующие социальные учреждения. Следователь (дознатель) также обязан обеспечить сохранность имущества и жилища задержан-

ного (ч. 2 ст. 160 УПК РФ) и уведомить подозреваемого о принятых мерах (ч. 3 ст. 160 УПК РФ).

Подозреваемый вправе отказаться от телефонного разговора с указанными в законе лицами. Мотивы отказа подозреваемого от предоставленного ему права могут быть вполне житейскими: чувство страха, стыда перед близкими людьми, желание уберечь родственников от потрясений и излишних волнений. Но такой отказ может быть продиктован стремлением не раскрывать таким образом сообщенные задержанным лицом ложные сведения о себе, сохранить в тайне наличие или местонахождение близких ему лиц в случае совершения преступления совместно с ними.

В специальной литературе высказано мнение, что УПК РФ должен предусматривать возможность уведомления родственников только по просьбе самого подозреваемого [10, с. 14]. Однако из содержания ч. 3 ст. 46, ч. 1 ст. 96 УПК РФ следует, что отказ подозреваемого от права на уведомление родственников не носит диспозитивного характера и не является обязательным для должностных лиц органов предварительного расследования. Напротив, как в случае отказа задержанного лица от телефонного разговора с родственниками, так и в ситуации, когда подозреваемый в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществить указанное право, дознаватель, следователь в соответствии с предписаниями ч. 1 ст. 96 УПК РФ обязан сам осуществить уведомление близких родственников, родственников или иных лиц о факте задержания подозреваемого и месте его нахождения. К числу лиц, которые не могут самостоятельно осуществлять процессуальные права, следует относить, в частности, тех, у кого имеется психическое расстройство, не исключающее вменяемости, лиц, страдающих существенным дефектом речи, слуха, зрения либо другим недугом (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»). О состоявшемся уведомлении родственников подозреваемого должна быть сделана соответствующая отметка в протоколе задержания. Представляется, что запись в протоколе задержания должна быть максимально полной и содержать данные о лице, уведомленном о задержании подозреваемого, о времени и способе уведомления. Аналогично и запись в протоколе о состоявшемся телефонном разговоре подозреваемого должна быть достаточно информативной: данные о лице, с которым состоялся разговор, дата, время и продолжительность разговора, номер абонента. Закон не указывает на обязательность фиксирования содержания телефонного разговора, но и не исключает такой возможности. Думается, что в ряде ситуаций отражение в протоколе содержательной части разговора будет процессуально и тактически полезным и оправданным действием со стороны следователя, дознавателя. В протоколе

задержания также следует отметить причины, по которым уведомление указанных подозреваемым близких ему лиц не состоялось.

Ранее действовавшая редакция ч. 1 ст. 96 УПК РФ предусматривала, что следователь, дознаватель обязан уведомить родственников подозреваемого в течение 12 часов с момента задержания. Актуальная редакция данной нормы не позволяет сделать такой однозначный вывод. Рассмотрение во взаимосвязи коррелятивно сконструированных норм, содержащихся в ч. 1 ст. 96 и ч. 1 ст. 92 УПК РФ, позволяет прийти к ряду выводов.

Согласно ч. 1 ст. 96 УПК РФ, о факте использования подозреваемым права на телефонный разговор не позднее трех часов с момента доставления к следователю (дознавателю), об отказе от этого права и произведенном в таком случае следователем (дознавателем) уведомлении одного из близких лиц задержанного должна быть сделана отметка в протоколе задержания подозреваемого. В соответствии с ч. 1 ст. 92 УПК РФ протокол задержания подозреваемого также должен быть составлен не позднее трех часов с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю. Таким образом, уведомление следователем (дознавателем) должно быть произведено уже к моменту составления протокола задержания, т. е. в течение трех часов с момента, доставления к нему подозреваемого. Иное толкование означает предоставление следователю (дознавателю) права составлять протокол задержания подозреваемого в течение 12 часов с момента задержания последнего, а срок, в течение которого подозреваемый должен быть доставлен к следователю (дознавателю), может составлять 9 часов с момента фактического ограничения свободы передвижения лица.

В соответствии с ч. 1 ст. 96 УПК РФ дознаватель, следователь обязан не позднее чем через 12 часов с момента задержания подозреваемого помимо родственников уведомить лиц, указанных в ч. 2, 2.1, 2.2, 3 этой же статьи. При задержании подозреваемого, являющегося военнослужащим, надлежит уведомить командование его воинской части, а в случае задержания сотрудника органов внутренних дел — начальника того органа, в котором проходит службу задержанный сотрудник. При этом в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 5 федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в ред. от 06.03.2019) «О статусе военнослужащих» в случае задержания военнослужащего вне расположения воинской части, в которой он проходит службу, немедленно уведомляются органы военного управления, органы военной прокуратуры и военные следственные органы Следственного комитета РФ. Более того, изложенную ч. 2 ст. 96 УПК РФ следует толковать расширительно. К числу военнослужащих также целесообразно отнести граждан, проходящих военные сборы. Не стоит забывать, что не все должностные лица, согласно российскому законодательству являющиеся военнослужащими, проходят службу в воинских частях (сотрудники органов Федеральной службы

безопасности, Федеральной службы охраны, военной прокуратуры и т. д.). Следовательно, о задержании таких специальных субъектов надлежит уведомлять их руководителей. В ст. 24 федерального закона от 3 июня 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» определено, что личный состав войск национальной гвардии включает в себя не только военнослужащих, но и сотрудников. С точки зрения здравого смысла нелогично предполагать, что о задержании военнослужащего войск национальной гвардии надо ставить в известность его командование, а при задержании сотрудника этих же войск — нет. Вектор рассуждений не позволяет обойти вопрос: почему в данной норме законодатель ограничился указанием лишь на необходимость уведомления руководителей сотрудников органов внутренних дел, тогда как не только представители этого правоохранительного органа имеют особый статус, который предполагает несение службы в постоянном режиме? К числу таковых можно отнести, например, сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы судебных приставов (особенно принимая во внимание предстоящее реформирование данной структуры). Если подозреваемый является членом общественной наблюдательной комиссии, о его задержании должны быть уведомлены в указанный 12 часовой промежуток времени секретарь Общественной палаты РФ и соответствующая наблюдательная комиссия. При задержании в качестве подозреваемого адвоката об этом уведомляется Адвокатская палата субъекта Российской Федерации, членом которой является задержанное лицо. При задержании гражданина или подданного другого государства должно быть уведомлено посольство или консульство этого государства.

При всей позитивности установления дополнительных гарантий обеспечения прав задержанного исследуемые нами положения закона не без оснований подвергаются в научной литературе всесторонней критике. Недоумение и ожидаемое неприятие вызвало у процессуалистов указание в ч. 1 ст. 96 УПК РФ на возможность ведения подозреваемым телефонного разговора с родственником только на русском языке, что воспринимается как нарушение конституционного принципа языка уголовного судопроизводства [6, с. 18]. Вероятно, законодатель исходил из того, что, согласно ч. 1 ст. 18 УПК РФ, уголовное судопроизводство по общему правилу, а на практике априори ведется на русском языке. В то же время ч. 1 ст. 18 УПК РФ допускает возможность производства по уголовным делам и на государственных языках республик, входящих в Российскую Федерацию. При этом лицам, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется уголовное судопроизводство, гарантируется право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, выступать в суде на родном языке или на языке, которым он владеет, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика (ч. 2 ст. 18; п. 7 ч. 3.1 ст. 46 УПК РФ). При

существующей конструкции ч. 3 ст. 46, ч. 1 ст. 96 УПК РФ лицо, не владеющее русским языком, не имеет возможности самостоятельно воспользоваться правом на телефонный разговор. Конечно, такому лицу должен быть предоставлен переводчик, который проведет телефонный разговор на русском языке, а также переведет его содержание задержанному. Но это, если абонент владеет русским языком. Если он тоже не владеет языком уголовного судопроизводства, переводчик должен будет осуществлять двойной перевод [11, с. 309]. В этой ситуации уже не переводчик будет непосредственно вести телефонный разговор, а задержанный. Переводчик должен лишь осуществить достоверный перевод. Заслуживает также внимания предложение о возложении обязанности по уведомлению родственников в случае, когда подозреваемый не владеет языком уголовного судопроизводства, на следователя [1, с. 132]. Другие процессуалисты, исследуя через призму соотношения фактического и процессуального задержания подозреваемого пробелы и недостатки законодательной регламентации прав задержанных лиц, приходят к выводу, что такой гарантии, как предоставление гражданину возможности пообщаться по телефону с родственниками, «не место в системе уголовно-процессуального регулирования; она имеет не столько процессуальный, сколько более общий конституционно-межотраслевой характер» [7, с. 134]. Сторонники данной позиции ссылаются также на почти аналогичное положение о предоставлении фактически задержанному лицу права на телефонный разговор с родственниками, предусмотренного федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 01.04.2019) «О полиции» (далее: закон «О полиции»). В целом поддерживая позицию, что корень правоприменительных проблем безупречного и эффективного обеспечения прав задержанного по подозрению лица заключается в законодательной незавершенности регулирования всего процесса задержания, следует отметить, что и закон «О полиции» в этом вопросе далек от совершенства и весьма противоречив. Это выражается, например, в попытке отделить фактическое задержание лица по подозрению в совершении преступления от действий полиции, связанных с задержанием лиц за совершение иных правонарушений. Так, в ч. 4 ст. 14 закона «О полиции» указывается, что срок задержания лица исчисляется с момента фактического ограничения свободы его передвижения, а срок административного задержания исчисляется в соответствии с законодательством об административных правонарушениях. А вот право на телефонный разговор с родственниками и порядок его осуществления закон «О полиции» в ч. 7 ст. 14 попытался распространить в одинаковой мере на задержанных лиц любых категорий. Однако с весьма существенной оговоркой: если иное не предусмотрено уголовно-процессуальным законом. Тем самым законодатель остановился на признании в этом вопросе приоритета УПК РФ. А с учетом существования ч. 4 ст. 96 УПК РФ, предоставляющей

именно дознавателю, следователю право принимать решение о сохранении в тайне факт задержания подозреваемого, прерогатива любого должностного лица правоохранительного органа предоставить задержанному телефонный разговор с родственником, а тем более не с родственником, а с близким лицом выглядит не столь уж абсолютной — скорее, противоречащей ч. 4 ст. 96 УПК РФ и вредоносной с точки зрения интересов расследования конкретного преступления.

Следует отметить, что ч. 4 ст. 96 УПК РФ принципиально не противоречит нормам международного права и практике применения возможности сохранения факта задержания в тайне на определенный срок, допускаемый уголовно-процессуальным законодательством в зарубежных странах. Так, п. 4 принципа 16 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, утвержденного Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 г. (далее: Свод принципов), предоставляет органам уголовного преследования право отсрочить на разумный срок уведомление членов семьи либо других родственников или знакомых задержанного или заключенного под стражу, если того требуют обстоятельства расследования.

Предоставленное органам предварительного расследования право оставлять в тайне факт задержания подозреваемого рядом процессуалистов подвергается критике и расценивается как нарушающее право подозреваемого на защиту [4, с. 72]. Трудно не согласиться с утверждением, что весьма затруднительно совместить положения ч. 4 ст. 96 УПК РФ с ч. 1 ст. 50 УПК РФ, предоставляющей подозреваемому право самостоятельно пригласить защитника или поручить это сделать какому-либо другому лицу [9, с. 219].

В юридической литературе предлагается рассматривать возможность сохранения в тайне факта задержания подозреваемого в зависимости от тяжести совершенного им преступления [2, с. 123], а также четко определить перечень обстоятельств, в силу которых у следователя (дознателя) может возникнуть право не производить уведомление родственников задержанного подозреваемого. Бесспорно, наиболее очевидным обстоятельством, позволяющим сохранить в тайне факт задержания, является совершение преступления «группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, преступным сообществом (преступной организацией), когда факт задержания кого-либо из членов группы целесообразно держать в тайне от других участников» [3, с. 119]. Однако представляется, что исчерпывающий перечень обстоятельств, дающих право сохранять факт задержания в тайне, установить едва ли возможно. К таким обстоятельствам могут быть отнесены и иные ситуации: возможность уничтожения доказательств родственниками подозреваемого, вероятность воздействия соучастников подозреваемого на свидетелей и потерпевших от преступления, совершение преступления

совместно с родственниками, совершение преступления, спровоцировавшего большой общественный резонанс, когда велика вероятность, что на лиц, ведущих расследование, может быть оказано давление в силу должностного положения самого подозреваемого, его близких родственников, родственников, близких или иных лиц. Кроме того, сохранение в тайне и самого факта задержания, и особенно места содержания под стражей по лежащим на поверхности причинам может быть жизненно необходимым и самому задержанному, например из соображений безопасности при заключении подозреваемым досудебного соглашения о сотрудничестве с органами уголовного преследования. Также не представляется оптимальным предложение по ограничению возможностей органов предварительного расследования сохранять в тайне факт задержания подозреваемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести. Ведь ситуация расследования других совершенных таким подозреваемым преступлений, в том числе тяжких и в составе группы лиц, может складываться так, что более разумнее будет некоторое время не придавать огласке место его нахождения.

УПК РФ не указывает временной промежуток, в течение которого допустимо сохранение в тайне факта задержания подозреваемого и места его нахождения. С одной стороны, на основании содержания приведенного выше п. 4 принципа 16 Свода принципов можно заключить, что международные стандарты допускают подобную меру и в отношении подозреваемого, заключенного под стражу. С другой стороны, следует учитывать, что в законодательстве не всех зарубежных государств проводится четкое разграничение между задержанием и заключением под стражу как мерами уголовно-процессуального принуждения, в ряде случаев они понимаются идентичными действиями органов уголовного преследования, главным содержанием которых является ограничение неприкосновенности личности, лишение (ограничение) свободы и помещение подозреваемого или обвиняемого в места принудительного содержания под стражей.

На сегодняшний день ч. 12 ст. 108 УПК РФ предписывает, что лицо, в производстве которого находится уголовное дело, при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого, обвиняемого незамедлительно уведомляет о месте его содержания под стражей или об изменении места содержания под стражей кого-либо из его близких родственников, а при их отсутствии — других родственников, при заключении под стражу военнослужащего — командование воинской части, при заключении под стражу сотрудника органов внутренних дел — начальника органа, в котором проходит службу данный сотрудник, а при заключении под стражу члена общественной наблюдательной комиссии — соответствующую наблюдательную комиссию и секретаря Общественной палаты РФ. Таким образом, закон не предполагает, что место нахождения, а следовательно-

но, и факт задержания подозреваемого может сохраняться в тайне с момента избрания задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу. В этой связи представляет интерес ситуация, при которой по результатам рассмотрения ходатайства следователя (дознателя) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судьей принимается решение в порядке п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ о продлении срока задержания на срок до 72 часов с момента вынесения судебного решения. В таком случае закон позволяет сохранять факт задержания подозреваемого в тайне до окончательного разрешения вопроса о мере пресечения.

В литературе предлагается в качестве исключения разрешить органам предварительного расследования при задержании несовершеннолетнего по подозрению в совершении преступления совместно с взрослыми не уведомлять законных представителей, но не более чем в течение 24 часов [8, с. 64]. Такие предложения противоречат и отечественному уголовно-процессуальному законодательству, и нормам международного права. Пункт 10.1 Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), при задержании несовершеннолетнего подозреваемого обязывает немедленно, без всяких исключений ставить об этом в известность его родителей или опекунов. Лишь при невозможности немедленного исполнения указанной обязанности законные представители несовершеннолетнего могут быть извещены позднее, но в самые кратчайшие сроки. В ч. 3 ст. 423 УПК РФ также однозначно указывается, что о задержании несовершеннолетнего подозреваемого его законные представители должны быть извещены незамедлительно.

В ч. 4 ст. 96 УПК РФ определено, что решение о сохранении в тайне факта задержания подозреваемого процессуально оформляется мотивированным постановлением следователя (дознателя) и данное постановление должно быть согласовано с прокурором. Однако и здесь законодатель не определил ни срок, ни процедуру получения такого согласия прокурора, тогда как в соответствии с ч. 3 ст. 92 УПК РФ о самом задержании орган дознания, дознаватель, следователь обязан в письменном виде сообщить прокурору в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого, т. е. после составления протокола задержания, в котором уже должна быть отметка об уведомлении родственников. В то же время отведенных для этого следователю трех часов с момента доставления подозреваемого будет, скорее всего, недостаточно для производства всех действий, включая получение согласия прокурора. Логично предположить, что следователь (дознатель) в любом случае не будет уведомлять родственников подозреваемого, до тех пор пока прокурор не примет решение, в том числе и отрицательное. В этой связи целесообразнее предусмотреть в законе обязательность получения

следователем или дознавателем согласия не прокурора, а руководителя следственного органа и начальника органа дознания с незамедлительным уведомлением прокурора о принятом решении и произведенном задержании подозреваемого.

Список литературы

1. *Артемова В. В.* Проблемы законодательного регулирования и практической реализации права задержанного на телефонный разговор // *Российский следователь*. — 2016. — № 15. — С. 12–15.

2. *Блинова Е. Б.* Сохранение в тайне факта задержания подозреваемого — способ неразглашения данных предварительного расследования // *Вестн. Моск. ун-та МВД России*. — 2011. — № 3. — С. 122–124.

3. *Богацкий Ф. А.* Обеспечение прав подозреваемого при производстве предварительного расследования: дис. <...> канд. юр. наук. — Калининград, 2006. — 220 с.

4. *Гречишников О. С.* Обеспечение прав обвиняемого и подозреваемого при применении мер процессуального принуждения: дис. <...> канд. юр. наук. — Волгоград, 2001. — 209 с.

5. *Гриненко А. В.* Разграничение фактического и уголовно-процессуального задержания // *Уголовное право*. — 2002. — № 3. — С. 75–76.

6. *Орлова А. А.* О реализации принципа «языка уголовного судопроизводства» в российском уголовном процессе // *Проблемы правоохранительной деятельности*. — 2016. — № 2. — С. 17–19.

7. *Россинский С. Б., Ващенко Б. М.* О некоторых проблемах обеспечения правовых гарантий личности при задержании по подозрению в совершении преступления // *Вестн. Вост.-Сиб. ин-та МВД России*. — 2018. — № 4 (87). — С. 131–138.

8. *Рытьков А. А., Рытькова В. Ю.* Сохранение сведений о задержании подозреваемого в тайне // *Проблемы обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого при производстве расследования: мат. «круглого стола»*. — Калининград: КЛЮИ МВД России, 2005. — С. 64.

9. *Смушкин А. Б.* Новеллы института задержания в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // *Проблемы реформирования федерального и регионального законодательства: сб. научн. ст. межрегион. научн.-практ. конф.* — Киров: ВСЭИ, 2003. — С. 218–222.

10. *Цоколова О. И.* Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: автореф. дис. <...> д-ра. юр. наук. — М., 2007. — 60 с.

11. *Чердынцева И. А.* Уведомление о задержании подозреваемого в свете принципа языка уголовного судопроизводства // *Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. мат. междунар. научн.-практ. конф.: в 2 т.* — Иркутск, 2017. — С. 308–310.

Чимаров Николай Сергеевич,
кандидат юридических наук,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
доцент кафедры конституционного и международного права,
Россия, г. Санкт-Петербург,
kolomyagi4@gmail.com

Историко-правовой обзор типологии коррупционных проявлений в государстве

Проблема проявления феномена коррупции в условиях развития государственности относится к разряду ключевых для исследователей публичного права. По определению М. А. Бакунина, «коррупция возникла с появлением первого в истории политического государства, но именно в наши дни стала политическим институтом государства» [1]. Данный вывод отечественного мыслителя в отношении российского государства XIX в. актуален и для последующих парадигм государственного устройства XXI в.

Согласно оценке Дж. С. Ная, коррупция непосредственно корреспондирует поведению, отклоняющемуся от формальных обязанностей публичной роли, преследующему интересы приобретения личного материального или статусного выигрыша и проявляющемуся в формах:

- а) взяточничества или использования вознаграждения в целях искажения суждения находящегося в доверительном положении лица;
- б) кумовства или предоставления покровительства по причине незаслуженных аскриптивных (от *англ.* ascriptive — приписанных) отношений;
- в) незаконного присвоения государственных ресурсов в корыстном плане [7, р. 419].

Типология классифицирующих коррупцию признаков многогранна и в значительной степени обусловлена вектором дисциплинарной специализации участников коррупционного дискурса. Иллюстрацией обширности ареала коррупционных проявлений, составляющих основу типологической мозаики классификации коррупции, служит модель Н. Сулеймана и З. Османа. Указанные исследователи выделяют 4 типологических признака коррупции, квинтэссенцию которых составляют: а) персональное участие отдельных игроков; б) практика существующих коррупционных действий; в) общепринятая классификация; г) различия по уровню коррупции в странах развитых и развивающихся [10].

Персональное участие отдельных игроков в действиях коррупционного характера сопряжено с фактором коррупции: во-первых, среди чиновников высших эшелонов власти и представителей клана «акулы бизнеса» [2]; во-вторых, на уровне бытового общения и повседневной деятельности обычных граждан [4]. Сложившаяся практика коррупционных проявлений свидетельствует о следующих ее маркерах: взяточничество, электоральная коррупция, фаворитизм, кумовство, мошенничество с закупками, бюджетная коррупция и незаконное присвоение государственных ресурсов для личной выгоды. В указанном типологическом срезе следует обратить внимание на работу Дж. О. Отусанья, выделившего 15 разнообразных форм коррупционных действий: взяточничество, вымогательство, запугивание, злоупотребление служебным положением, мошенничество, растрата, фаворитизм, инсайдерская торговля, конфликт интересов, получение незаконного вознаграждения, незаконные взносы, отмывание денег, кража личных данных, преступление белых воротничков и кумовство (непотизм) [8]. Технологически близким к кумовству выступает феномен фаворитизма, коррупционным элементом которого является предоставление руководителем режима преференций или благосклонности отдельным лицам на почве семейных отношений, этнической, клановой, партийной, религиозной и иной принадлежности, а также дружбы [5].

Для ряда стран с развивающейся экономикой «приемлемой» моделью коррупционного поведения выступает практическое воплощение «синдрома призрака рабочего» (*англ.* ghost worker syndrome) [6]. Проявление отмеченного синдрома связано с умышленным увеличением фонда заработной платы посредством интегрирования в число реально работающих сотрудников фиктивных имен с последующим использованием нелегитимного дохода за выполненный псевдотруд в корыстных целях, на благо явного коррупционера.

Применительно к третьему типологическому признаку «общепринятая классификация» ряд ученых придерживаются позиции расширения пределов классификации и выделяют следующие направления коррупции: политическая, экономическая, бюрократическая, судебная, морально-этическая, образовательная и социальная. Согласно оценке М. Садика и М. Абдуллахи, политическая коррупция неотделима от мошенничества в границах политического устройства страны и может быть подтверждена изъятиями в ряде национальных избирательных процессов и правоохранительных механизмах, в судебной системе, а также слабым развитием в отдельных странах института многопартийности [9]. Центральным направлениям исследования феномена политической коррупции в виде электоральной коррупции посвящены труды отечественных ученых [3]. Проявлением бюрократической коррупции является игнорирование установленных правил и формирование процедур в процессе выполнения государственных служебных

обязанностей для получения личных предпочтений. В области образования коррупция включает в себя подкуп должностных лиц в целях получения при обучении необходимых оценок, покупку сертификатов, аттестатов и дипломов, подготовку выпускных квалификационных и диссертационных работ и др. Экономическая коррупция сопряжена с обнищанием граждан и усилением неравенства доходов богатых и бедных слоев населения [9].

Четвертый типологический признак коррупции распространяется на развитые и развивающиеся страны и может быть представлен четырьмя видами: 1) коррупция случайная или оппортунистическая (*англ. occasional or opportunistic corruption*), которая проявляется в форме взяточничества и злоупотребления положением государственного служащего; 2) коррупция широкого распространения (*англ. widespread corruption*), когда общество прямо или косвенно одобряет и признает ее в качестве неизбежного социального действия; 3) системная коррупция (*англ. systemic corruption*), охватывающая максимальное число граждан, пытающихся получить личную выгоду за счет государства; 4) разрушительная коррупция (*англ. destructive corruption*), при которой богатые стремятся к приобретению большего богатства и демонстрируют свою приверженность яркому образу жизни (*англ. exhibiting flamboyant life*), провоцирующему порождение ситуации хаоса в стране [10].

Резюмируя изложенное, необходимо сформулировать ряд выводов.

Во-первых, сущностная особенность коррупции как политико-правового явления амбивалентна: с одной стороны, проявляется в коррупционном использовании должностным лицом выгод занимаемого им положения в целях получения незаконных преимуществ (продажность), а с другой — в предоставлении указанному лицу эвентуальных преимуществ его служебного статуса посредством коррупционных действий заинтересованного субъекта (подкуп).

Во-вторых, коррупционная модель демонстрирует свою социальную устойчивость в силу адаптации коррупционеров к реалиям жизни социума и несовершенства антикоррупционного законодательства.

В-третьих, коррупция разрушает основы государственности и способствует явному отторжению отдельных компетенций государства в пользу некоторых частных лиц.

В-четвертых, способность законодателя к оперативной модернизации антикоррупционного механизма суть свидетельство развития государства на подлинно демократической основе и залог минимизации области коррупционных рисков.

Список литературы

1. Бакунин М. А. *Коррупция*. О Макиавелли. Развитие государственности. // Archives Bakounine. Библиотека VIVOS VOCO. — Leiden,

1987 // URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/BAKUNIN/PHIL1.HTM> (дата обращения: 29.08.2019).

2. *Крамер М.* Коррупция в высших эшелонах власти в России // Россия в глобальной политике. — М., 2016 // URL: <https://globalaffairs.ru> (дата обращения: 20.08.2019).

3. *Нисневич Ю. А.* Электоральная коррупция и ее зарождение в постсоветской России // Вестн. Рос. ун-та Дружбы народов. Сер. «Политология». — 2014. — № 3. — С. 5–22.

4. *Сидоренко Э. Л.* Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации // Ж-л российского права. — 2017. — № 6. — С. 154–166.

5. *Atelhe A. G., Agada A. T.* Revisiting political corruption and development in Nigeria under democratic rule // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. — 2014. — Vol 3 (1). — P. 305–314.

6. *Моюо Н.* A Paper on Ghost Worker Syndrome: A Panacea to Zimbabwe's Bloated Public Service // International Journal of Social Science and Humanities Research. — 2017. — Vol. 5. — P. 674–683.

7. *Nye J. S.* Corruption and Political Development: A Cost-Benefit Analysis // The American Political Science Review. — 1967. — Vol. 61 (2). — P. 417–427.

8. *Otusanya O. J.* Corruption as an obstacle to development in developing countries: a review of literature // Journal of Money Laundering Control. — 2011. — № 14 (4). — P. 387–422.

9. *Sadiq M., Abdullahi M.* Corruption as the bane of Nigeria's development // International Journal of Economic Development Research and Investment. — 2013. — Vol. 4(1). — P. 83–93.

10. *Suleiman N., Othman Z.* Corruption Typology: A Review of Literature // Chinese Business Review. — 2017. — Vol. 16 (2). — P. 102–108.

Штыкова Наталья Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
начальник отдела научных исследований,
Россия, г. Санкт-Петербург,
science_szfrpa@mail.ru

О законности требований, предъявляемых при внесении изменений в учредительные документы некоммерческих организаций

Как следует из действующего законодательства, в частности ст. 50 Гражданского кодекса РФ (далее: ГК РФ), юридические лица могут создаваться как в форме коммерческих, преследующих в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли, так и в форме некоммерческих, извлечение прибыли которыми не является основной целью их деятельности. Разделение юридических лиц по данной классификации является традиционным.

Регулирование деятельности некоммерческих организаций наряду с общими положениями ГК РФ осуществляется в соответствии с федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее: закон о некоммерческих организациях), который содержит специальные нормы регулирования по отношению к общим нормам ГК РФ.

Закон о некоммерческих организациях, на первый взгляд, содержит детальное регулирование некоммерческих организаций и, казалось бы, с наличием положений в общей части ГК РФ о юридических лицах, в частности о некоммерческих организациях, и специального закона никаких проблем в регулировании деятельности некоммерческих организаций возникнуть не может. Это не совсем так, и проблемы в правоприменительной практике с реализацией этих норм о некоммерческих организациях все-таки возникают.

Разберем одну из них на конкретном примере дела из судебной практики, взяв за основу решение Октябрьского районного суда Санкт-Петербурга по делу 2а-1266/2019 от 11 апреля 2019 г.

ЧОУ ДПО «Аделанте» обратилось в Управление Министерства юстиции РФ по Санкт-Петербургу (далее: Управление МЮ РФ по СПб) с заявлением о внесении изменений в устав в части внесения дополнений в перечень видов деятельности организации в соответствии с ФЗ «Об образовании в РФ».

Управление МЮ РФ по СПб отказало в государственной регистрации изменений устава на основании пп.1 п.1 ст. 23.1 ФЗ «О некоммерческих организациях», т. е. в связи с тем, что учредительные и иные представленные для государственной регистрации документы некоммерческой организации противоречат Конституции РФ и законодательству Российской Федерации.

Посчитав указанное решение Управления МЮ РФ по СПб незаконным, ЧОУ ДПО «Аделанте» обратилось в суд с административным иском, в котором просило признать отказ в государственной регистрации изменений в устав незаконным и обязать Управление МЮ РФ по СПб произвести государственную регистрацию изменений, вносимых в устав.

В качестве оснований для отказа в государственной регистрации изменений устава Управление МЮ РФ по СПб указало, во-первых, на то, что наименование «Аделанте» в новой редакции не содержит транслитерации с указанием перевода на русский язык слова «Аделанте», а во-вторых, на то, что пункты устава организации не содержат перечисления конкретных видов приносящей доход деятельности, что допускает осуществление организацией деятельности, не предусмотренной уставом, поскольку предполагает открытый перечень видов деятельности. Начнем по порядку, с транслитерации.

Требования к наименованию некоммерческих организаций установлены ст. 4 закона о некоммерческих организациях, в соответствии с которой некоммерческая организация имеет наименование, содержащее указание на ее организационно-правовую форму и характер деятельности.

Никаких иных элементов наименования некоммерческой организации ст. 4 указанного закона, осуществляющего специальное регулирование некоммерческих организаций, да и общие положения ГК РФ не содержат.

Таким образом, в данной ситуации наименование ЧОУ ДПО «Аделанте» полностью соответствует требованиям законодательства, содержит в своем наименовании указание на организационно-правовую форму (частное общеобразовательное учреждение) и характер деятельности (дополнительное профессиональное образование).

Об обязательном указании в наименовании некоммерческой организации транслитерации данные нормативные акты не упоминают, императивные правила, которые обязательно должны быть соблюдены, отсутствуют.

Также суд в своем решении отмечает, что указание на необходимость транслитерации букв русского алфавита буквами другого алфавита ни ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», ни ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» не содержат.

Таким образом, действующее законодательство РФ не содержит положений, обязывающих участников оборота указывать в наименовании некоммерческой организации транслитерацию, т. е. в данной части требование Управления МЮ РФ по СПб является незаконным, на что справедливо указывает суд.

Относительно второго основания отказа полагаем необходимым отметить, что понятия «приносящая доход деятельность» и «предпринимательская деятельность» не тождественны, а более соотносятся как общее и частное: общим является «приносящая доход деятельность», а частным — «предпринимательская деятельность».

Указанное разграничение можно усмотреть в п. 2 ст. 24 закона о некоммерческих организациях, согласно которому «некоммерческая организация может осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность...»

В таком случае в ситуации, при которой законодатель разграничивает понятия предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, с учетом императивного правила о необходимости указания в учредительных документах видов деятельности, приносящей доход, некоммерческие организации обязаны указывать в своих учредительных документах как виды предпринимательской деятельности, так и виды деятельности, приносящей доход.

При указанных обстоятельствах суд пришел к выводу о правомерности отказа в государственной регистрации изменений, вносимых в учредительные документы ЧОУ ДПО «Аделанте», и отказал в удовлетворении административного иска.

В целом требования Управления МЮ РФ по СПб не основаны на законе и толкуются слишком расширительно, фактически создавая повышенные требования к наименованию некоммерческих организаций, усложняя участникам оборота осуществление социально значимых целей деятельности.

Указанное решение оставлено без изменения судом апелляционной инстанции [1].

Несмотря на то что в данной части Управление МЮ РФ по СПб правомерно отказало в регистрации изменений, поскольку в уставе ЧОУ ДПО «Аделанте» смешивались понятия предпринимательской деятельности и деятельности, приносящей доход, и фактически все было отнесено к предпринимательской деятельности, необходимо в целях устранения таких проблем в будущем внести дополнения в закон о некоммерческих организациях в части прямого указания на разделение «деятельности, приносящей доход» и «предпринимательской деятельности» с указанием на внесение в устав некоммерческой организации закрытого списка предпринимательской деятельности, которую вправе осуществлять некоммерческая организация в соответствии с целями ее деятельности, не смешивая ее с «деятельностью, приносящей доход».

Внесение дополнений окажет благоприятное влияние на развитие гражданского оборота, устранение правовой неопределенности, а также на развитие рыночной экономики в целом.

Список литературы

1. Производство по гражданским и административным делам — апелляция // Санкт-Петербургский городской суд: сайт. — URL: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=c.

Шунк Виктория Эдуардовна,
кандидат юридических наук,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
доцент кафедры криминалистики,
Россия, г. Санкт-Петербург,
vika-shunk@ Rambler.ru

**Знание поведенческих признаков обмана — условие
эффективности опроса (допроса) и экономии бюджетных средств
при раскрытии и расследовании преступлений**

Общеизвестно, что государственная деятельность правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений является затратной с позиции расходования бюджетных средств. Наука уголовного процесса находилась и находится в поиске оптимальности и экономии судопроизводства. М. П. Поляков и А. Ю. Смолин обоснованно приходят к выводу, что «сама процессуальная форма <...> есть прямое следствие целенаправленного поиска наиболее экономичных путей организации деятельности» [1, с. 9]. Экономия судопроизводства и бюджетных средств может быть реализована не только посредством процессуальной формы, но и оптимальностью тактики проведения отдельных мероприятий. Так, отвлечение очевидцев преступления в целях повторных опросов (допросов) может необоснованно затягивать процесс раскрытия и расследования деяния, а также увеличивать суммы судебных издержек. Одной из причин повторных опросов (допросов) может стать вскрытый впоследствии факт, что лицо изначально давало неправдивые показания.

Поскольку показания получают должностные лица правоохранительных органов, к ним могут предъявляться особые профессиональные требования: помимо соблюдения требований закона при проведении опроса (допроса) тактически правильно и своевременно выявлять поведенческие признаки обмана при сообщении отдельными лицами устной информации о преступлении. Это может не только эффективно сказываться на процедуре раскрытия и расследования преступлений, но и сократить суммы судебных издержек, покрываемых за счет средств казны. В этом видится одно из направлений совершенствования деятельности публичных органов применения права.

Проблемой является то, что сотрудники правоохранительных органов работают в условиях служебной многозадачности и постоянной нехватки времени для выполнения своих задач. С учетом повышенной

психоэмоциональной напряженности выполняемых служебных задач вполне очевидно, что сотрудники могут не обладать эффективной методикой по выявлению поведенческих признаков обмана при получении показаний. Исходя из этого, в рамках данной статьи изложим соответствующие признаки обмана, способы сокрытия признаков обмана, типичные ошибки при выявлении признаков обмана и основные обстоятельства, которые с высокой степенью вероятности могут говорить о том, что дающий показания лжет.

При выявлении признаков обмана сотрудник должен знать, что нет признака или совокупности признаков, однозначно указывающих на то, что человек лжет. Наличие конкретного признака или совокупности признаков в поведении лица может означать, что человек, скорее всего, обманывает. Для исключения неправильной интерпретации признаков обмана сотрудник также должен знать, что в психофизиологии существует ряд феноменов.

1. «Капкан» Брокау — неправильная оценка людей как лжецов. Причины этого связаны с непониманием индивидуальных различий, благодаря которым даже человек, говорящий правду, может выказывать признаки лжи, а настоящий лжец может их не проявлять. Например, уклончивые ответы могут быть ошибочно интерпретированы как признак лжи, а это может быть всего лишь привычная манера общения лица. Именно поэтому важно знать, какова обычная манера ведения беседы отдельно взятого лица.

2. Ошибка Отелло — непонимание любимым человеком (в нашем случае — сотрудником правоохранительных органов), что даже говорящий правду может вести себя как обманщик. Причины появления в ответах человека признаков лжи связаны с волнением, вызванным подозрением его в совершении преступления. Например, повышение голоса может быть неправильно интерпретировано как признак лжи, поскольку люди склонны думать, что говорящие правду ведут себя спокойно. Повышение голоса может стать реакцией на страх или гнев, вызванные возможным обвинением. Проблемой в этом случае является то, что страх, испытываемый лицом из-за необоснованного подозрения, может быть и страхом из-за возможного раскрытия лжи. Сотрудник должен выявить причины страха.

Теперь непосредственно изложим поведенческие признаки обмана. В большинстве своем эти признаки — результат длительных исследований американского психолога, профессора Калифорнийского университета в области психофизиологии Экмана П. Основными источниками информации о возможной лжи являются голос и телодвижения, менее информативными — слова и мимика.

1. Голос.

1. Если при ответе на вопросы, касающиеся преступления, лицо стало тщательно подбирать слова, сопровождая это паузами, это может

означать, что оно не продумало свою линию ответа заранее и пытается скрыть от сотрудника какую-то информацию. Признаком лжи при ответе могут быть междометия (например, «ну», «э-э» и т. п.), повторы слов или лишние слоги. Такой характер ответа может являться признаком лжи, если это способ ведения беседы, не свойственный человеку. Поэтому сотруднику важно выявить, как человек отвечает на заурядные вопросы или общеизвестные факты. Если данное лицо представляет особый интерес для сотрудника, необходимо дополнительно собрать информацию о характере ведения им беседы в повседневной жизни.

2. Если голос изменяется на более громкий и речь становится быстрее (возможно), то лицо испытывает при ответе гнев или страх, в том числе из-за лжи. Если голос меняется на более тихий, то лицо испытывает печаль и, возможно, вину.

II. Телодвижения.

1. Эмблема — жест (действие), имеющий конкретное значение для людей из одной культурной группы, смысл которого ясен и не нуждается в сопровождении словами (например, пожатие плечами, особенно сочетающееся с подковообразной формой рта — «не знаю», кивок головой — «да», горизонтальные вращения головой — «нет» (у индусов, наоборот, «да»). Если эмблема выполняется не полностью, а фрагментарно, это может свидетельствовать о действительном отношении лица, которое лицо пытается скрыть, ответив словами другое (например, выпятил нижнюю губу, поднял одно плечо или невысоко поднял плечи и ответил «да»). Если эмблема выполняется не в привычной позе, это тоже может свидетельствовать об истинном отношении лица, давшего иной ответ. Все осознанные эмблемы руками человек выполняет прямо перед собой, не пытаясь скрыть их от собеседника.

2. Иллюстрации — как правило, движения рук, демонстрирующие слова (лицо прослеживает в воздухе путь своей мысли, рисует руками то, о чем говорит, и т. д.). Иллюстрации отсутствуют или редки, если тема неинтересна. Поэтому, если лицо говорит о чем-либо, по его словам, его затрагивающем или пытается изобразить энтузиазм, а количество иллюстраций не увеличивается, это может свидетельствовать о лжи. Если лицо испытывает страх в момент лжи, то количество иллюстраций будет уменьшаться, поскольку лицо отвлекается от иллюстраций, стремясь подавить страх и обдумать произносимые слова. Иллюстраций станет меньше, если лицо не будет уверено в том, что говорит. Необходимо акцентировать внимание на том, что иллюстрации всегда сопровождают речь и не несут самостоятельного смыслового значения, а эмблема может использоваться без слов.

3. Манипуляции — движения рукой, массирующие, потирающие, ковыряющие, чешущие, закручивающие, иные действия, затрагивающие другие части тела. Возросшее количество манипуляций не является достоверным признаком лжи, несмотря на то что у большинства

людей имеется обратное представление. Именно поэтому манипуляции приводятся в данном пособии, чтобы сотрудник не допускал ошибок, неправильно интерпретируя их. Если человек представляет повышенный интерес для раскрытия и расследования преступления, сотрудник должен установить, является ли большое количество манипуляций привычным поведением лица, чтобы при интерпретации не попасть в «капкан» Брокау. По сравнению с другими невербальными признаками лжи манипуляции подавить легче. По этой причине лицо, особо мотивированное на сообщение заведомо ложных сведений, может подавить манипуляции.

III. Слова.

1. Языковые оговорки (ошибка по Фрейду) — одно слово или словосочетание, которое звучит как ошибка в предложении, но, как правило, выражает то, что человек хотел сказать.

2. Тирады — целая фраза, произнесенная под влиянием эмоций, которая, как правило, соответствует тому, что человек действительно хотел сказать, но промолчал бы, если бы совладал с эмоциями.

IV. Мимика.

Об обмане могут свидетельствовать первые из трех нижеперечисленных признаков, если они не соответствуют ситуации.

1. Учащенное моргание глазами выдает эмоциональное возбуждение. Этому признаку можно научиться, поэтому при действительно эмоциональном возбуждении расширяются зрачки.

2. Расширение зрачков выдает эмоциональное возбуждение. Этот признак не поддается сознательному контролю, им управляет вегетативная нервная система.

Совокупность учащенного моргания глаз с расширяющимися зрачками свидетельствует об эмоциональном возбуждении, которое может быть вызвано восторгом, гневом или страхом. Для сотрудника совокупность этих двух признаков будет иметь значение, если ему будет достоверно известно, что лицо является обманщиком, а не честным человеком.

3. Слезы вызываются горем, грустью, облегчением, реже — страхом или безудержным смехом.

4. Работа мышц, расположенных вокруг глаз. Работу этих мышц можно имитировать или подавить при ответе, поэтому изменяющиеся движения мышц не являются верным признаком обмана.

5. Направление взгляда: движение вниз — грусть, в сторону — отвращение, вниз и в сторону — вина или стыд. Движение взгляда можно контролировать, поэтому этот признак не является верным признаком соответствующего чувства.

Изложив систему поведенческих признаков обмана, необходимо обратиться к еще одному аспекту противодействия путем дачи заведомо ложных показаний. Человек, вводящий в заблуждение сотрудника,

будет пытаться скрыть произвольные признаки обмана. «Лучший способ скрыть сильные эмоции — это маска (...) Самая лучшая маска — фальшивая эмоция» [2, с. 28]. Таким образом, человек противодействует раскрытию или расследованию путем дачи заведомо ложных показаний и одновременно противодействует сотруднику в выявлении признаков лжи. Как показало исследование Экмана П., труднее изобразить гнев и отвращение [2, с. 31], но и они могут имитироваться отдельными лицами. В связи с данным способом двойного противодействия необходимо изложить и признаки фальсификации эмоций.

1. Эмоция лица, не соответствующая конкретной ситуации. Например, если лицо постоянно излишне улыбается, оно, скорее всего, пытается скрыть волнение, вызываемое заведомо ложными показаниями.

2. Асимметрия лица при изображении какого-либо чувства. Если одна половина лица будет искажаться сильнее, чем другая, это свидетельствует о том, что чувство, которое хочет выразить человек, является фальшивым.

3. Длительность выражения лица при изображении какого-либо чувства также свидетельствует о том, что выражение лица является не естественным, а фальшивым. «Выражения, длящиеся более десяти секунд, несомненно, а около пяти секунд — с большой долей вероятности являются фальшивыми (...) За исключением наивысшего накала страстей, таких как экстаз, буйная ярость или глубокая депрессия, подлинные чувства большей частью кратковременны, и их проявление длится не более нескольких секунд» [2, с. 144–145].

4. Несвоевременность выражения лица по отношению к словам, интонации или движениям тела может означать, что человек пытается имитировать чувство. Например, человек говорит, что он очень расстроен каким-либо фактом, а печальное выражение на лице появляется позже. Выражение какого-либо чувства на лице должно появиться раньше или одновременно со словами, интонацией или телодвижениями, соответствующими этому выражаемому чувству.

Обладая знаниями о поведенческих признаках обмана и о способах скрыть эти признаки, сотрудник тем не менее должен делать вывод, лжет человек или нет, основываясь на изменениях в его поведении. Необходимо установить, как человек ведет беседу на отвлеченные темы и как он будет вести беседу, отвечая на вопросы, связанные с преступлением. Если человек представляет особый интерес для правоохранительных органов, то желательно, чтобы сотрудник беседовал с ним несколько раз. «Капкан Брокау не так опасен при толковании четырех следующих источников утечки информации: речевые оговорки и эмблемы, эмоциональные тирады и микровыражения. Для их оценки в сравнении нет необходимости, ибо они имеют смысл сами по себе» [2, с. 165].

Знание приведенных признаков обмана при сообщении устной информации, способов сокрытия этих признаков и методики выявления возможной лжи при даче показаний могут позволить решить две взаимосвязанные задачи. Во-первых, сделать процедуру раскрытия и расследования преступлений эффективной и менее продолжительной. Во-вторых, снизить экономическую затратность правоохранительной деятельности в сфере противодействия преступности оперативно-розыскными и процессуальными средствами.

Список литературы

1. *Поляков М. П., Смолин А. Ю.* Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: моногр. — Н. Новгород: Нижегородск. акад. МВД России, 2011. — 152 с.
2. *Экман П.* Психология лжи: Обмани меня, если сможешь. — СПб.: Питер, 2015. — 384 с.

Смирнова Ольга Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Россия, г. Санкт-Петербург,
Olga_1963@inbox.ru

Интернет как угроза информационно-психологической безопасности личности в информационном обществе

Информация и информатизация играют сегодня без преувеличения важнейшую роль, определяя развитие современного мира и современного человека. Информационные технологии приобрели транснациональный характер и стали неотъемлемой частью человеческого сознания. Последняя ступень информационной революции — Интернет, по оценкам ученых, стал проводником глобализации информационного общества, открыл границы государств, т. е. сделал их технологически проницаемыми. Интернет выступает сегодня как универсальная среда, где в единое целое собраны все аспекты социальной жизни общества. Это создает угрозу безопасности как национальной, так и информационной. Негативное воздействие на информационную среду и проблемы противодействия ее внутренним и внешним угрозам дают право говорить о приоритетности направления защиты информации и безопасности данных, которые циркулируют в Интернете.

Анализируя направленность информационных воздействий в Интернете, специалисты выделяют два основных уровня угроз. Первый — психологический — связан с возможностью деформации душевного состояния конкретных людей и как следствие общественного сознания в целом. Второй уровень определяет информационную (значит, и национальную) безопасность государства [4, с. 79–81].

Рассматривая психологический аспект как приоритетный, можно выделить сразу несколько признаков, которые определяются специалистами как признаки негативного воздействия информации на неокрепшие умы молодого поколения и связаны прежде всего с Интернетом. Мы не можем недооценивать преимущества, которые дает Интернет, но должны понимать, что вместе с преимуществами мы невольно подвергаемся опасностям, которые таятся за этим комфортом. Как правило, преимущества Интернета очевидны и не нуждаются в детальной

проработке, тем не менее имеет смысл остановиться на некоторых, которые не только деструктивно воздействуют на молодое поколение, но и являются частью информационной войны, проводимой недружественными нам странами.

Интернет выступает источником разнообразной информации, которую можно получить, хранить и передать в любом месте и в любое время. Преимуществом является то, что он неподконтролен цензуре, а значит, позволяет распространять любую информацию. Однако информация при этом может быть и которую негативного характера — от экстремисткой до порнографической. Искаженная, недостоверная, ложная информация, предоставляемая на информационном рынке, дезинформирует общество, которое постепенно утрачивает свои национальные ценности.

Интернет позволяет подростку свободно общаться со сверстниками в сети и высказывать свое мнение, не будучи узнанным. Большинство подростков свою незащищенность, слабость, давление родителей, учителей, отверженность сверстниками в реальной жизни компенсируют в виртуальной. Чаще всего именно внешняя, окружающая подростка среда приводит его в виртуальный мир, где он самоутверждается. Именно этот мир становится для подростка незаменимым, а он — зависимым от него.

Преимущества Интернета и в том, что мы свободно можем критиковать практически все, что нам не нравится: коррупцию, поведение чиновников, произвол со стороны государственных структур. Интернет пестрит информацией такого характера, порождая злобу, ненависть, чувство несправедливости по отношению к людям, обществу. Скептицизм и агрессия, выражаясь в несанкционированных митингах и уличных беспорядках, сводятся к дестабилизации и разрушению внутренних устоев национальной безопасности.

Интернет служит информационно-психологическим оружием информационной войны, ибо прежде всего воздействует на сознание человека. Информационная война — война нового типа, основным объектом которой является сознание людей. Она основана на возможности управления и манипулирования общественным сознанием, подчинения воли человека [4, с. 83]. Предоставление ложной информации, лаконично выстроенной, подкрепленной графическим сопровождением или «историческими копиями», заставляет усомниться в подлинности, казалось бы, незыблемых парадигм. Неокрепший ум отказывается понимать, где правда, а где ложь, разрешает манипулировать своим сознанием и в конечном счете становится жертвой в чьих-то умелых руках. Одно из самых мощных орудий информационных атак — пропаганда. Пропаганда должна быть доступной, понятной даже для тех, кто не имеет образования, и к чем более широкой аудитории она обращена, тем проще должен быть ее идейный уровень.

Соединенные Штаты Америки используют свое преимущество в информатизации общества и пропагандируют свою культуру, свои взгляды на различные социальные процессы и события, предлагают идеализировать и внедрять социальные экономические и другие модели, формируя отношение общества, особенно молодежи, к своей стране, ее проблемам, к властям, политике, подчиняя сознание молодых людей своим ценностям. «Психика современного пользователя социальных сетей оказалась удивительно беззащитным заложником когнитивных технологий сетевых войн. Информационно-психологическое воздействие далеко не всегда воспринимается человеком как опасность. Напротив, первично оно манит, поражает, пленяет, впечатляет. Поскольку информация служит источником ориентации человека в окружающей среде, именно на ее основе он принимает решения, формирует собственные оценки событий и других людей, выстраивает свои убеждения» [1, с. 45].

Россия давно находится в стадии информационной войны с недружественными по отношению к ней странами, и умение противостоять этому есть первостепенная задача нашего государства. А. В. Манойло определяет информационную войну как «процесс противоборства человеческих общностей, направленный на достижение политических, экономических, военных или иных целей стратегического уровня путем воздействия на гражданское население, власти и (или) вооруженные силы противостоящей стороны, посредством распространения специально отобранной и подготовленной информации, информационных материалов и противодействия таким воздействиям на собственную сторону» [2, с. 150].

Россия на протяжении длительного времени проигрывает информационные войны. Для того чтобы успешно противостоять информационным атакам, придется еще многое сделать, и это относится не только к правовому обеспечению информационной сферы. К сожалению, Россия чаще оставалась лишь пассивным объектом агрессивного информационного воздействия. Обеспечение информационной безопасности велось в типичном для закрытой системы стиле: через наращивание тотальной секретности и ограничение доступа к информации. Недооценка роли информационно-психологической составляющей в политическом противостоянии, отсутствие навыков наступательных действий стали причиной многих поражений в последние десятилетия [1, с. 41]. Мы должны научиться не только отражать атаки, но и сами атаковать. Необходимо агрессии лжи и дезинформации противопоставить наступательность честной информации. Ибо, как утверждал, согласно легенде, князь А. Невский, «не в силе Бог, а в правде». Может быть, на этом пути сила и успех России? Ведь соревнование некоторых стран в изощренности обмана и экономическом коварстве неизбежно ведет их в тупик разных кризисов [1, с. 43].

Список литературы

1. Баранов Н. А., Вассоевич А. Л., Виноградова С. М. [и др.]. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность / под ред. И. Ф. Кефели, Р. М. Юсупова. — СПб.: Петрополис, 2017. — 300 с. // URL: <http://www.iprbookshop.ru/84670.html> (дата обращения: 12.08.2019).

2. Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. — М.: Горячая линия — Телеком, 2003. — 541 с.

3. Петров С. В. Кисляков П. А. Информационная безопасность: учеб. пособие. — Саратов: Ай Пи Ар Букс, 2015. — 326 с. // URL: <http://www.iprbookshop.ru/33857.html> (дата обращения: 12.08.2019).

4. Суворова Г. М. Информационная безопасность: учеб. пособие. — Саратов: Вузовское образование, 2019. — 214 с. // URL: <http://www.iprbookshop.ru/86938.html> (дата обращения: 12.08.2019).

**Актуальные вопросы развития
государственности и публичного права**

Материалы

V международной научно-практической конференции

Санкт-Петербург, 27 сентября 2019 г.

Том 1

Подписано в печать 08.11.2019. Формат 60×84/16. Печ. л. 12,25. Тираж 50 экз.
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России).
199178, Санкт-Петербург, 10-я линия В. О., д. 19, лит. А.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе (РИО)
Санкт-Петербургского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России).